947.07
Н19

В. В. Назаревскій.

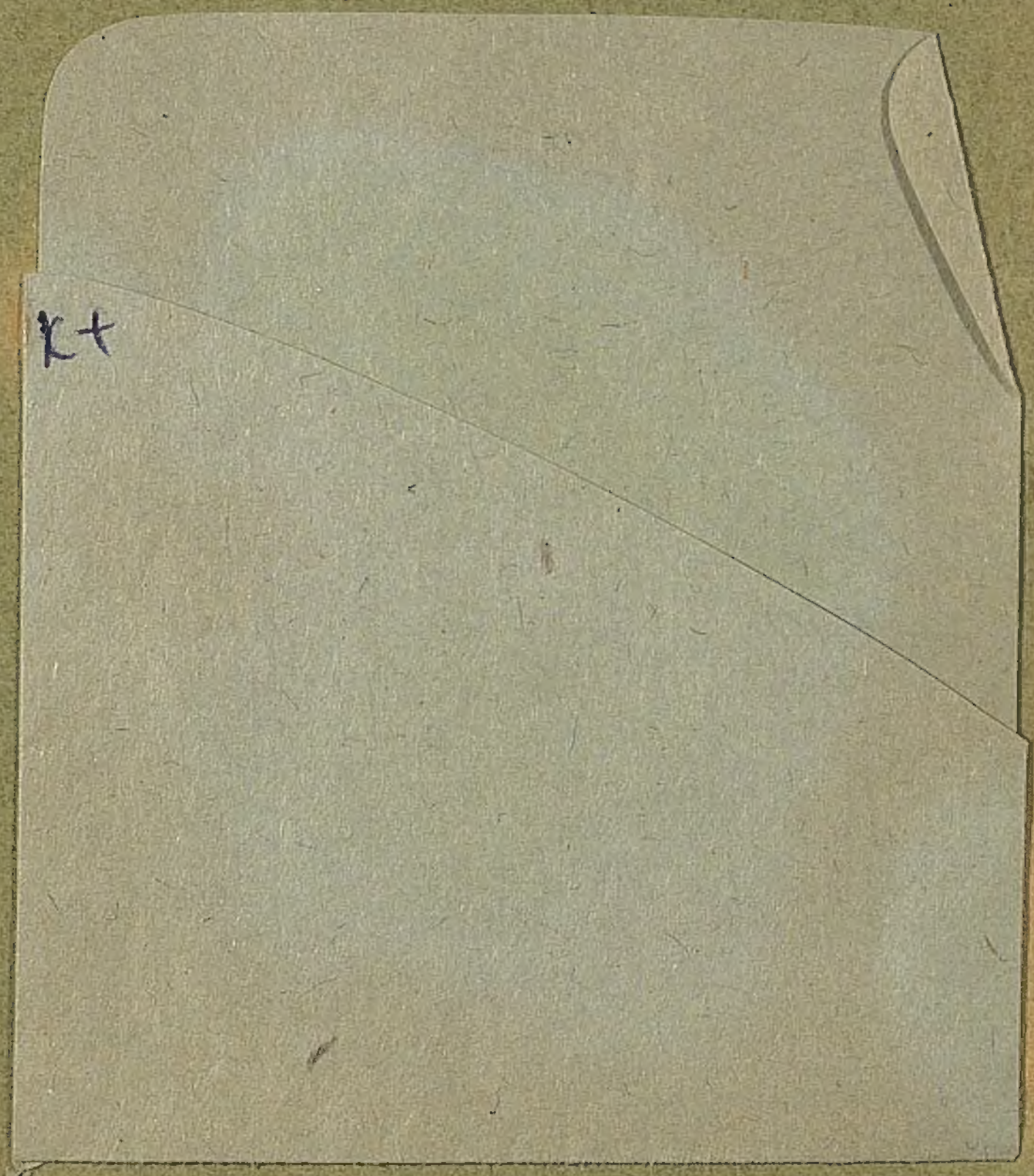
Царствованіе Императора Николая I.

1825—1855.

Съ 92 рисунками.

1707

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, свой домъ.
Москва. — 1910.



Ко
п 84 г.
На домъ не выдается
Э, К,
— М

В. В. Назаревскій.

ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА
Николая I.

1825—1855.

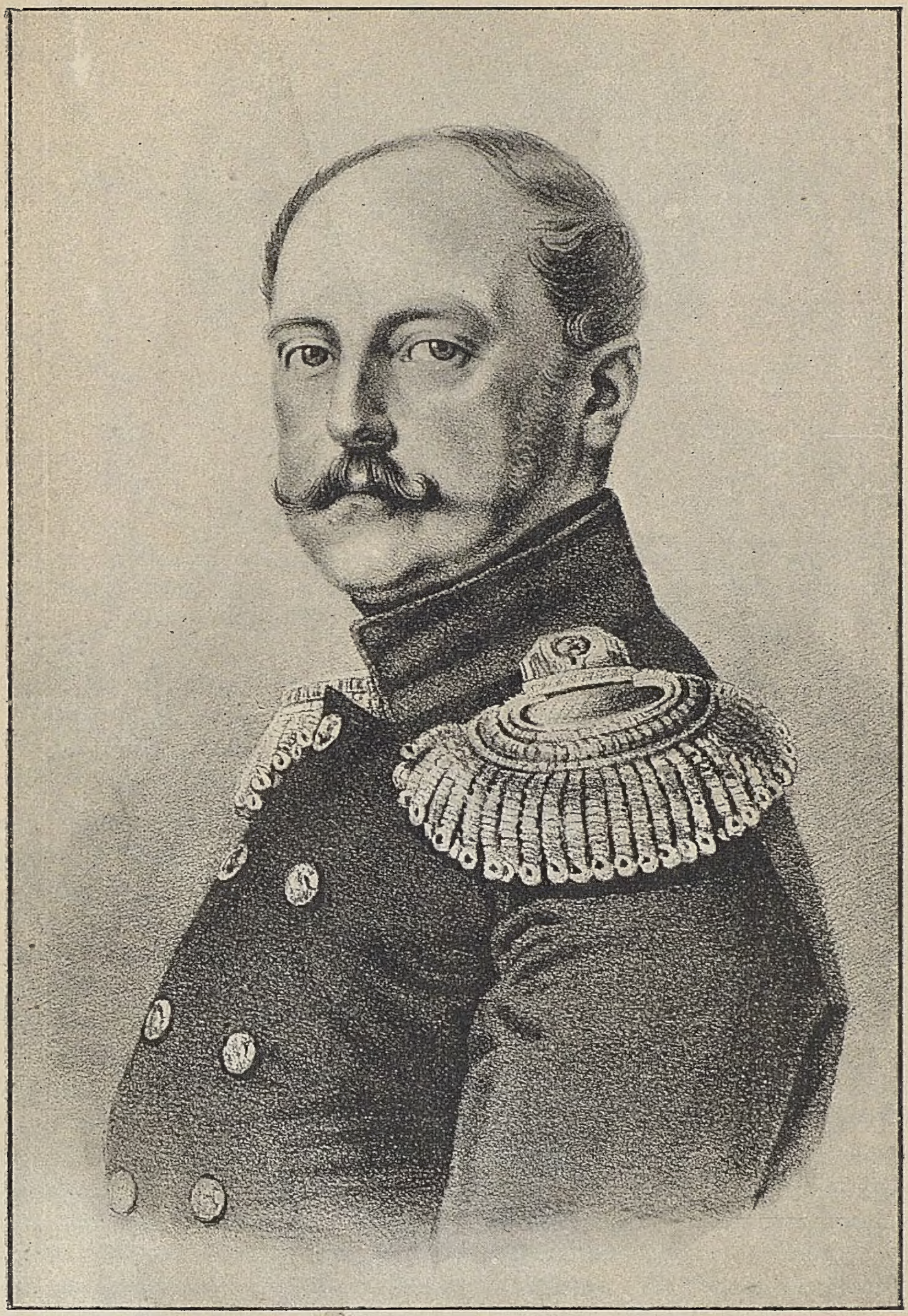
39818
49 г.
39818
ЦЕНТРАЛЬНОЕ КНИГОХРАНИЛИЩЕ
Московск. Обл. Библиотеки

Съ 92 рисунками.

94707
Н 19
Московская Центральная
Публичная Библиотека

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., соб. домъ.
МОСКВА.—1910.

6



Московская Центральная
Публичная библиотека

I.

Личность и дѣятельность императора Николая I до начала его царствованія.—Трудности его положенія при вступленіи на престолъ.—14 декабря 1825 года.—Судъ надъ декабристами и начало царствованія.

Третій сынъ императора Павла I, великій князь Николай Павловичъ, неожиданно и для себя и для всей Россіи, долженъ былъ вступить на царскій престолъ, по волѣ императора Александра I и вслѣдствіе отреченія отъ престолонаслѣдія своего брата Константина Павловича. (См. „Русскую Исторію“. Часть IV, стр. 196).

Императрица Екатерина II, при самомъ рожденіи (25 іюня 1796 года) этого своего внука, говорила своимъ приближеннымъ: „Я—бабка третьяго внука, который, судя по необыкновенной его силѣ, кажется мнѣ, предназначенъ царствовать, несмотря на то, что у него два старшихъ брата“.

И переписка ея съ разными лицами ярко рисуетъ ея изумленіе чрезвычайной физической мощи новорожденнаго богатыря. Вотъ что говорится о немъ въ одномъ письмѣ: „Великая княгиня (Марія Ѳеодоровна) родила большущаго мальчика, котораго назвали Николаемъ. Голосъ у него—басъ, и кричитъ онъ удивительно; длиною онъ одинъ аршинъ безъ двухъ вершковъ, а руки немного меньше моихъ. Въ жизнь свою въ первый разъ вижу такого рыцаря. Если онъ будетъ продолжать такъ, какъ началъ, то братья окажутся карликами предъ такимъ колоссомъ“. Чрезъ 10 дней съ возросшимъ

изумленіемъ императрица пишетъ: „Рыцарь Николай уже три дня кушаетъ кашку, потому что безпрестанно проситъ ѣсть. Я полагаю, что никогда восьмидневный ребенокъ не пользовался такимъ угощеніемъ: это—неслыханное дѣло. У нянекъ просто руки опускаются отъ удивленія. Онъ смотритъ на всѣхъ во всѣ глаза, голову держитъ прямо и поворачиваетъ не хуже моего...“

Державинъ въ своемъ стихотвореніи „На крещеніе великаго князя Николая Павловича“ говорилъ:

Дитя равняется съ царями:
...Онъ будетъ, будетъ славенъ,
Душой Екатеринѣ равенъ.

Только нѣсколько мѣсяцевъ новорожденный находился на попеченіи своей бабушки и, за скорою ея смертью, не получилъ такихъ учителей и воспитателей, какіе даны были его старшимъ братьямъ. Но чрезвычайно было важно, что онъ не былъ оторванъ отъ своихъ родителей и пользовался особою любовью своего отца.

Вечеромъ 11 марта 1801 года, въ послѣдній день своей жизни, императоръ Павелъ посѣтилъ въ Зимнемъ дворцѣ великаго князя Николая Павловича, которому уже шелъ пятый годъ. Ребенокъ обратился къ родителю съ вопросомъ, отчего его называютъ Павломъ Первымъ? „Потому что не было другого государя, который носилъ бы это имя до меня“, отвѣчалъ ему императоръ.—„Тогда,—продолжалъ великій князь,—меня будутъ называть Николаемъ Первымъ“.—„Если ты вступишь на престолъ“, замѣтилъ ему государь. Погрузившись затѣмъ въ раздумье и устремивъ долгое время взоръ на сына, Павелъ Петровичъ крѣпко поцѣловалъ его и быстро удалился...

Съ самаго ранняго дѣтства этотъ великій князь обнаруживалъ признаки будущаго своего энергическаго, властнаго и твердаго характера; склонный къ вспыльчивости и гнѣвливости, онъ въ то же время отличался добротою и дружелюбіемъ. Императрица Марія Ѳеодоровна употребляла всѣ мѣры дать преобладаніе въ образованіи сына научнымъ, теоретическимъ познаніямъ, но его влекло совсѣмъ въ другую сторону: какъ въ дѣтскихъ играхъ, такъ и на урокахъ отрочества и на лекціяхъ юности, онъ всего болѣе интересовался военнымъ дѣломъ и всего больше преуспѣвалъ въ военныхъ наукахъ.

Изъ другихъ предметовъ особенно интересовала его Русская исторія, а изъ Всеобщей болѣе всего останавливали его вниманіе

В. К. Николай Павловичъ
въ дѣтствѣ.

Наполеонъ и французская революція. „Король Людовикъ XVI не понялъ своей обязанности и былъ за это наказанъ,—говорилъ юноша Николай. — Быть милосерднымъ не значитъ быть слабымъ; но государь не имѣетъ права прощать врагамъ государства".

Какъ будто предчувствуя, что ему суждено царствовать, онъ однажды сказалъ: „Если я буду царемъ хоть на одинъ часъ, то покажу, что былъ того достоинъ".

Въ грозный 1812 годъ великому князю Николаю Павловичу исполнилось 16 лѣтъ, а его брату Михаилу Павловичу—15. Оба они горячо просили и мать и царствующаго брата отпустить ихъ на войну, но получили отъ нихъ рѣшительный отказъ. Огорченный Николай Павловичъ говорилъ: „Мнѣ стыдно видѣть себя безполезнымъ на землѣ существомъ, непригоднымъ даже для того, чтобы умереть смертью храбраго". Чрезвычайно обрадовался онъ, когда императоръ Александръ въ 1814 году дозволилъ ему принять участіе въ заграничномъ походѣ противъ Наполеона, но онъ прибылъ въ дѣйствующую армію, когда государь уже вступилъ въ Парижъ, и здѣсь онъ обнаруживалъ интересъ не столько къ Лагарпу и представителямъ французской образованности, сколько къ военнымъ дѣламъ и притомъ больше всего къ совершоннымъ русскими войсками подвигамъ. Въ домѣ Инвалидовъ онъ спросилъ одного сержанта, лицо котораго было изборождено шрамами отъ сабельныхъ ударовъ, гдѣ онъ получилъ эти раны? „Это такъ отпотчевали меня русскіе казаки при переправѣ черезъ Березину. Ну, положимъ, и я не остался у нихъ въ долгу. Но по дѣломъ намъ. Зачѣмъ ходили мы въ Россію? Вотъ земля, которая отстояла сама себя и ни у кого не просила помощи. Войти-то въ нее, пожалуй, можно, а выйти—не выйдешь; а если и выйдешь—такъ, какъ я, на инвалидное содержаніе". Великій князь поспѣшилъ передать этотъ характерный разговоръ государю, а тотъ пожелалъ повидать инвалида, но встрѣтилъ отъ него укоръ себѣ за низложеніе Наполеона и возведеніе на престолъ Франціи Бурбоновъ.

Съ образовательными цѣлями великій князь посѣтилъ Бельгію и Голландію, гдѣ съ особымъ чувствомъ останавливался на мѣстахъ учебныхъ работъ Петра Великаго, побывалъ въ Англіи, гдѣ холодные англичане не могли удержаться отъ восхищенія царственной фигурой, когда онъ проѣзжалъ по Лондону верхомъ и говорили: „Вотъ настоящій наслѣдникъ Русскаго императора". Вездѣ Николай Павловичъ производилъ сильное впечатлѣніе не только своею внѣшностью, но и своимъ рыцарскимъ прямодушіемъ и благородствомъ.

Императрица Александра Ѳеодоровна.

Пребываніе его въ Берлинѣ имѣло важное для него значеніе, такъ какъ онъ здѣсь сблизился съ дочерью прусскаго короля Фридриха Вильгельма и королевы Луизы—принцессой Шарлотой: оба дали слово навѣки принадлежать другъ другу, не зная того, что ихъ бракъ заранѣе былъ предрѣшенъ царствующими домами. Принцесса Шарлота, съ переходомъ въ православіе, приняла имя Александры Ѳеодоровны и сдѣлалась Русскою императрицей.

Довершая свое образованіе, Николай Павловичъ объѣхалъ значительную часть Россіи. Особое вниманіе на югѣ ея привлекли донскіе казаки и военныя поселенія. Южный берегъ Крыма очаровалъ его своей природой и восхитительными видами. Въ Николаевѣ онъ присутствовалъ при спускѣ новаго 74-пушечнаго корабля и сказалъ: „Мы присутствуемъ при созданіи нашего черноморскаго флота; помолимся Богу, чтобы этотъ флотъ преуспѣвалъ быстро, и чтобы вообще наши морскія силы не имѣли причины завидовать Англіи и Франціи“. Въ Польшѣ и западно-русскихъ губерніяхъ онъ подмѣтилъ непримиримо враждебное отношеніе поляковъ къ Россіи, несмотря на все великодушіе къ нимъ Александра I; не укрылась отъ него здѣсь и страшная эксплуатація народа евреями, хотя они въ въ 1812 году были корректнѣе поляковъ въ своихъ отношеніяхъ къ намъ, какъ замѣтилъ Николай Павловичъ.

1 іюня 1817 года состоялось бракосочетаніе великаго князя съ Александрою Ѳеодоровною. Императоръ Александръ Павловичъ въ этотъ день подарилъ новобрачнымъ Аничковскій дворецъ. Здѣсь въ простотѣ и счастьи текла ихъ семейная жизнь. Строгій и даже суровый въ своихъ служебныхъ отношеніяхъ, Николай Павловичъ былъ неузнаваемъ въ своемъ Аничковскомъ дворцѣ: онъ бывалъ здѣсь всегда веселъ, привѣтливъ и ласковъ. Однажды онъ сказалъ своей супругѣ: „Если кто-нибудь спроситъ тебя, гдѣ живутъ счастливо, пожалуйста, пошли его въ Аничковъ дворецъ“.

Въ слѣдующемъ 1818 году, 17 апрѣля на Святой недѣлѣ, когда царская семья гостила въ Москвѣ, у нихъ родился первый сынъ Александръ Николаевичъ, котораго привѣтствовали, какъ будущаго царя, не только поэты того времени, какъ Жуковскій, Рылѣевъ и другіе, но и народъ. Онъ былъ крещенъ въ Чудовѣ монастырѣ у мощей святителя Алексія.

Императоръ Александръ, его братъ, цесаревичъ Константинъ и ихъ царственная мать Марія Ѳеодоровна уже и въ ту пору предназначали Николая Павловича ко вступленію на престолъ, но почему-то не считали возможнымъ открыть ему столь важный планъ. Даже будущему государю предоставлено было скромное служебное

Аничковъ дворецъ.

положеніе: онъ, будучи командиромъ Измайловскаго полка, въ день своей свадьбы былъ назначенъ шефомъ лейбъ-гвардіи сапернаго баталіона и генералъ-инспекторомъ инженерной части. Въ высшей степени добросовѣстно исполнялъ онъ свои обязанности: почти ежедневно присутствовалъ въ лагерѣ на саперныхъ работахъ; заботился о хорошемъ обученіи солдатъ не только техникѣ, но и грамотѣ, для чего заводилъ школы. Для инженернаго образованія офицеровъ основалъ Главное Инженерное училище (преобразованное въ Николаевское Инженерное училище) и выработалъ „Положеніе о саперныхъ школахъ“, вошедшее въ составъ воинскаго устава. Вообще великій князь много и съ пользою поработалъ для постановки въ Россіи сапернаго и инженернаго дѣла. Въ командномъ отношеніи онъ былъ только начальникомъ бригады и временно начальствовалъ гвардейской дивизіей. Удивительно, что онъ не былъ назначенъ даже и членомъ Государственнаго Совѣта.

Переутомленіемъ императора Александра I и овладѣвшею имъ нерѣшительностью можно объяснить, что онъ не посвятилъ вполнѣ ясно и опредѣленно своего брата, предназначеннаго царствовать, въ рѣшенную уже перемѣну въ престолонаслѣдіи. Правда, ему дѣлались намеки на это. Такъ, однажды, уѣзжая за границу, государь возложилъ на Николая Павловича содѣйствовать императрицѣ-матери во всѣхъ обстоятельствахъ, когда должна быть олицетворена императорская власть, и при этомъ сказалъ: „Тебѣ надо пріучаться къ ремеслу императора. Кто знаетъ, что можетъ случиться?“ Въ 1820 году, вызывая его на конгрессъ въ Троппау, государь сказалъ: „Пусть государи, мои союзники, привыкаютъ видѣть въ тебѣ защитника Священнаго союза“.

Только одинъ разъ во время обѣда втроемъ, 13 іюня 1819 года, Александръ I, высказавъ радость по поводу добросовѣстнаго отношенія Николая Павловича къ своей службѣ, объяснилъ эту радость тѣмъ, что на немъ будетъ со временемъ лежать большое бремя, что онъ смотритъ на него, какъ на своего замѣстителя, и это должно совершиться ранѣе, чѣмъ предполагаютъ, а именно еще при жизни его, императора. Великая княгиня Александра Ѳеодоровна, передавшая этотъ разговоръ, говорила: „Мы сидѣли, какъ окаменѣлые, широко раскрывъ глаза, не будучи въ состояніи произнести ни слова. Государь продолжалъ: „Кажется, вы удивлены; такъ знайте же, что мой братъ Константинъ, который никогда не заботился о престолѣ, рѣшилъ нынѣ болѣе, чѣмъ когда-либо, формально отказаться отъ него, передавъ свои права брату своему Ни-

колаю и его потомству. Что же касается до меня, то я рѣшилъ отказаться отъ лежащихъ на мнѣ обязанностей и удалиться отъ міра. Европа теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, нуждается въ монархахъ, молодыхъ и обладающихъ энергіей и силой, а я уже не тотъ, какимъ былъ прежде, и считаю долгомъ удалиться во-время". Видя, что мы были готовы разрыдаться,—продолжаетъ Александра Ѳеодоровна,—онъ поторопился утѣшить насъ, сказавъ, что все это случится не тотчасъ, что, можетъ-быть, пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ прежде, нежели онъ приведетъ въ исполненіе свой планъ; затѣмъ онъ оставилъ насъ однихъ..."

Въ составленныхъ Николаемъ Павловичемъ для своей семьи, по поводу событій 14 декабря 1825 года, запискахъ разсказъ этотъ дополняется еще слѣдующими важными подробностями о томъ, что Александръ Павловичъ указывалъ на то, что ни у него ни у Константина Павловича нѣтъ дѣтей, что они оба видятъ въ великокняжеской четѣ знакъ благодати Божіей, даровавшей имъ сына и что по этому они оба должны напередъ знать, что они призываются на сіе (т.-е. императорское) достоинство".

Но разговоръ этотъ не возобновлялся, и Николаю Павловичу при жизни его царственнаго брата осталось безусловно неизвѣстнымъ, что Константинъ Павловичъ *уже далъ письменное отреченіе* отъ престола, и что, по волѣ государя, митрополитъ Филаретъ составилъ манифестъ о передачѣ ему, Николаю Павловичу, престола. Въ эту тайну посвящены были, кромѣ императрицы Маріи Ѳеодоровны, князь А. Н. Голицынъ и графъ Аракчеевъ, но и они не знали въ подробностяхъ, что содержится въ актахъ, положенныхъ въ подлинникахъ на престолѣ Успенскаго собора, а въ копіяхъ—въ Государственномъ Совѣтѣ, Св. Синодѣ и Сенатѣ.

27 ноября, во время молебствія о здравіи болящаго государя Александра Павловича, получено было въ Зимнемъ дворцѣ извѣстіе изъ Таганрога, что онъ скончался 19 ноября. Это печальное извѣстіе глубоко потрясло императрицу-мать, великаго князя Николая Павловича и всѣхъ присутствующихъ.

Великій князь приказалъ дворцовому священнику поставить аналой, положить на него Крестъ и Евангеліе и, по присяжному листу, принесъ присягу на подданство брату своему Константину Павловичу, какъ императору; затѣмъ самъ привелъ къ присягѣ внутренніе дворцовые караулы и, наконецъ, распорядился, чтобы находившійся на молебствіи въ Александро-Невской лаврѣ генералитетъ былъ приведенъ къ присягѣ, что и было исполнено.

Великій Князь Константинъ Павловичъ.

Всѣми этими распоряженіями, какъ было впослѣдствіи сказано въ первомъ манифестѣ императора Николая, „желали мы утвердить уваженіе наше къ первому коренному отечественному закону о непоколебимости въ порядкѣ наслѣдія престола, отклонить самую тѣнь сомнѣнія въ чистотѣ намѣреній нашихъ и предохранить отечество наше отъ малѣйшей и даже мгновенной неизвѣстности о законномъ его государѣ!“

Когда Николай Павловичъ докладывалъ императрицѣ, что онъ исполнилъ свой священный вѣрноподданническій долгъ предъ своимъ государемъ и побудилъ и другихъ присягнуть императору Константину, она сказала: „Что вы сдѣлали? Да развѣ вы не знаете, что есть другой актъ, который назначаетъ васъ наслѣдникомъ престола?“

„Если есть такой, — отвѣчалъ великій князь,—онъ мнѣ неизвѣстенъ и никому неизвѣстенъ; но мы знаемъ всѣ, что нашъ государь, нашъ законный повелитель,—мой братъ Константинъ, и мы исполнили нашъ долгъ; пусть будетъ, что будетъ“.

Послѣ этого прибылъ во дворецъ князь А. Н. Голицынъ и, какъ говоритъ въ своихъ запискахъ Николай Павловичъ, „въ изступленіи, внѣ себя отъ горя, но и отъ вѣсти, что всѣ во дворцѣ присягнули Константину Павловичу, онъ началъ мнѣ выговаривать, зачѣмъ я присягнулъ брату и другихъ симъ завлекъ, и повторилъ мнѣ, что слышалъ (я) отъ матери и требовалъ, чтобы я повиновался мнѣ неизвѣстной (по документамъ) волѣ покойнаго государя; я отвергъ сіе неумѣстное требованіе положительно, и мы разстались съ княземъ, я, очень недовольный его вмѣшательствомъ, онъ— столько же моей неуступчивостью“.

Тотъ же князь Голицынъ спѣшно отправился въ засѣданіе Государственнаго Совѣта и, пріостановивъ принесеніе присяги Константину

Павловичу, какъ переписывавшій акты о новомъ престолонаслѣдіи, настоялъ на вскрытіи и прочтеніи извѣстнаго пакета Александра I. Послѣ этого рѣшено было переговорить съ великимъ княземъ, который и принялъ во дворцѣ членовъ Государственнаго Совѣта и, не желая и по прочтеніи документовъ, измѣнить положеніе дѣла сказалъ: „Господа! Я васъ прошу, я васъ убѣждаю, для спокойствія государства, немедленно, по примѣру моему и войска, принять присягу на вѣрное подданство государю императору Константину. Я никакого другого предложенія не приму и ничего другого и слушать не стану“. Сановники не могли удержаться отъ слезъ, и среди нихъ раздались голоса: „Какой великодушный подвигъ!“ Николай Павловичъ отвѣчалъ: „Никакого тутъ нѣтъ подвига; въ моемъ поступкѣ нѣтъ другого побужденія, какъ только исполнить священный долгъ мой предъ старшимъ братомъ; мнѣ было бы весьма больно, если бы кто-либо изъ васъ могъ подумать, чтобъ я минуту на какой другой мысли могъ остановиться, кромѣ присяги моей природному моему и вашему государю Константину Павловичу“. Подъ вліяніемъ этихъ рѣшительныхъ словъ Государственный Совѣтъ принесъ присягу его брату. Всѣ остальные пакеты Александра I остались невскрытыми. Весь Петербургъ присягнулъ Константину Павловичу, а Сенатъ разослалъ по всей Россіи указы относительно принесенія повсюду такой же присяги.

Николай Павловичъ въ 1848 году въ собственноручной замѣткѣ высказалъ: „Мнѣ содержаніе манифеста (о передачѣ ему престола) было вовсе неизвѣстно, и я первый разъ видѣлъ и читалъ его, когда (Государственный) Совѣтъ принесъ его ко мнѣ. Если бы я манифестъ и зналъ, я и тогда сдѣлалъ бы то же; ибо манифестъ не былъ опубликованъ при жизни государя, а Константинъ Павловичъ былъ въ отсутствіи; потому, во всякомъ случаѣ, долгъ мой

Рубль Константина Павловича.

и всей Россіи былъ присягнуть нашему законному государю. Бумагъ я не видалъ, какъ уже сказано, но слышалъ отъ матушки, что былъ гдѣ-то актъ отреченія Константина Павловича. О существованіи же манифеста мнѣ никогда ничего извѣстно не было".

Донесенія о принесенной присягѣ и всѣхъ ея обстоятельствахъ были немедленно отправлены въ Варшаву къ цесаревичу Константину. Но тотъ на два дня раньше (25 ноября), чѣмъ въ Петербургѣ, получилъ извѣстіе о кончинѣ императора Александра I и твердо остался при прежнемъ своемъ рѣшеніи относительно отреченія отъ престола, о чемъ на слѣдующій день отправилъ письма къ царицѣ-матери и брату. Въ первомъ онъ писалъ: „Небезызвѣстно вашему императорскому величеству, что по собственному моему побужденію просилъ я блаженной памяти государя императора Александра Павловича объ устраненіи меня отъ права наслѣдія императорскаго престола, на что и удостоился получить, отъ 2 февраля 1822 года, высочайшій рескриптъ, въ коемъ его императорское величество изъявилъ на то высочайшее свое соизволеніе, объявя, что и ваше императорское величество на то согласны, что самое и и лично изволили мнѣ подтвердить... Обыкши съ младенчества исполнять свято волю, какъ покойнаго родителя моего, такъ и скончавшагося государя императора, и равно вашего императорскаго величества, я, не выходя и нынѣ изъ предѣловъ оной, почитаю обязанностью моей—право мое на наслѣдіе, согласно установленному государственному акту о наслѣдіи императорской фамиліи, уступить его императорскому высочеству великому князю Николаю Павловичу и наслѣдникамъ его". Объ этой „непоколебимой волѣ своей", онъ говорилъ и въ письмѣ къ брату.

Николай Павловичъ, въ виду того, что письма эти писаны были до полученія извѣстія о присягѣ, а равно и того, что считалъ необходимымъ, чтобы цесаревичъ прямымъ манифестомъ или лично объявилъ свою волю, по крайней мѣрѣ, въ Петербургѣ, воздержался отъ вступленія на престолъ, полагая, что призывъ отъ него къ присягѣ на подданство ему, послѣ недавней присяги его брату, приведетъ въ опасное смущеніе даже людей благонамѣренныхъ. Только 12 декабря Николай Павловичъ изъ писемъ цесаревича узналъ, что онъ безповоротно не принимаетъ принесенную ему присягу, какъ противорѣчащую указаннымъ актамъ, и что не желаетъ прибыть въ столицу. Только тогда Николай Павловичъ пришелъ къ рѣшенію принять въ свои руки императорскую власть. Неблагопріятное стеченіе обстоятельствъ ставило новаго государя въ

высшей степени трудное и даже опасное положеніе. Примѣчательно, что въ день своего рѣшенія онъ получилъ подробныя извѣстія, доселѣ ему неизвѣстныя, о широкомъ и продолжительномъ существованіи въ войскахъ тайныхъ революціонныхъ обществъ и и объ ихъ замыслахъ ниспровергнуть существующій государственный строй и истребить царскую фамилію. Николай Павловичъ въ правѣ былъ поставить вопросъ: „кто большую приноситъ жертву, тотъ ли, кто отвергаетъ отцовское наслѣдство, или тотъ, кто его принимаетъ въ ужасныхъ обстоятельствахъ, жертвуя всѣмъ, что ему дорого, дабы покориться волѣ другого? Участь страшная. Жертва болѣе тяжкая“, говорилъ вступившій на престолъ новый государь. Онъ предвидѣлъ, что отказъ Константина Павловича прибыть въ Петербургъ можетъ быть причиной несчастій, среди которыхъ онъ можетъ пасть первый жертвой.

12 декабря Николай Павловичъ писалъ генералу Дибичу: „Рѣшительный курьеръ воротился (изъ Варшавы) съ новымъ отказомъ Константина Павловича. Послѣ завтра по утру я или государь, или безъ дыханія. Я жертвую собою для брата. Счастливъ, что, какъ подданный, исполняю его волю. Но что будетъ съ Россіей?“ Въ другомъ письмѣ въ тотъ же рѣшительный день онъ пишетъ князю П. М. Волконскому: „Воля Божія и приговоръ братній надо мною совершается. 14 числа я буду государь или мертвъ. Что во мнѣ происходитъ,—описать нельзя. Вы вѣрно надо мною сжалитесь; да—мы всѣ несчастные, но нѣтъ несчастливѣе меня. Да будетъ воля Божія...“ Николай I собственноручно написалъ матеріалы для составленія манифеста о своемъ восшествіи на престолъ.

14 декабря манифестъ былъ обнародованъ, и состоялась присяга новому государю. Она, несмотря на отсутствіе цесаревича Константина, въ правительственныхъ учрежденіяхъ и въ народѣ прошла благополучно, и большинство войскъ гвардіи принесло присягу императору Николаю I. Только меньшая часть гвардіи, вслѣдствіе агитаціи, отказалась отъ нея; потому что принадлежавшіе къ тайнымъ обществамъ заговорщики убѣждали солдатъ, что Константинъ Павловичъ будто не думалъ отрекаться отъ престола, что онъ находится въ заключеніи и что великій грѣхъ измѣнять данной уже ему присягѣ. Обманутые солдаты были выведены заговорщиками на Сенатскую площадь, чтобы путемъ мятежа совершить государственный переворотъ. Когда государь узналъ объ этомъ и понялъ, что это есть результатъ заговора, мужественно сталъ на высотѣ своего положенія. Впослѣдствіи онъ писалъ объ этомъ рѣшающемъ мо-

Центральное книгохранилище Московск. Об. Библиотеки
Московская Центральная Публичная Библиотека
3918

ментѣ: „Оставшись одинъ, я спросилъ себя, что мнѣ дѣлать? и, перекрестясь, отдался въ руки Божіи и рѣшилъ самъ итти туда, гдѣ опасность угрожала“.

Созвавъ на Адмиралтейскую площадь войска, принесшія присягу, государь еще думалъ мирными средствами образумить, по крайней мѣрѣ, обманутыхъ. Изъ мятежной толпы уже послышались выстрѣлы и крики: „да здравствуетъ Константинъ, да здравствуетъ конституція!“ Подъ конституціей, какъ оказалось, солдаты разумѣли супругу Константина Павловича. Доблестный Милорадовичъ, котораго пули щадили въ 52 сраженіяхъ, сталъ уговаривать мятежниковъ, но былъ смертельно раненъ штыкомъ въ спину и выстрѣломъ въ грудь. Митрополитъ Серафимъ въ полномъ облаченіи, неся крестъ на головѣ, подошелъ къ мятежникамъ, чтобы также уговаривать ихъ. Но заговорщики воспрепятствовали этому, угрожая стрѣлять, если не удалится. Приближался къ нимъ съ тою же цѣлью и великій князь Михаилъ Павловичъ, только что возвратившійся изъ Варшавы съ порученіями отъ цесаревича Константина, но и въ него стали цѣлиться. Спокойно и мужественно распоряжаясь на площади, государь увидалъ здѣсь иностранныхъ дипломатовъ и, въ виду опасности, просилъ ихъ удалиться прибавивъ: „Это дѣло домашнее, въ которое Европѣ нѣтъ причинъ вмѣшиваться“.

Императоръ Николай въ своихъ запискахъ такъ вспоминалъ о рѣшительномъ моментѣ въ наступавшій уже вечеръ: „Шумъ и крикъ дѣлались настойчивѣе, и частые ружейные выстрѣлы многихъ ранили въ конной гвардіи и перелетали черезъ войско. Выѣхавъ на площадь, желалъ я осмотрѣть, не будетъ ли возможности, окружить толпу и принудить ее къ сдачѣ безъ сопротивленія. Въ это время сдѣлали по мнѣ залпъ; пули просвистали мнѣ чрезъ голову, но къ счастью, никого не ранили. Рабочіе Исаакіевскаго собора начали кидать въ насъ полѣньями; надо было рѣшиться положить сему скорый конецъ; иначе бунтъ могъ сообщиться черни, и тогда окруженныя ею войска стали бы въ самомъ трудномъ положеніи. Я согласился атаковать кавалеріей. Конная гвардія первая атаковала по-эскадронно, но ничего не могла произвести, и по темнотѣ и отъ гололедицы, но въ особенности, не имѣя отпущенныхъ палашей; противники въ сомкнутой колоннѣ имѣли на своей сторонѣ всю выгоду и многихъ тяжело ранили. Кавалергардскій полкъ равномѣрно ходилъ въ атаку, но безъ большого успѣха.

„Тогда,—пишетъ императоръ Николай I,—генералъ-адъютантъ Васильчиковъ, обратившись ко мнѣ, сказалъ: „Нельзя терять ни ми-

Николай Павлович̀ъ на Сенатской площади.
Съ современнаго рисунка.

нуты; теперь ничего нельзя сдѣлать; необходимо стрѣлять картечью". Я предчувствовалъ сію необходимость, но, признаюсь, когда настало время, не могъ рѣшиться на подобную мѣру, и меня ужасъ объялъ. „Вы хотите, чтобы я въ первый день моего царствованія проливалъ кровь моихъ подданныхъ", отвѣчалъ я Васильчикову. „Для спасенія вашей имперіи", сказалъ онъ мнѣ. Эти слова меня снова привели въ себя; опомнившись, я видѣлъ, что или должно мнѣ взять на себя пролить кровь нѣкоторыхъ и спасти почти навѣрное *все*, или, пощадивъ себя, жертвовать рѣшительно государствомъ. Пославъ одно орудіе первой легкой пѣшей батареи къ Михаилу Павловичу съ тѣмъ, чтобы усилить сію сторону, какъ единственное отступленіе мятежникамъ, взялъ другіе три орудія и, поставивъ ихъ предъ Преображенскимъ полкомъ, велѣлъ зарядить картечью; орудіями командовалъ штабсъ-капитанъ Бакунинъ. Все во мнѣ надежда была, что мятежники устрашатся такихъ приготовленій и сдадутся. Но они оставались тверды; крикъ продолжался еще упорнѣе; я послалъ генералъ-майора Сухозанета объявить имъ, что, ежели сейчасъ не положатъ оружія, велю стрѣлять; „ура" и прежнія восклицанія были отвѣтомъ,—и вслѣдъ за этимъ залпъ. Тогда, не видя иного способа, скомандовалъ „пли". Первый выстрѣлъ ударилъ высоко въ сенатское зданіе, и мятежники отвѣтили неистовымъ крикомъ и бѣглымъ огнемъ; второй и третій выстрѣлъ отъ насъ и съ другой стороны изъ орудія у Семеновскаго полка, ударили въ самую средину толпы, и все разсѣялось..."

Участь дня была рѣшена, и мятежъ прекращенъ.

Чрезъ двѣ недѣли послѣ мятежа въ Петербургѣ, заговорщики сдѣлали попытку произвести возстаніе и въ южной арміи, хотя Пестель и другіе руководители тайнаго южнаго общества уже были арестованы. Сергѣю Муравьеву-Апостолу удалось поднять часть Черниговскаго полка, и онъ со взбунтовавшимися двинулся къ Кіеву. Но на дорогѣ ихъ встрѣтилъ отрядъ гусаръ съ артиллеріей. Мятежники сдались, а раненый Муравьевъ былъ отвезенъ въ Петербургъ.

Начавшееся такою бурей новое царствованіе не озлобило молодого государя. Тотчасъ, по усмиреніи мятежа, онъ сказалъ: „Если я видѣлъ сегодня измѣнниковъ, то, съ другой стороны, видѣлъ много преданности и самоотверженія, которыя для меня останутся навсегда памятными".

Весьма ярко характеризуетъ царственное настроеніе Николая I посланное тотчасъ письмо къ умиравшему Милорадовичу: „Мой

На Сенатской площади.
Другой современный рисунокъ.

другъ, мой любезный Михайло Андреевичъ, да вознаградитъ тебя Богъ за все, что ты для меня сдѣлалъ. Уповай на Бога такъ, какъ я на Него уповаю: Онъ не лишитъ меня друга. Если бы я могъ слѣдовать сердцу, я бы при тебѣ уже былъ, но долгъ мой меня здѣсь (во дворцѣ) удерживаетъ. Мнѣ тяжелъ сегодняшній день, но я имѣлъ утѣшеніе, ни съ чѣмъ несравненное, ибо видѣлъ въ тебѣ, во всѣхъ, во всемъ народѣ друзей. Да дастъ Богъ всещедрый силы воздать имъ за то; вся жизнь моя на то посвятится. Твой искренній другъ Николай".

Любопытно, что императоръ поручилъ передать Милорадовичу это письмо его боевому товарищу, племяннику императрицы принцу Евгенію Вюртембергскому; и чрезвычайно характеристично для этого историческаго момента то, что тотъ говорилъ въ своихъ запискахъ: „Образъ этого человѣка въ его предсмертныя минуты будетъ всегда внушать мнѣ настолько же грустное, какъ и памятное воспоминаніе. Онъ оказался столь же достойнымъ удивленія на смертномъ одрѣ, какъ и среди опасностей на поляхъ битвъ... Когда я передалъ ему, со слезами на глазахъ, письмо императора, онъ сказалъ: „Я не могъ получить его изъ болѣе достойныхъ рукъ: мы вѣдь раздѣляемъ славныя воспоминанія". На выраженное мною сожалѣніе по поводу его положенія, съ выраженіемъ надежды на сохраненіе его жизни, онъ возразилъ: „Здѣсь не мѣсто предаваться обольщеніямъ: у меня антоновъ огонь въ кишкахъ. Смерть не есть пріятная необходимость; но вы видите, я умираю, какъ и жилъ, и прежде всего съ чистою совѣстью". По прочтеніи же письма онъ сказалъ: „Я охотно пожертвовалъ бы собою для императора Николая. Меня утѣшаетъ, что въ меня выстрѣлилъ не старый солдатъ". Тутъ онъ прервалъ разговоръ. „Прощайте, ваша свѣтлость. На мнѣ лежатъ еще важныя обязанности. До свиданія въ лучшемъ мірѣ". Это были его послѣднія слова". Началась агонія...

Нужны огромное самообладаніе и высота духа, чтобы въ тотъ же страшный день государь могъ писать и брату своему Константину слѣдующія слова: „Воля ваша исполнена,—я императоръ, но какою цѣною, Боже мой! Цѣною крови моихъ подданныхъ. Милорадовичъ смертельно раненъ, Шеншинъ, Фредериксъ, Стюрлеръ — всѣ тяжело ранены! Но на ряду съ этимъ ужаснымъ зрѣлищемъ сколько сценъ, утѣшительныхъ для меня и для насъ. Всѣ войска, за исключеніемъ нѣсколькихъ заблудшихся изъ Московскаго полка и Лейбъ-Гренадерскаго, исполнили свой долгъ, какъ подданные и вѣрные солдаты, всѣ безъ исключенія".

Продолжая то же письмо, государь писалъ брату: „Бѣдный Милорадовичъ скончался. Его послѣдними словами были распоряженія объ отсылкѣ мнѣ шпаги, которую онъ получилъ отъ васъ, и объ отпускѣ на волю его крестьянъ. Я буду оплакивать его всю свою жизнь“...

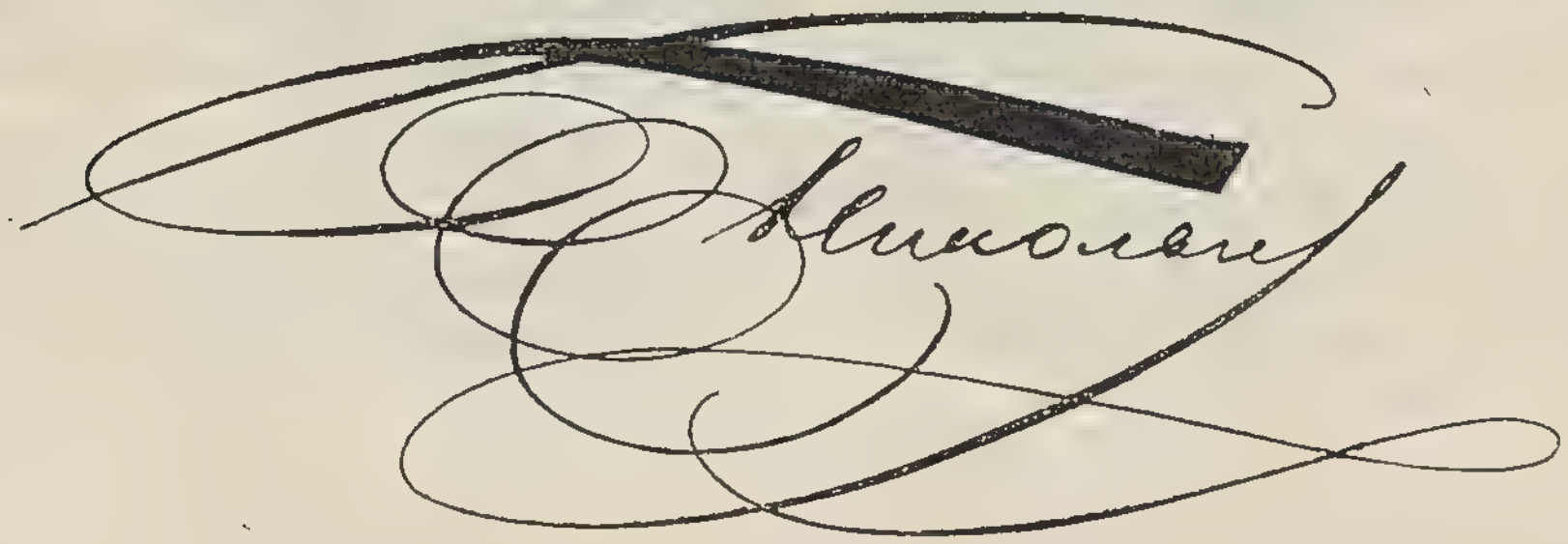
На другой день, 15 декабря, продолжая то же письмо, Николай Павловичъ говоритъ: „Судя по допросамъ здѣшней шайки, продолжающимся въ самомъ дворцѣ, нѣтъ сомнѣнія, что все составляетъ одно цѣлое, а что также достовѣрно, на основаніи словъ наиболѣе смѣлыхъ, это то, что рѣчь шла о покушеніи на жизнь покойнаго императора, чему помѣшала его преждевременная кончина“.

Императрица Марія Ѳеодоровна писала о тѣхъ же обстоятельствахъ слѣдующее: „Смерть моего сына, этого ангела застигла насъ врасплохъ, поразила, какъ громовымъ ударомъ... 29 ноября я узнала о потерѣ возлюбленнаго сына, который составлялъ счастье и славу моей жизни, всю сладость и отраду моего существованія. Перо не въ состояніи передать того, сколько я выстрадала. Я думала, что потеря сына — верхъ несчастія; но 14-е декабря ознакомило меня съ новымъ видомъ мученій ужасныхъ: въ этотъ день два моихъ сына подвергали свою жизнь опасности, и спокойствіе государства зависѣло отъ гибельной случайности. Милосердіе Божіе отвратило это бѣдствіе, и благородное поведеніе моего сына Николая, величіе его души и удивительное самоотверженіе, равно какъ похвальная храбрость Михаила, спасли государство и семейство. Этотъ день до того былъ ужасенъ, что когда къ вечеру все было усмирено, и я одна осталась въ моей комнатѣ, то возблагодарила Бога; сердце мое занято опять только постоянною моею скорбью. Но что за ужасное событіе! Благодарю небо, что нашъ возлюбленный императоръ Александръ не зналъ его во всѣхъ подробностяхъ, хотя и имѣлъ свѣдѣнія о существованіи заговора. Вознесемъ моленія ко Всевышнему за то, что участники въ бунтѣ, большею частью, люди молодые, мало значащіе, которые, за исключеніемъ предводителей, были увлечены гордостью и самолюбіемъ, не замѣчая, быть-можетъ, пропасти, въ которую они стремились. Сами начальники бунта не имѣютъ, по своимъ прежнимъ заслугамъ, особеннаго значенія; есть между ними люди, которые хорошо служили, но, благодаря Бога, храбрость у насъ въ Россіи—наслѣдственная доблесть среди нашихъ военныхъ“...

Для разбора дѣла была назначена верховная слѣдственная комиссія, которая привлекла къ суду 121 человѣка изъ числа уча-

ствовавшихъ въ заговорѣ. Большинство изъ нихъ сознались и подробно изложили ходъ происшедшаго. Обширное слѣдственное дѣло было передано Верховному Уголовному Суду, составленному изъ членовъ Государственнаго Совѣта, сенаторовъ и высшихъ сановниковъ. Этотъ судъ приговорилъ 36, наиболѣе виновныхъ въ бунтѣ, къ смертной казни. Но государь смягчилъ приговоръ. Только 5 осужденныхъ были казнены: Пестель, Рылѣевъ, С. Муравьевъ-Апостолъ, Михаилъ Бестужевъ и Каховскій. Это были главные и дѣятельные руководители тайныхъ обществъ и самаго мятежа и подготовители даже цареубійства. Менѣе значившіе и менѣе дѣятельные соучастники ихъ замысловъ были сосланы въ Сибирь, или въ каторжныя работы на разные сроки или только на поселеніе. Даже такіе заговорщики, какъ князь Сергѣй Трубецкой и капитанъ Якубовичъ, были освобождены отъ смертной казни. Первый былъ избранъ въ диктаторы, но не явился на Сенатскую площадь и умолялъ государя о дарованіи ему жизни. Второй предлагалъ во время мятежа для спаиванья солдатъ и черни разбить питейные дома, дозволить грабежъ и, взявъ изъ церквей хоругви, итти съ ними мятежникамъ на Зимній дворецъ. Но эти совѣты не были приняты заговорщиками.

Чтобы не преувеличить вліянія на послѣдующій характеръ царствованія императора Николая I печальныхъ декабрьскихъ событій, необходимо ближе и объективнѣе, чѣмъ было прежде, анализировать впечатлѣнія самого государя и наиболѣе зоркихъ его современниковъ. Особую важность въ этомъ отношеніи имѣетъ его бесѣда съ французскимъ посломъ, графомъ Ляферронэ, имѣвшая мѣсто послѣ пріема дипломатическаго корпуса, 20 декабря 1825 года. Вотъ выдающіяся мѣста этой бесѣды. „Вы видѣли,—сказалъ Николай I,—что произошло. Вообразите же, что я чувствовалъ, когда вынужденъ былъ пролить кровь, прежде чѣмъ окончился первый день моего царствованія... Я зналъ заранѣе, какова подавляющая тяжесть короны, и Богъ мнѣ свидѣтель, что я всею силою своихъ помысловъ отвергалъ ту, которую необычайныя обстоятельства заставили меня принять. Между тѣмъ, злодѣи, задумавшіе этотъ мерзкій заговоръ, вынуждаютъ меня поступать такъ, какъ если бы мое намѣреніе было вырвать корону изъ рукъ того, кому она принадлежитъ... Находясь одинъ въ Петербургѣ въ минуту смерти императора, могъ ли я, долженъ ли я былъ воспользоваться правомъ, истекающимъ изъ акта, о которомъ, за исключеніемъ небольшого числа лицъ, никто не зналъ ничего во всей имперіи. Нѣтъ я не долженъ былъ это сдѣлать, особенно въ отсутствіе брата. И если, не-



взирая на все совершонное мною, дабы доказать чистоту моихъ намѣреній, я былъ настолько несчастливъ, что усомнились въ моемъ прямодушіи и честности и внушили это солдатамъ моей гвардіи, что сказали бы злонамѣренные люди, если бы безъ другихъ основаній, кромѣ акта отреченія, которое клевета могла бы назвать невольнымъ, я поспѣшилъ вступить на престолъ въ отсутствіе того, кто прямо призванъ къ тому порядкомъ престолонаслѣдія... Я находилъ, нахожу и теперь, что, если бы братъ Константинъ внялъ моимъ настойчивымъ моленіямъ и прибылъ въ Петербургъ, то мы избѣгли бы ужасающей сцены, коей вы были свидѣтелемъ, и опасности, которой она подвергала насъ въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ. Онъ не счелъ нужнымъ уступить моимъ просьбамъ. Невозможность немедленно обнародовать все, происходившее между имъ и мною, необходимость положить конецъ продолжительной и опасной неизвѣстности, въ которой находилось общество, заставили меня тогда принять престолъ. Но заговорщики вообразили, что они разомъ нашли и предлогъ и способъ дѣйствовать. Они ухитрились внушить о разладѣ между братомъ и мною, а мое поведеніе изобразили въ самомъ гнусномъ свѣтѣ. Одною силою клеветы, увѣривъ солдатъ, что государь, съ коимъ связывала ихъ первая присяга, находится въ заточеніи и ввѣряетъ имъ заботу отмстить за себя, успѣли нѣкоторыхъ изъ нихъ ввести въ заблужденіе. Вотъ что дѣлало мое положеніе въ тысячу разъ ужаснѣе, чѣмъ я могу вамъ это выразить. Я былъ увлеченъ необходимостью, чтобы спасти столицу, быть-можетъ, имперію отъ страшной катастрофы пролить кровь несчастныхъ, большая часть которыхъ доказали своимъ участіемъ въ бунтѣ, до чего ихъ можетъ довести вѣрность присягѣ и преданность царю... Впрочемъ, душа моя глубоко опечалена, но не удручена; въ особенности она не должна казаться такою *націи, повелѣвать которою составляетъ мою гордость.* Сквозь тучи, затемнившія на мгновеніе небосклонъ, я имѣлъ утѣшеніе получить тысячу выраженій высокой преданности и распознать любовь къ отечеству, отомщающую за стыдъ и позоръ, которые *горсть злодѣевъ пыталась взвесть на русскій народъ.* Вотъ почему воспоминаніе объ этомъ презрѣнномъ заговорѣ не только *не внушаетъ мнѣ ни малѣйшаго недовѣрія, но еще усиливаетъ мою довѣрчивость и отсутствіе опасеній.* Прямодушіе и довѣріе вѣрнѣе обезоруживаетъ ненависть, чѣмъ *недовѣріе и подозрительность, составляющія принадлежность слабости*“...

„Я могу признаться въ тяжести бремени, возложеннаго на меня Провидѣніемъ. Въ 29 лѣтъ позволительно, въ обстоятельствахъ, въ какихъ мы находимся, страшиться задачи, которая, казалось, никогда не должна была выпасть мнѣ на долю, и къ которой, слѣдовательно, я не готовился. Я никогда не молилъ Бога ни о чемъ такъ усердно, какъ о томъ, чтобы онъ не подвергалъ меня этому испытанію. Его воля рѣшила иначе: я постараюсь стать на высотѣ долга, который Онъ на меня возлагаетъ. Я начинаю царствованіе подъ грустнымъ предзнаменованіемъ и съ страшными обязанностями. Я сумѣю ихъ исполнить. Проявлю милосердіе, много милосердія, нѣкоторые даже скажутъ, слишкомъ много; но съ вожаками и зачинщиками заговора будетъ поступлено безъ жалости, безъ пощады. Законъ изречетъ имъ кару, и не для нихъ я воспользуюсь принадлежащимъ мнѣ правомъ помилованія. Я буду непреклоненъ: Я обязанъ дать этотъ урокъ Россіи и Европѣ“.

Государь былъ глубоко взволнованъ. Французскій посолъ замѣтилъ, что Европа, узнавъ о событіи, содрогнется при мысли объ опасности, которой подвергалъ себя императоръ, но въ то же время испытаетъ глубокое восхищеніе, убѣдившись, что тотъ, кто призванъ возсѣсть въ сонмѣ ея монарховъ, съ перваго же дня показалъ себя достойнымъ престола и твердой рукою защитилъ и утвердилъ свой вѣнецъ.

„О что до этого касается,— прервалъ его государь съ выраженіемъ благородной гордости во взглядѣ и въ голосѣ,— ручаюсь, что далъ мнѣ Богъ, ни одинъ человѣкъ у меня не отниметъ“.

Пылкая и задушевная рѣчь государя произвела на французскаго дипломата весьма сильное впечатлѣніе. Послѣ нея онъ сказалъ одному изъ русскихъ: „Ну, у васъ есть властелинъ. Какая рѣчь, какое благородство, какое величіе! И гдѣ онъ до сихъ поръ скры-

Александровская колонна на монетѣ.

валъ все это. Императоръ Николай,— какъ выразился графъ Ляферронэ,— явился образованнымъ Петромъ Великимъ".

Мощь непреклонной желѣзной воли — вотъ что отличало императора Николая I отъ его царственнаго брата Александра I, что почувствовали въ первый же день его царствованія и что ощущалось до самой его кончины.

Примѣчательно, что въ этой мощи иностранные дипломаты сразу почуяли нѣчто русское, далекое отъ того космополитизма, который они еще недавно такъ эксплуатировали у насъ. Продолжительная аудіенція французскаго посла особенно встревожила пословъ Англіи Странгфорда и Австріи Лебцельтерна. Несмотря на то, что государь всѣмъ имъ говорилъ, что еще не оріентировался въ иностранной политикѣ, и что въ этой области будетъ держаться того, что было установлено въ предшествующее царствованіе, оба они выразили опасеніе, что политика Россіи, въ особенности въ восточномъ вопросѣ, можетъ принять въ новое царствованіе „*характеръ болѣе сродный русскимъ интересамъ*, чѣмъ выгодамъ „великаго европейскаго союза". Они не ошиблись: твердая политика Николая I, подобно политикѣ Петра I и Екатерины II, приняла направленіе національно-русское.

Въ манифестѣ 19 декабря, объявляя о назначеніи суда надъ виновниками мятежа, Николай I выразилъ надежду, что этотъ судъ „истребитъ самый корень зла, давно уже гнѣздившагося, и очиститъ Святую Русь отъ сей заразы, отвнѣ занесенной".

Говорятъ, что вскорѣ послѣ 14 декабря императоръ Николай I сказалъ великому князю Михаилу Павловичу: „Революція на порогѣ Россіи, но, клянусь, она не проникнетъ въ нее, пока во мнѣ сохранится дыханіе жизни, пока Божіею Милостію я буду императоромъ".

Всѣ современники видѣли въ императорѣ Николаѣ не только убѣжденнаго монархиста и врага республики, но и ревностнаго защитника Русскаго самодержавія и противника всякаго парламентаризма и конституціонализма.

Лично знавшій Николая Павловича князь Бисмаркъ говорилъ, что онъ руководился въ своихъ дѣйствіяхъ убѣжденіемъ, что, по волѣ Божіей, онъ призванъ быть вождемъ монархическаго движенія противъ надвигающейся съ Запада революціи, и онъ остался вѣренъ этому идеальному стремленію при всѣхъ (въ отличіе отъ Александра I) обстоятельствахъ, начиная съ декабристовъ и кончая послѣдующими затѣмъ событіями.

Говорятъ, что Николай I слишкомъ сурово правилъ Россіею, желѣзной рукою, не надѣвая бархатной перчатки. Но онъ былъ безгранично добръ къ своимъ вѣрнымъ подданнымъ, и они горячо любили его. Одаренный сильной волей и обширнымъ государственнымъ умомъ, онъ твердою рукою повелъ Россію къ предположенной имъ цѣли, стремясь неуклонно по предначертанному пути, а такъ какъ характеръ этого великаго государя былъ вполнѣ національнымъ, то вышло, что Россія не только безропотно, чего не было при Петрѣ I, но даже охотно за нимъ слѣдовала. Даже англійскій дипломатъ подтверждаетъ это, говоря: „Во всей личности императора Николая было что-то отмѣнно внушительное и величественное, и, несмотря на суровое и строгое выраженіе лица, въ его улыбкѣ и обращеніи было что-то чарующее: это былъ выдающійся характеръ, благородный, великодушный и любимый всѣми, кто его близко зналъ. Строгость его была скорѣе вызвана необходимостью, нежели собственнымъ желаніемъ: она возникла изъ убѣжденія, что Россіей необходимо управлять твердой и сильной рукой, а не отъ врожденнаго чувства жестокосердія или желанія угнетать своихъ подданныхъ“.

Для характеристики новаго вѣнценосца достаточно привести одну изъ его резолюцій въ самомъ началѣ 1826 года, въ коей выражена увѣренность, что никто не будетъ сомнѣваться въ присущей ему весьма точной волѣ относительно касающагося дѣлъ имперіи, Провидѣніемъ ему ввѣренной. „Сомнѣваюсь,— прибавилъ императоръ,— чтобы кто-либо изъ моихъ подданныхъ осмѣлился дѣйствовать не въ указанномъ мною направленіи, коль скоро ему предписана моя точная воля“.

Монета 1827 года.

II.

Отличіе иностранной политики Николая I отъ предшествующаго царствованія. — Война съ Персіей. — Отношенія къ Турціи и война съ ней въ 1828—9 годахъ. — Польскій мятежъ и возсоединеніе уніатовъ.—Крестьянскія и холерныя волненія.

Въ области иностранной политики при Николаѣ I почувствовалось нѣчто другое, въ сравненіи съ тѣмъ, что было при императорѣ Александрѣ I. Правда, Николай Павловичъ не отказался ни отъ заключенныхъ его братомъ союзовъ и соглашеній, ни отъ участія въ дѣлахъ Европы. Но вліяніе всего этого въ нашихъ международныхъ отношеніяхъ значительно сократилось, и на первый планъ стали выдвигаться собственные интересы Россіи и ея самостоятельныя дѣйствія. Это прежде всего сказалось въ восточномъ вопросѣ. Уже Александръ I, видя, какъ его союзники тормозятъ наши самостоятельныя воздѣйствія на Турцію въ рѣшеніи греческаго вопроса и въ дѣлѣ очищенія отъ турецкихъ войскъ Молдавіи и Валахіи, сталъ было одинъ дѣйствовать противъ Оттоманской Порты. Но, не получивъ отвѣта отъ нея на свою ноту по этому предмету, умеръ.

14 января 1826 года, принимая чрезвычайнаго французскаго посла, прибывшаго въ Петербургъ съ поздравленіемъ, при напоминаніи объ обѣщаніи Александра I не преслѣдовать личныхъ соображеній и не дѣлать какихъ-либо приращеній въ пользу Россіи отъ Турціи, при воздѣйствіи на нее, нашъ императоръ сказалъ: „нужно, чтобы союзники мои поддержали меня, чтобы они искренно помогли мнѣ разрѣшить вопросъ столь важный. Если мнѣ въ томъ *откажутъ*, то *я буду вынужденъ дѣйствовать одинъ*, и я буду знать тогда, что мнѣ дѣлать“.

Императоръ Николай I.

Великій Князь
Михаилъ Павловичъ.

Присланный изъ Англіи на похороны Александра I, въ качествѣ чрезвычайнаго посла герцогъ Веллингтонъ, въ февралѣ того же года, чтобы одни мы не пріобрѣли вліянія на Турцію и народы востока, предложилъ отъ имени своего правительства, Россіи и Англіи, вдвоемъ покончить съ греческимъ вопросомъ. Согласившись на это, государь, однако, заявилъ, что, помимо этого, Россія, въ виду нарушенія турками условій съ нами Бухарестскаго мира, имѣетъ еще свои особыя, не касающіяся державъ претензіи, и что онъ смотритъ на нихъ, какъ на свое частное дѣло и надѣется окончить его одинъ съ помощью Божіей.

Энергическое выступленіе Николая I возымѣло свое дѣйствіе и въ греческомъ вопросѣ. 23 марта Веллингтонъ поспѣшилъ подписать Петербургскій протоколъ, предлагавшій Портѣ примириться съ греками на слѣдующихъ условіяхъ: Турція удерживаетъ свою верховную власть надъ Греціей, которая ей платитъ однажды навсегда опредѣленную дань: турецкія земли въ Морѣ и въ Архипелагѣ отходятъ къ грекамъ за извѣстный выкупъ; Греція должна управляться властями, ею избранными и утвержденными Портою и пользуется независимостью внутренняго управленія. Этотъ-то актъ и послужилъ краеугольнымъ камнемъ освобожденія Греціи.

Но независимо отъ этого соглашенія, Николай Павловичъ приказалъ объявить Портѣ особыя русскія требованія, въ видѣ весьма серьезнаго ультиматума, подъ угрозою занятія русскими войсками Дунайскихъ княжествъ; Турція должна: 1) вывести свои войска изъ Молдавіи и Валахіи и возстановить тамъ порядокъ, существовавшій до 1821 г., т.-е. до начала греческаго возстанія; 2) немедленно освободить сербскихъ депутатовъ, задержанныхъ въ Константинополѣ и даровать сербскому народу тѣ права, которыя были выговорены Бухарестскимъ миромъ и 3) отправить своихъ уполномоченныхъ къ русской границѣ для возобновленія переговоровъ по поводу русско-турецкихъ отношеній.

Для характеристики того, какая прежняя атмосфера и въ Россіи и за границей окружала доселѣ нашу иностранную политику, слѣдуетъ

обратить, вниманіе именно на тѣ впечатлѣнія, какія произвели эти энергическіе шаги Русскаго царя.

Великій князь Константинъ Павловичъ, привыкшій къ нерѣшительнымъ дѣйствіямъ прежняго времени, боялся „страшнаго потрясенія“ во всей Европѣ, чуть не европейской войны или, по крайней мѣрѣ, враждебныхъ противъ насъ дѣйствій англичанъ на Балтійскомъ и Черномъ моряхъ, съ прекращеніемъ нашей вывозной торговли.

Меттернихъ былъ внѣ себя отъ негодованія, особенно отъ соглашенія по греческому вопросу, и пытался запугать Николая Павловича тѣмъ, что оказываемое покровительство грекамъ потворствуетъ де революціи и не сообразно съ условіями „великаго“ европейскаго союза, и началъ немедленно интриговать противъ новыхъ начинаній Россіи. Но запугать императора Николая было невозможно, и онъ шелъ неуклонно и твердымъ шагомъ по намѣченному пути. Правда, онъ не послѣдовалъ совѣту нашего посла въ Парижѣ Поццо-ди-Борго, пользуясь свободою дѣйствій ринуться съ своими войсками на Австрію и сразу порѣшить съ нею, прежде чѣмъ начать военныя дѣйствія противъ Турціи. Государь даже велѣлъ передать австрійскому императору успокоительныя увѣренія „насчетъ великаго европейскаго союза“ и поддержки, въ случаѣ надобности, Габсбургской монархіи. Однако совсѣмъ не думалъ въ восточномъ вопросѣ сворачивать съ своей дороги.

Турція, крѣпко разсчитывавшая на то, что внутреннія смуты свяжутъ руки императору Николаю I, была ошеломлена русскимъ ультиматумомъ и еще не видя интрижной поддержки себѣ съ Запада, поспѣшила отправить своихъ уполномоченныхъ въ Аккерманъ, гдѣ они подписали конвенцію, по которой султанъ обязался выполнить всѣ условія Бухарестскаго трактата.

Императоръ былъ очень доволенъ этимъ, такъ какъ Персія, въ расчетѣ на наши внутреннія смуты, а также на поддержку Турціи вызвала Россію на войну. Въ ея войска поступили англійскіе офицеры. 40 тысячъ персовъ, подъ начальствомъ Аббасъ-Мирзы, безъ объявленія войны, вторглись въ 1826 году въ принадлежавшія намъ области Закавказья. Кавказскій главнокомандующій А. П. Ермоловъ могъ двинуть противъ нихъ лишь небольшіе отряды. Тогда для веденія войны былъ назначенъ въ замѣну отозваннаго Ермолова приближенный къ государю генералъ-адъютантъ Паскевичъ, который разбилъ не получившую изъ Турціи подкрѣпленій персидскую армію подъ Елизаветполемъ, въ слѣдующемъ году взялъ сильную крѣпость Эривань, вторгся въ Персію, занялъ вторую ея

столицу Тавризъ и двинулся на самый Тегеранъ. Устрашенный этимъ, персидскій шахъ просилъ мира, который и былъ заключенъ въ 1828 году въ мѣстечкѣ Туркманчаѣ: Россія получила ханства Эриванское и Нахичеванское съ границею по рѣкѣ Араксу, 20 милліоновъ контрибуціи, а Паскевичъ награжденъ былъ титуломъ графа Эриванскаго.

Не успѣли мы кончить войну съ Персіей, какъ пришлось воевать съ Турціей.

Высокая Порта не исполняла требованій Россіи и Англіи относительно предоставленія Греціи автономіи и, подстрекаемая Австріей и увѣренная въ неискреннемъ отношеніи Англіи къ освобожденію грековъ, продолжала ихъ угнетать, несмотря на составленный въ іюнѣ 1827 г. русскимъ, англійскимъ и французскимъ представителями протоколъ, по коему три державы обязались быть посредницами между Греціей и Турціей, высадила въ Морѣ турецко-египетскую армію подъ начальствомъ Ибрагима-паши.

Англія и Франція готовы были снисходительно отнестись къ этому и довольствоваться дипломатическими переговорами, если бы императоръ Николай не выразилъ энергически своей воли понудить силою оружія Турцію къ исполненію требованій державъ относительно Греціи. Онъ громко высказался, что, „если державы не примутъ предложенныхъ Россіей рѣшительныхъ мѣръ, Русскій царь, хотя бы и одинъ, приметъ эти мѣры и прибѣгнетъ къ силѣ оружія“. На Западѣ почувствовали, что Россія въ это царствованіе будетъ дѣйствовать совершенно иначе, чѣмъ въ предшествующее, и

стали противодѣйствовать намъ. Австрія отправила свой флотъ къ берегамъ Греціи, чтобы помогать туркамъ. Англія же приняла свою особую тактику по отношенію „къ больному человѣку“, какъ назвалъ Николай I Турцію. Англичане рѣшились не пускать Россію одну дѣйствовать по восточному вопросу и предпочли взять ее за руку и вести къ себѣ, чтобы совмѣстными дѣйствіями парализовать ея миссію, такъ ясно намѣченную Екатериной II. Русскій императоръ отправилъ свою эскадру въ Средиземное море и напутствовалъ ее знаменательными словами: „Надѣюсь, что въ случаѣ какихъ-либо военныхъ дѣйствій поступлено будетъ съ непріятелемъ по-русски“. Англія волей-неволей присоединила къ намъ свою эскадру и склонила къ тому же и Францію. Такимъ образомъ союзный флотъ трехъ державъ появился у береговъ Греціи. Начальство надъ нимъ, по старшинству службы, принялъ англійскій адмиралъ Кодрингтонъ, которому должны были подчиняться контръ-адмиралы: русскій—Гейденъ и французскій—де-Риньи. Но только наши моряки

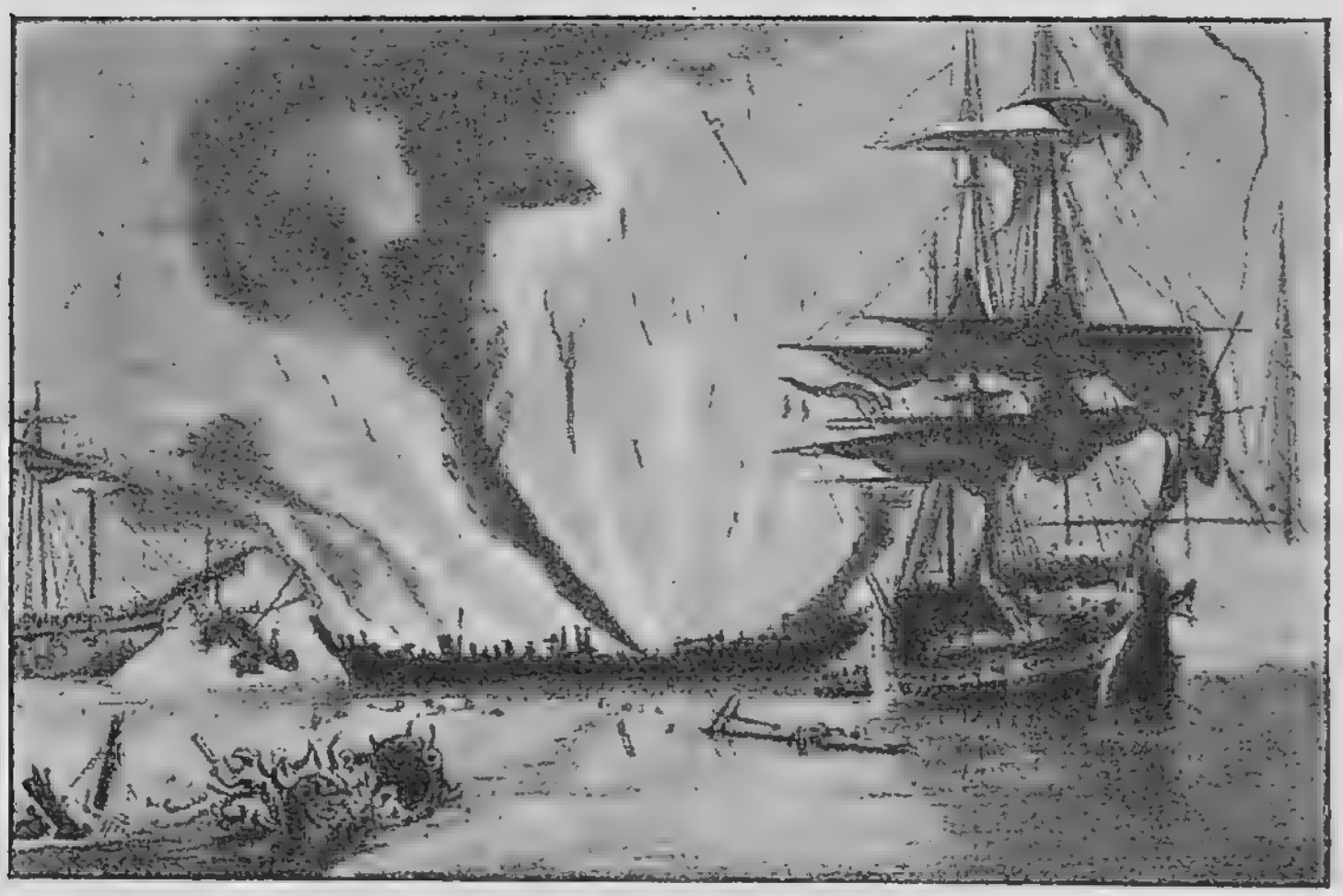
Иванъ Ѳедоровичъ Паскевичъ.

Наваринъ.

имѣли прямодушное приказаніе защищать грековъ. Случайная и исключительная честность, сдѣлала даже, вопреки видамъ Англіи, Кодрингтона солидарнымъ съ начальникомъ нашей эскадры, тогда какъ французскій адмиралъ, въ силу данныхъ инструкцій, готовъ былъ потакать туркамъ въ ихъ угнетеніи грековъ и держать руку австрійцевъ, подвозившихъ на своихъ судахъ туркамъ военную контрабанду. Насколько фальшиво было отношеніе нашихъ союзниковъ къ грекамъ, видно изъ того, что ихъ послы, отъѣзжая изъ Константинополя, неофиціально увѣрили, однако, Порту, что они дѣйствуютъ подъ вліяніемъ происковъ Россіи, но что аккредитующія ихъ державы ни въ какомъ случаѣ не объявятъ Турціи войны. Союзныя инструкціи уполномочивали эскадры не допускать подвоза къ туркамъ въ Грецію и въ Архипелагъ всякаго рода подкрѣпленій, въ видѣ турецкихъ и египетскихъ войскъ и военныхъ припасовъ, но обязывали ихъ не принимать участія въ военныхъ дѣйствіяхъ между турками и греками. Но турки, поддерживаемые австрійцами и окураживаемые надеждами на Англію и Францію, несмотря на категорическія требованія начальника союзнаго флота прекратить нападенія на грековъ, вели себя крайне вызывающе. Тогда союзники вошли въ Наваринскую гавань, гдѣ стоялъ египетско-турецкій флотъ, подъ начальствомъ Ибрагима-паши, и гдѣ находились и австрійскія суда, и 8 октября въ отвѣтъ на турецкіе выстрѣлы дали здѣсь рѣшительную битву. Непріятельскій флотъ былъ почти

весь истребленъ: погибли здѣсь до 70 турецкихъ судовъ и до 7 тысячъ матросовъ.

Моряки россійской эскадры, какъ доносилъ нашъ контръ-адмиралъ, „исполняли долгъ свой съ примѣрнымъ рвеніемъ, мужествомъ и презрѣніемъ всѣхъ опасностей...“ Неустрашимый капитанъ 1 ранга Лазаревъ управлялъ движеніями адмиральскаго корабля „Азовъ“ съ хладнокровіемъ и мужествомъ примѣрнымъ... Лейтенанту Бутеневу раздробило ядромъ руку; несмотря на чрезмѣрную боль, онъ оставался на своемъ мѣстѣ, у батареи, бывшей въ его распоряженіи, и надлежало приказать ему отойти отъ его пушекъ. У него отняли руку по плечо, но въ ту же самую минуту, услышавъ, что турецкій адмиральскій корабль, сражавшійся съ „Азовомъ“ истребленъ, нашъ раненый, желая участвовать въ общей радости, почти вырвался изъ рукъ бывшихъ при немъ... У „Азова“ всѣ мачты настолько пробиты, что съ трудомъ можно нести на оныхъ паруса; въ одномъ корпусѣ корабля насчитано 153 пробоины, въ томъ числѣ 7 подводныхъ... Онъ сильнымъ своимъ огнемъ потопилъ два огромные фрегата и корветъ, сбилъ 80-пушечный корабль, который былъ брошенъ на мель и напослѣдокъ былъ взорванъ, истребилъ двухдечный фрегатъ, на коемъ главнокомандующій турецкаго флота Тагиръ-паша имѣлъ свой флагъ; фрегатъ сгорѣлъ“.



Битва при Наваринѣ.
Съ современнаго рисунка.

Корабль „Азовъ“ въ Наваринѣ.

„При семъ случаѣ, — говорилъ графъ Гейденъ, — не могу я не вспомнить словъ, которыя его императорскому величеству угодно было сказать при послѣднемъ посѣщеніи „Азова“: „Надѣюсь, что въ случаѣ какихъ-либо военныхъ дѣйствій поступлено будетъ съ непріятелемъ по-русски“. Слова сіи исполнены совершенно“...

Государь пожаловалъ Кодрингтону орденъ Георгія 2 степени, а нашему и французскому контръ-адмираламъ—ордена Александра Невскаго.

Не такъ встрѣтили эту важную для освобожденія грековъ побѣду въ Англіи. „Изъ мѣръ, принятыхъ для осуществленія договора (союзниковъ),—писали изъ Англіи въ официальномъ предостереженіи Кодрингтону,—совершенною неожиданностью для его величества (англійскаго короля) было столкновеніе въ Наваринскомъ портѣ между флотами договорившихся державъ и Оттоманской Порты. Невзирая на доблесть, обнаруженную соединеннымъ флотомъ, его величеству прискорбно, что нужно было случиться такому столкновенію съ морскою силою *исконнаго союзника Англіи*, но его вели-

чество все же довѣрчиво уповаетъ, что это нежелательное событіе не будетъ сопровождаться дальнѣйшими враждебными дѣйствіями".

Адмиралъ Л. П. Гейденъ.

Порта, видя прямую поддержку со стороны Австріи и лицемѣрное отношеніе Англіи къ Россіи, стала готовиться къ войнѣ съ нами. Султанъ началъ проявлять рѣзко враждебныя отношенія къ Русскому царю и приказалъ въ мечетяхъ призывать мусульманъ къ поголовной защитѣ Турціи, которую Россія стремится-де совсѣмъ уничтожить. Аккерманскія условія были объявлены уничтоженными. Императору Николаю по необходимости пришлось принять вызовъ. Въ своемъ манифестѣ 14 апрѣля 1828 года онъ объявилъ, что совсѣмъ не думаетъ объ уничтоженіи Порты, какъ разглашаетъ султанъ, а что его намѣренія заключаются только въ томъ, чтобы принудить Турцію выполнить условія заключенной съ нами конвенціи.

Россія снарядила нѣсколько армій и эскадръ, чтобы дѣйствовать противъ Турціи съ суши и моря. Фельдмаршалу Витгенштейну поручено было занять Молдавію и Валахію, перейти затѣмъ черезъ Дунай и военныя дѣйствія направить на Румелію [1]); Паскевичъ долженъ былъ изъ Закавказскаго края вести войну въ азіатскихъ владѣніяхъ Турціи. Меншиковъ съ эскадрой отправленъ былъ къ восточнымъ берегамъ Кавказа и долженъ быть взять Анапу. Адмиралъ Грейгъ былъ отправленъ къ берегамъ Болгаріи и Румеліи, а Гейденъ въ Архипелагъ, чтобы запереть Дарданеллы и пресѣчь подвозъ съѣстныхъ припасовъ изъ Египта въ Константинополь.

---

[1]) Польскія войска получили было приказаніе отправиться на войну въ Европейской Турціи; но вдругъ послѣдовала отмѣна этого распоряженія: получены были свѣдѣнія о дѣйствіяхъ въ Польшѣ тайныхъ революціонныхъ обществъ и о томъ, что многіе въ польскихъ войскахъ сочувствуютъ имъ.

Адмиралъ А. С. Грейгъ.

26 апрѣля, на разводѣ въ Петербургѣ, государь объявилъ гвардейцамъ о своемъ отъѣздѣ на войну, прибавивъ: „Сожалѣю, что васъ не будетъ со мною. Съ Божіей помощью, война окончится къ пользѣ и славѣ отечества. Дѣло наше правое. Да благословитъ насъ Богъ“. За нѣсколько дней предъ этимъ онъ писалъ брату Константину Павловичу: „Быть-можетъ, на небесахъ начертано, что я долженъ найти смерть въ этой войнѣ. Я умру съ сознаніемъ, что исполнилъ долгъ свой, какъ честный человѣкъ, съ сожалѣніемъ, что не могъ быть болѣе полезенъ моему дорогому отечеству“... Впервые послѣ Петра Русскій царь отправлялся въ Турцію. Прибывъ къ дѣйствующей арміи подъ крѣпостью Браиловымъ, въ сопровожденіи великаго князя Михаила Павловича и генерала Дибича, Николай Павловичъ, здороваясь съ войсками, сказалъ: „Ребята! Я обѣщалъ пріѣхать къ вамъ и сдержалъ свое слово. Постараемся же исполнить нашъ долгъ, какъ того требуетъ святая вѣра наша и любовь къ отечеству“. Государь не разъ находился подъ непріятельскими выстрѣлами и самъ распоряжался при переправѣ войскъ чрезъ Дунай на его правый берегъ. Это было дѣломъ чрезвычайно труднымъ, потому что рѣка была въ разливѣ и обратила лѣвый берегъ свой въ огромное болото. Пришлось устраивать огромную плотину на пять верстъ и навести мостъ чрезъ Дунай подъ выстрѣлами турецкой артиллеріи. Переправѣ много помогали запорожцы, перешедшіе въ турецкое подданство при императрицѣ Екатеринѣ II. Они явились къ государю съ своимъ кошевымъ атаманомъ Іосифомъ Гладкимъ, старшинами и священниками, бросились къ его ногамъ и принесли повинную за своихъ дѣдовъ. Государь обласкалъ ихъ, сказавъ: „Богъ васъ проститъ, отчизна прощаетъ и я прощаю“, и позволилъ имъ возвратиться въ Россію. Они покля-

лись служить ему вѣрой и правдой и доставили сотню легкихъ судовъ и перевезли на правый берегъ два егерскихъ полка. Самъ государь перевезенъ былъ чрезъ Дунай запорожцами на ихъ лодкѣ; на веслахъ сидѣли казаки, а рулемъ правилъ кошевой Гладкій, до того двухбунчужный паша Турціи. Стоило имъ, говоритъ очевидецъ этой переправы, только ударить нѣсколько лишнихъ разъ веслами, чтобы сдать туркамъ Русскаго самодержца, ввѣрившагося имъ и сопровождаемаго всего только двумя генералами. Но казаки были въ восторгѣ отъ такого довѣрія и съ жаромъ говорили: „Мы, батюшка-царь, твои, не только наша дружина, но и всѣ наши товарищи“. Государь благополучно пристalъ къ турецкому берегу.

Переправа государя черезъ Дунай.

Скоро Браиловъ сдался великому князю Михаилу Николаевичу, а затѣмъ послѣдовала капитуляція Гирсова, Мачина и Кюстенджи; Витгенштейну была поручена осада крѣпости Шумлы, Меншикову—Варны, а Щербатову—Силистріи.

Варна сдалась только чрезъ два мѣсяца. Этотъ періодъ времени представляетъ не мало любопытныхъ эпизодовъ изъ пребыванія государя въ Турціи.

Онъ слѣдилъ за военными дѣйствіями то подъ Шумлой, то подъ Варной; устраивалъ и посѣщалъ госпитали, навѣщая не только раненыхъ, но и болѣвшихъ тифомъ и чумою, распространявшимися въ войскахъ; во время переѣздовъ по непріятельской землѣ съ незначительнымъ конвоемъ, онъ не разъ подвергался сильнымъ опасно-

Шумла въ 1828 году.

стямъ [1]); появляясь на опасныхъ мѣстахъ военныхъ дѣйствій, онъ ободрялъ войска примѣромъ личной храбрости и самъ надѣвалъ георгіевскіе кресты отличившимся солдатамъ. Государь былъ очень озабоченъ недостаточнымъ количествомъ нашихъ силъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, между тѣмъ какъ турки снаряжали новыя войска, а австрійцы расположили свои войска по границамъ Сербіи и Дунайскихъ княжествъ; Англія увеличила свой флотъ на Средиземномъ морѣ, а Франція готовилась отправить экспедиціонный корпусъ въ Морею. Наконецъ, къ неудовольствію императора Николая,

---

1) Однажды на одномъ военномъ совѣтѣ высказано было, что государь подвергаетъ себя опасности, подобно Петру Великому на Прутѣ, быть окруженнымъ непріятелями, Николай Павловичъ сказалъ: «Если бы Провидѣніе не предохранило меня отъ подобнаго бѣдствія, если бы я имѣлъ несчастіе попасть въ руки моихъ враговъ, то надѣюсь, что въ Россіи вспомнятъ многознаменательныя слова сенату моего прадѣда: если случится сіе послѣднее, то вы не должны называть меня своимъ царемъ и государемъ и не должны ничего исполнять, что мною, хотя бы по собственноручному повелѣнію, отъ васъ было требуемо». Это произвело потрясающее впечатлѣніе на присутствовавшихъ на военномъ совѣтѣ.

въ его походной квартирѣ появились дипломатическіе агенты западныхъ державъ и въ ихъ числѣ англійскій чрезвычайный посланникъ. Всѣ эти господа пріѣхали въ качествѣ лазутчиковъ съ цѣлью слѣдить за военными дѣйствіями, хотя и подъ предлогомъ подготовить де пути къ перемирію, или къ миру, въ интересахъ безопасности Европы. Ихъ тревожили успѣхи Россіи. Между тѣмъ, планъ государя заключался въ томъ, чтобы перейти чрезъ Балканы и подъ стѣнами Цареграда заставить Турцію подписать миръ, хотя при тогдашнихъ международныхъ отношеніяхъ нечего было думать о завоеваніи самого Цареграда и изгнаніи турокъ изъ Европы. Тѣмъ не менѣе, однажды въ лагерѣ въ бесѣдѣ съ братомъ своимъ Михаиломъ Павловичемъ, царь высказалъ свою мечту, что хорошо бы, если бы Цареградъ отворилъ свои ворота русскимъ, и если бы можно было возвратить греческому исповѣданію св. Софію, оскверненную турками; только тогда онъ могъ бы считать исполненными свои обязанности, какъ защитника и покровителя православія. Но по необходимости приходилось довольствоваться меньшимъ въ сравненіи съ той религіозно-политической думой, которая занимала душу Русскаго Православнаго царя.

Обложенная съ суши и съ моря Варна сдалась нашимъ войскамъ 28 сентября въ присутствіи императора. Путь чрезъ Балканы былъ открытъ намъ, и государь рѣшился возвратиться чрезъ Одессу въ Петербургъ, гдѣ смертельно была больна императрица-мать Марія Ѳеодоровна.

У Варны.

Государь отплылъ изъ Варны на кораблѣ „Императрица Марія“, надѣясь чрезъ три дня достигнуть Одессы; но чрезъ 36 часовъ спокойнаго плаванія вѣтеръ вдругъ измѣнился и вскорѣ забушевалъ съ такою силою, что пришлось закрѣпить паруса и отдаться на произволъ шторма, среди густого тумана. Буря усиливалась въ ужасающихъ размѣрахъ. Бизань-мачта (кормовая) и такелажъ были разбиты въ куски. Страшное волненіе не позволяло и думать объ исправленіи поврежденій. На кораблѣ господствовало невыразимое смятеніе, но государь оставался покойнымъ и хотѣлъ быть на палубѣ. Капитанъ корабля заступилъ ему дорогу и сурово сказалъ: „Я одинъ здѣсь хозяинъ, и никто другой, даже ваше величество, не имѣетъ права распоряжаться на моемъ суднѣ“.—„Справедливо, — отвѣчалъ Николай Павловичъ. — Исполняйте же свою обязанность, капитанъ: во всемъ прочемъ положимся на Бога“. Между тѣмъ, страшный штормъ продолжался 24 часа; компасъ не дѣйствовалъ; но командиръ судна, къ своему отчаянію, видѣлъ, что вѣтеръ съ страшной силой гонитъ корабль къ берегамъ Турціи и прямо къ Босфору. Капитанъ счелъ себя обязаннымъ предупредить императора объ этой новой бѣдѣ, но онъ и тогда остался спокойнымъ и сказалъ: „Богъ милостивъ, капитанъ. Питаю крѣпкую надежду на Него, что Онъ не оставитъ насъ“. Достовѣрно извѣстно, что императоръ Николай положилъ въ душѣ твердое намѣреніе не отдаваться живымъ въ руки султана Махмуда... Но въ виду турецкихъ береговъ туманъ разсѣялся и вѣтеръ стихъ, а корабль взялъ курсъ на Одессу.

Турецкая война въ общемъ шла успѣшно. Во время осады Варны русскіе взяли Анапу; затѣмъ графъ Паскевичъ съ небольшими силами принудилъ штурмомъ къ сдачѣ сильныя крѣпости Карсъ и Ахалцыхъ. Однако султанъ не хотѣлъ мира, разсчитывая, что Персія начнетъ съ нами войну, вслѣдствіе того, что возмутившаяся тегеранская чернь, подстрекаемая арменіномъ, убила русскаго посланника Грибоѣдова (авторъ комедіи „Горе отъ ума“) и его свиту. Но этотъ расчетъ не оправдался, такъ какъ персидскій шахъ, по совѣту Паскевича, прислалъ въ Петербургъ своего внука, который въ торжественной аудіенціи, въ присутствіи иностранныхъ пословъ, просилъ императора предать забвенію содѣянное въ Тегеранѣ. Вступивъ въ Азіатскую Турцію, Паскевичъ въ двухъ битвахъ разбилъ непріятельскія войска и взялъ столицу Анатоліи Эрзерумъ. Между тѣмъ, въ Европейской Турціи Дибичъ, замѣнившій главнокомандующаго Витгенштейна, разбивъ великаго визиря при Кулевчѣ,

послѣ чего взята была Силистрія (древній Доростолъ), перешелъ за Балканы и сталъ брать одинъ городъ за другимъ. Ему сдался самый Адріанополь, и для русскихъ войскъ былъ открытъ путь къ Константинополю. Султанъ, видя, что Англіи и Австріи не удается составить коалицію противъ Россіи, по совѣту западныхъ державъ, опасавшихся дальнѣйшихъ нашихъ успѣховъ, заключилъ 2 сентября

Дибичъ-Забалканскій.

1829 года миръ въ Адріанополѣ. По этому миру Турція уступила намъ Анапу, Поти, Ахалцыхъ, Ахалкалаки, важные для обезпеченія нашихъ владѣній на Кавказѣ, и часть земель по рѣкѣ Пруту и при устьяхъ Дуная; объявила русскую торговлю свободной въ предѣлахъ Турціи и на ея моряхъ, съ свободнымъ проходомъ торговыхъ судовъ чрезъ Босфоръ и Дарданеллы; обязалась уплатить военныя издержки и вознагражденіе ограбленнымъ русскимъ купцамъ; отдала Молдавію,

Валахію и Сербію подъ покровительство Россіи, съ правомъ имѣть своихъ государей, съ платою, однако, дани Турціи; и, наконецъ, признала независимость Греціи. Въ числѣ обильныхъ наградъ войскамъ, Дибичъ получилъ графское достоинство съ титуломъ Забалканскаго.

Никакого нѣтъ сомнѣнія, что Россія выставила въ этомъ случаѣ очень умѣренныя требованія. Но если бы западныя державы сдѣлали попытку помѣшать ихъ удовлетворенію, Николай Павловичъ прозорливо и смѣло готовился ко всякимъ случайностямъ. 28 августа онъ писалъ Дибичу: „Одобряю во всѣхъ отношеніяхъ принятыя вами мѣры, но *настаиваю*, чтобы въ томъ случаѣ, если переговоры прервутся, вы направили отрядъ войскъ къ Дарданелламъ, дабы быть увѣреннымъ, что *незванные гости* (въ родѣ англійской эскадры) не явились тамъ для вмѣшательства и вреда дѣламъ нашимъ... Наконецъ, если вы у Дарданеллъ, то *положительно откажите въ пропускѣ всякому иному флоту, кромѣ нашего*. Если же употребятъ силу, вы *отвѣтите пушечными выстрѣлами*". Чрезъ два дня государь даетъ указанія относительно возможнаго взятія Константинополя. „Перейдемъ теперь къ случайностямъ,—гласитъ письмо, отъ 1 сентября,—осуществленія коихъ молю Бога не допустить,—это увидѣть насъ владыками Константинополя и тѣмъ вызвать исчезновеніе Оттоманской имперіи въ Европѣ. Однако я не хочу оставить васъ безъ нѣкоторыхъ общихъ указаній на случай, если бы дѣйствительно дошло уже до этого. При неуспѣшности переговоровъ, вамъ *слѣдуетъ немедленно двинуться къ Константинополю*, обезпечивъ себя со стороны Дарданеллъ. Не обращайте вниманія на ваши недостаточныя численныя силы, онѣ болѣе чѣмъ уравновѣшиваются вашимъ моральнымъ превосходствомъ. *Овладѣвъ Константинополемъ*, вы будете ожидать новыхъ указаній, до полученія коихъ вы положительно *откажетесь войти въ* какіе бы то ни было *переговоры*, какого бы рода они ни были, *съ кѣмъ бы то ни было*. Тѣмъ болѣе вы не дозволите никакому иностранному флоту войти въ Дарданеллы... Полученныя мною сегодня утромъ съ курьеромъ изъ Лондона извѣстія положительно утверждаютъ, что *англійское министерство совершенно поражено успѣхами нашего оружія* до такой степени, что Эбердинъ сказалъ нашимъ: *ради Бога не обходитесь съ нами по-дибичевски и пощадите нашу честь*, словомъ сказать, *это — полное торжество*. Богу благодареніе, а вамъ спасибо... Итакъ, если все кончено—возвращайтесь, если же нѣтъ—*впередъ*". Какая разница въ рѣшительныхъ воззрѣніяхъ Николая I съ его покойнымъ братомъ Александромъ I.

Русскія войска въ Адріанополѣ.

Въ приказѣ по войскамъ и флоту, отъ 1 октября 1829 года, государь говорилъ: „Въ двухъ частяхъ свѣта неумолчно раздавался громъ побѣдъ вашихъ. Многочисленный и упорный врагъ сокрушенъ повсюду, и пала предъ вами вѣковая слава неприступныхъ твердынь его, до появленія вашего не знавшихъ побѣдителей. Смѣлою стопою переносились вы чрезъ хребты горъ непроходимыхъ и, поражая врага въ неприступныхъ его убѣжищахъ, у вратъ Константинополя, принудили его къ торжественному сознанію, что мужеству вашему противостоять онъ не можетъ. Столько же отличили вы себя кроткимъ обращеніемъ съ побѣжденными, дружелюбнымъ охраненіемъ мирныхъ жителей, постояннымъ соблюденіемъ самаго примѣрнаго воинскаго порядка и подчиненности и строгимъ исполненіемъ всѣхъ вашихъ обязанностей. Вы истинно достойны имени Русскихъ воиновъ“.

Не кончилась еще турецкая война, а императоръ Николай долженъ былъ много тяжелыхъ заботъ посвящать Польшѣ и распространявшейся по Россіи холерѣ.

Императоръ Николай, державшійся въ своемъ управленіи національнаго принципа: „единство Россіи, самодержавіе, православіе и народность“, ясно понималъ всю фальшь отношеній къ намъ поляковъ, всю зыбкость созданнаго Александромъ I „польскаго королевства“, съ дарованной ему конституціей, съ польскимъ войскомъ, съ національно-польскими учебными заведеніями; онъ также видѣлъ увлеченія поляковъ несбыточной мечтой отдѣлить отъ Россійской Имперіи Рѣчь Посполитую, съ отбудованіемъ отъ насъ нѣкогда принадлежавшихъ имъ южно- и западно-русскихъ областей „отъ можа и до можа“. Но при своемъ рыцарски-честномъ характерѣ ни въ чемъ не нарушалъ данныхъ Польшѣ его братомъ установленій, заставляя себя думать, что поляки, можетъ-быть, все же еще оцѣнятъ великодушныя отношенія къ нимъ русскихъ государей и, съ теченіемъ времени, откажутся отъ своей вражды къ Россіи.

Въ виду этого, онъ со снисходительнымъ терпѣніемъ отнесся къ тому, что возникшія въ Польшѣ при Александрѣ I тайныя общества стояли въ связи съ конспираціей декабристовъ, и ждалъ конца затягиваемаго поляками суда надъ заговорщиками, но польскій сенатъ оправдалъ ихъ, „что поощряло тайныя общества на дальнѣйшія дѣйствія“; хотя, какъ выше сказано, государь не пустилъ польскихъ войскъ, на войну съ Турціей, но послѣ взятія Варны придалъ ей значеніе, своего рода, отмщенія за смерть короля польскаго Владислава III (въ битвѣ съ турками) и послалъ въ Варшаву 12 пушекъ, отня-

Сдача Эрзерума Паскевичу.

тыхъ у турокъ, и высказывалъ своему брату пожеланія о сближеніи поляковъ съ русскими. По окончаніи войны, въ исполненіе одного изъ параграфовъ составленной Александромъ I конституціи, императоръ Николай 12 мая 1829 года даже короновался въ Варшавѣ королевскою польскою короною. Сами поляки признавались, что „императоръ Николай I исполнилъ свои обязательства, какъ король польскій, и сдѣлалъ это съ полною предупредительностью". Но самъ онъ и окружавшіе его русскіе не могли не чувствовать какого-то внутренняго угнетенія во время самыхъ коронаціонныхъ торжествъ. Авторъ извѣстнаго изслѣдованія: „Императоръ Николай I, его жизнь и царствованіе", Н. К. Шильдеръ говоритъ по этому поводу: „Въ то самое время, когда Варшава, повидимому, ликовала, и все принимало обликъ преданности и восторга, существовалъ заговоръ, имѣвшій цѣлью путемъ злодѣянія разорвать на вѣчныя времена связь и единеніе между Польшей и Россіей. Но... между заговорщиками произошелъ разладъ, колебаніе, и на этотъ разъ твореніе Александра I уцѣлѣло отъ гибели..." Мало того.—Николай Павловичъ въ маѣ 1830 года созвалъ въ Варшавѣ сеймъ и самъ открылъ его рѣчью, въ которой вспоминалъ о возстановителѣ польскаго королевства, одобрилъ намѣренія поляковъ воздвигнуть ему памятникъ, указалъ на возрастающее благосостояніе Польши подъ властью Россіи, подтвердилъ свое намѣреніе не нарушать правъ, дарованныхъ полякамъ, но призывалъ ихъ „упрочить твореніе возстановителя Польши, пользуясь съ умѣренностью и благоразуміемъ правами, дарованными имъ"... На поверхности Польши все казалось спокойнымъ, но въ глубинѣ ея шла подземная вулканическая работа, которая вскорѣ произвела сильный взрывъ.

Еще при Александрѣ I, несмотря на все его великодушіе по отношенію къ полякамъ, Польша стала покрываться тайными обществами, поставившими своею задачей отдѣленіе отъ Россіи и возстановленіе ея въ предѣлахъ эпохи Ягеллоновъ. Заслуживаетъ особаго вниманія то, что въ этихъ тайныхъ обществахъ приняли участіе такія вліятельныя лица, какъ князь Адамъ Чарторыйскій (бывшій министромъ иностранныхъ дѣлъ при Александрѣ I, сынъ претендента на польскій престолъ въ XVIII вѣкѣ), Чацкій, Колонтай и другіе. Они подготовляли Польшу къ отложенію отъ Россіи и особою системой воспитанія, которое развивало въ полякахъ не любовь ихъ къ общему отечеству Россіи, а любовь къ погибшему польскому королевству, съ королями изъ природныхъ поляковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, они стремились полонизовать весь западно-русскій край и

Польская засада.

заглушить въ немъ русскую національность. Чарторыйскій, будучи попечителемъ Виленскаго университета, энергически работалъ надъ такимъ воспитаніемъ юношества. Особенно сильно распалялъ его своими лекціями въ Виленскомъ университетѣ профессоръ польской исторіи Лелевель, восхвалявшій давно прошедшія времена Рѣчи Посполитой. Чацкій дѣйствовалъ въ томъ же духѣ въ южно-русскихъ областяхъ, гдѣ основалъ въ Кременцѣ польскій лицей и 120 школъ въ Волыни, Подоліи и Украйнѣ.

Ко времени основанія Наполеономъ (въ 1807 году) варшавскаго герцогства, тайныя общества въ Польшѣ пришли въ упадокъ, но съ присоединеніемъ его къ Россіи въ 1815 году, число ихъ стало быстро увеличиваться. Появилось общество „настоящихъ поляковъ“, имѣвшее цѣлью не только достиженіе національной самобытности, но и распространеніе республиканскихъ идей въ народѣ, общество „вольныхъ поляковъ“, организовавшееся при Варшавскомъ университетѣ и издававшее для возбужденія народа, а особенно учащейся молодежи журналъ: „Польская Декада“, „Національное общество свободныхъ масоновъ“, „Друзья“ и проч. и проч. Къ 1823 году всѣ эти отдѣльныя разноименныя общества объединились въ

Монета для Польши.

одинъ общій „Патріотическій союзъ“, имѣвшій своихъ агентовъ во всѣхъ частяхъ прежняго польскаго королевства. Вотъ почему такъ успѣшно шла всюду антирусская пропаганда, несмотря на то, что русская власть быстро поднимала благосостояніе Польши, бѣдствовавшей и въ пору своихъ королей и во время владычества Наполеона, сдѣлавшаго ее своимъ военнымъ форпостомъ на востокѣ Европы.

Съ 1816 года по 1830 годъ доходы одной русской Польши перешли за 100 милліоновъ злотыхъ, тогда какъ въ концѣ XVIII вѣка доходы всей Польши, со включеніемъ Прусской и Австрійской, доходили лишь до 80 милліоновъ. Всюду основывались фабрики и заводы, пролагались шоссейныя дороги, процвѣтала промышленность. Населеніе нашей Польши увеличилось на 1.500.000. Быстро распространялось образованіе,—однимъ словомъ, въ Польшѣ началось невиданное дотолѣ процвѣтаніе.

Уже Александръ I разочаровался въ полякахъ и въ 1822 году учредилъ комиссію для изслѣдованія происхожденія, распространенія и цѣлей тайныхъ обществъ; сдѣланы даже были аресты подозрительныхъ лицъ, которыя показали, что они имѣли намѣренія низвергнуть существовавшій порядокъ вещей и ввести конституцію 1 мая 1791 года и выжидали для исполненія своихъ замысловъ, когда Россія будетъ занята войною съ Турціей. Но война не состоялась, а Александръ I умеръ, и поляки пока ограничивались агитаціей и сношеніями съ декабристами. Однако грёзы и волненія заговорщиковъ усилились, когда вниманіе императора Николая было поглощено турецкою войною. Въ эту пору подъ вліяніемъ горячихъ рѣчей Лелевеля и стихотвореній Нѣмцевича о величіи прежней Польши, среди учащейся молодежи и молодыхъ офицеровъ арміи, уже были начаты приготовленія къ открытому возстанію.

Вліяніе іюльской революціи во Франціи, низвергшей Карла X и передавшей королевскую власть либерально-буржуазному герцогу Орлеанскому, Людовику-Филиппу, подлило въ Польшѣ масла въ революціонный огонь. Между тѣмъ, какъ Николай I не хотѣлъ было признавать совершившагося во Франціи насильственнаго переворота и даже склоненъ былъ, совмѣстно съ другими державами, если бы онѣ не уклонились, вооруженной рукой произвести во Франціи реставрацію [1]), поляки съ появленіемъ въ Варшавѣ на французскомъ консульствѣ краснаго рюволюціоннаго знамени уже подняли мятежъ.

[1]) Императоръ Николай готовъ былъ на походъ (въ духѣ священнаго союза) противъ новой французской революціи и ея распространенія въ Европѣ. Онъ

Вечеромъ 17 ноября молодые офицеры польской арміи и юнкера военной школы, подъ предводительствомъ Высоцкаго, бросились въ Бельведерскій дворецъ, чтобы умертвить великаго князя Константина Павловича. Имъ удалось убить нѣсколько приближенныхъ къ нему лицъ. Самъ же онъ успѣлъ удалиться изъ Варшавы въ мѣстечко Вержбу. Между тѣмъ, заговорщики овладѣли арсеналомъ и стали раздавать населенію оружіе и кричать, что русскіе жгутъ городъ и хотятъ перебить поляковъ. Къ взбунтованной черни стали приставать польскія войска. Къ сожалѣнію, великій князь поддался коварному совѣту своего адъютанта графа Замойскаго и другихъ польскихъ офицеровъ, увѣрившихъ его, что смятеніе на улицахъ произошло „отъ ошибочнаго мнѣнія народа и войска, будто русскіе напали на поляковъ и умерщвляли ихъ, „и что для успокоенія поляковъ всего де лучше вывести русскія войска изъ Варшавы“, что и было сдѣлано. Такимъ образомъ городъ попалъ всецѣло въ руки мятежниковъ, и вслѣдствіе этого уже на слѣдующій день возстаніе выросло здѣсь до огромныхъ размѣровъ.

Изъ Варшавы была послана къ намѣстнику депутація съ польскимъ министромъ княземъ Любецкимъ во главѣ, потребовавшая отъ Россіи включенія въ составъ Польши западно-русскихъ областей, нѣкогда находившихся подъ властью поляковъ. Великій князь отвѣтилъ, что онъ не уполномоченъ братомъ договариваться объ этомъ предметѣ, но, опять по польскому совѣту, объявилъ, что онъ съ русскими войсками уходитъ изъ Польши и предоставляетъ самимъ полякамъ согласить свои недоразумѣнія. Уходъ русскихъ войскъ изъ предѣловъ королевства совсѣмъ уже развязалъ руки революціонерамъ. Главнокомандующимъ польскихъ войскъ былъ провозглашенъ генералъ Хлопицкій. Русская крѣпость Модлинъ, переименованная послѣ въ Новогеоргіевскъ, была захвачена бунтовщиками и снабдила ихъ огромными запасами русскаго оружія и провіанта. Партія, считавшаяся умѣренною, во главѣ коей стоялъ князь Чарторыйскій, думала добиться удовлетворенія польскихъ вожделѣній при

считалъ необходимымъ «доказать якобинцамъ всѣхъ странъ, что ихъ нисколько не боятся, и что повсюду стоятъ подъ ружьемъ.» Уже было намѣчено войска, расположенныя въ Польшѣ двинуть во Францію, если къ нимъ присоединятъ свои Пруссія и Австрія. Но та и другая, по примѣру Англіи, поспѣшили признать совершившійся переворотъ во Франціи, и Николай I, оставшись одинокимъ, принужденъ былъ отказаться отъ своего намѣренія, въ душѣ же остался врагомъ революціонерства и дурно относился къ Людовику-Филиппу, достигшему престола благодаря революціи.

помощи переговоровъ съ самимъ государемъ. Но демократическая партія, съ Лелевелемъ во главѣ, требовала немедленной войны съ Россіей, для отбудованія отъ нея Бѣлоруссіи съ Смоленскомъ, Малороссіи съ Кіевомъ и Черниговомъ, а также Волыни и Подоліи, а равно и Литвы, и противилась, этимъ „дипломатическимъ сношеніямъ съ Русскимъ царемъ“. Эти радикалы желали обратить всѣ эти области въ польскую республику; однако партія аристократическая пока удержала за собою верхъ и отправила въ Петербургъ князя Любецкаго и графа Эзерскаго для переговоровъ съ самимъ императоромъ.

Государь приказалъ взять отъ нихъ письменное, послѣ напечатанное, заявленіе, что они „пришли не какъ посланники незаконной власти, но какъ его вѣрные подданные“, и, допустивъ ихъ къ себѣ, на просьбы о прощеніи полякамъ сказалъ, что оно „возможно лишь при томъ условіи, если поляки немедленно изъявятъ полную покорность и сами возстановятъ у себя законный порядокъ и этимъ загладятъ свои преступленія“. „Могу ли я,— говорилъ Николай I,— законный вашъ царь вступить въ переговоры съ мятежными подданными? Пусть поляки положатся на меня, и они будутъ счастливы. Если же поляки дерзнутъ поднять оружіе противъ Россіи и своего законнаго государя, то сами они и ихъ пушечные выстрѣлы ниспровергнутъ Польшу“.

„Если одинъ изъ двухъ народовъ и двухъ престоловъ долженъ погибнуть, могу ли я,— писалъ государь,— колебаться, хотя одно мгновеніе? Мое положеніе тяжкое, моя отвѣтственность ужасна, но моя совѣсть ни въ чемъ меня не упрекаетъ въ отношеніи поляковъ“.

Когда рѣшеніе государя объявлено было въ Варшавѣ, польскій сеймъ объявилъ династію Романовыхъ лишенною польскаго престола.

Императоръ Николай издалъ манифестъ, въ которомъ было сказано: „13 января (1831 года) среди мятежнаго, противозаконнаго сейма, присвоивая себѣ имя представителей своего края, поляки дерзнули провозгласить, что царствованіе наше и дома нашего прекратилось въ Польшѣ, и что тронъ, возстановленный Александромъ, ожидаетъ иного монарха. Сіе наглое забвеніе всѣхъ правъ и клятвъ, сіе упорство въ зломыслiи исполнило мѣру преступленій: настало время употребить силу противъ незнающихъ раскаянія, и мы, призвавъ въ помощь Всевышняго Судію дѣлъ и намѣреній, повелѣли нашимъ вѣрнымъ войскамъ итти на мятежниковъ... Въ сей важный часъ съ прискорбіемъ отца, но съ спокойной твердостью царя, мы извлекаемъ мечъ за честь и цѣлость державы нашей“...

Стотысячная армія подъ начальствомъ фельдмаршала Дибича была двинута въ Польшу. Между тѣмъ, тамъ взяла верхъ крайняя партія. Хлопицкій сложилъ съ себя полномочія, и былъ замѣненъ Радзивиломъ.

Дибичъ далъ битву польскимъ войскамъ у Грохова, заставившую ихъ съ потерей 12.000 человѣкъ поспѣшно отступить въ Варшаву, гдѣ распространилась паника. Мостъ черезъ Вислу былъ покрытъ бѣгущими; мятежная столица уже видѣла себя на краю гибели и выбирала депутацію для поднесенія ключей побѣдителю и испрошенія помилованія. Оставалось сдѣлать еще одно усиліе, чтобы овладѣть укрѣпленіями Варшавы, и мятежъ былъ бы усмиренъ. Но въ эту рѣшительную минуту звѣзда Дибича померкла: онъ заколебался, остановилъ войска и затянулъ покореніе Польши на цѣлыхъ семь мѣсяцевъ, чѣмъ вызвалъ укоризны государя, напоминавшаго ему, что Суворовъ умѣлъ бить поляковъ и съ малымъ числомъ людей.

Поляки, пріостановивъ дѣйствіе всѣхъ конституціонныхъ учрежденій, облекли диктаторскою властью генерала Скржинецкаго и, нѣсколько оправившись, разбили нашъ отрядъ подъ начальствомъ Розена. Объявлено было, что власть Польши распространяется на Курляндію, Лифляндію, Эстляндію, Бѣлоруссію съ Смоленскомъ и Малороссію съ Кіевомъ. Особенно сильно волновалась Литва, возбуждаемая виленскимъ революціоннымъ комитетомъ. Но успѣхи поляковъ были только временные. Послѣ пораженія присланныхъ сюда войскъ подъ начальствомъ Гелгуда, Вильна была занята нашими войсками. Дѣйствія революціонеровъ на Волыни и въ Подоліи были не успѣшны: поднялась только возбуждаемая тайными обществами и ксендзами шляхта и присоединилась къ войскамъ польскаго генерала Дверницкаго. Но русскіе крестьяне не только не пристали къ мятежу, но показывали прямо враждебное къ нему отношеніе. Дверницкому русское войско нанесло ударъ, и онъ ушелъ въ Австрію, гдѣ мятежники должны были положить оружіе. Скржинецкій бросился на стоявшій между Бугомъ и Наревомъ гвардейскій корпусъ подъ начальствомъ великаго князя Михаила Павловича, но былъ разбитъ. При отступленіи польскія войска были настигнуты Дибичемъ и разбиты при Остроленкѣ (близъ Ломжи). Но на походѣ къ Варшавѣ Дибичъ умеръ отъ холеры, а Константинъ Павловичъ отъ той же болѣзни — въ Витебскѣ.

Въ эту пору императоръ Николай составилъ собственноручную записку, что дѣлать съ Польшей послѣ ея покоренія, и приходилъ къ мысли, не слѣдуетъ ли намъ отказаться отъ той ея части, которая входила въ составъ Варшавскаго герцогства.

Въ высшей степени примѣчательны соображенія государя.

„Польша была постоянно соперницей и самымъ непримиримымъ врагомъ Россіи. Это наглядно вытекаетъ изъ событій, приведшихъ къ нашествію 1812 г.: и во время этой кампаніи опять-таки поляки, болѣе ожесточенные, чѣмъ всѣ прочіе участники этой войны, совершили болѣе всѣхъ злодѣйствъ, изъ тѣхъ же побужденій ненависти и мести, которыя одушевляли ихъ во всѣхъ войнахъ съ Россіей. Но Богъ благословилъ наше святое дѣло, и наши войска завоевали Польшу. Это—неоспоримый фактъ. Въ 1815 году Польша была отдана Россіи по праву завоеванія. Императоръ Александръ полагалъ, что онъ обезпечитъ интересы Россіи, возсоздавъ Польшу, какъ составную часть имперіи, но съ титуломъ королевства, особой администраціей и собственною арміей. Онъ даровалъ ей конституцію, установившую будущее ея устройство, и заплатилъ такимъ образомъ добровольнымъ благодѣяніемъ за все зло, которое Польша не переставала причинять Россіи. Это было местью чудной души. Но цѣль императора Александра была ли достигнута?“

„Я сказалъ выше, что главная цѣль заключалась въ обезпеченіи Россіи, путемъ возсозданія Польши, счастливой и процвѣтающей, подъ покровительствомъ и благодаря связи съ Россіей. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что эта маленькая страна, разоренная, ослабленная безпрерывными войнами, напряженіемъ, вызывавшимся цѣлымъ рядомъ революцій, частымъ переходомъ изъ однѣхъ рукъ въ другія, въ пятнадцатилѣтній промежутокъ времени достигла замѣчательнаго благосостоянія; ея финансовыя средства оказались не только достаточными для удовлетворенія потребностей страны, но послужили еще для основанія наличнаго фонда казначейства, пригодившагося почти въ теченіе года для покрытія всѣхъ нуждъ настоящей борьбы. Наконецъ, армія, созданная по образцу имперіи, снабженная всѣмъ и богато надѣленная запасами въ арсеналахъ, безъ всякаго обремененія страны, достигшая рѣдкаго совершенства, оказалась въ состояніи послужить кадрами для 100.000 человѣкъ. Что же хорошаго вышло для имперіи? — огромныя жертвы“...

„Имперія, въ ущербъ собственной промышленности, была наводнена польскими произведеніями,—однимъ словомъ, имперія несла всѣ тягости своего новаго пріобрѣтенія, не извлекая изъ него никакихъ иныхъ преимуществъ, кромѣ нравственнаго удовлетворенія отъ прибавленія лишняго титула къ титуламъ своего государя. Но вредъ былъ дѣйствительный. Прежнія польскія провинціи... стали заду-

Битва при Гроховѣ. Съ польской гравюры.

Медаль въ честь Паскевича.

мываться надъ тѣмъ, какъ бы ускользнуть отъ владычества имперіи... Другое еще болѣе существенное зло заключалось въ существованіи передъ глазами порядка вещей, согласнаго съ современными (на Западѣ) идеями, но почти неосуществимаго въ королевствѣ, а слѣдовательно, невозможнаго въ имперіи. Зародившіяся надежды нанесли страшный ударъ уваженію къ власти и общественному порядку и впервые привели къ несчастнымъ послѣдствіямъ, открытымъ въ концѣ 1825 года. Разъ ударъ былъ нанесенъ, примѣръ поданъ, трудно предположить, чтобы во время всеобщихъ волненій и смутъ, эти идеи не продолжали развиваться, несмотря на доказанную ихъ призрачность и опасныя послѣдствія. Однимъ словомъ, это являлось разрушеніемъ того, что составляетъ силу имперіи, т.-е. убѣжденія, что она можетъ быть велика и могущественна лишь при монархическомъ образѣ правленія и самодержавномъ государѣ“...

Указавъ на черную неблагодарность поляковъ по отношенію къ Россіи и на то, что въ виду ихъ мятежа прошла для нихъ пора русскаго великодушія, Николай Павловичъ задавался вопросомъ: не слѣдуетъ ли намъ совсѣмъ отдѣлаться отъ владѣнія прежнимъ Варшавскимъ герцогствомъ. Но эта мысль была имъ оставлена...

На мѣсто Дибича назначенъ былъ графъ Паскевичъ. Онъ перешелъ Вислу близъ прусской границы и осадилъ Варшаву, гдѣ уже происходили смуты и террористическія убійства. На предложеніе его полякамъ сдаться добровольно, они заявили заносчивыя требованія. Паскевичъ объявилъ, что на подобныя требованія можно отвѣчать только пушечными выстрѣлами. Начался штурмъ передовыхъ укрѣпленій, особенно сильныхъ у деревни Воля. Эти укрѣпленія сдались, а затѣмъ покорилась и Варшава. Польскія же войска бѣжали въ Пруссію и Австрію, гдѣ сложили оружіе. Польша снова была покорена. Учредительная хартія и польское войско были уничтожены. Университеты въ Варшавѣ и Вильнѣ и Кременецкій лицей были закрыты, а взамѣнъ ихъ учрежденъ былъ въ Кіевѣ университетъ св. Владиміра. Управленіе Польши было переустроено на

Штурмъ предмѣстья „Воля“.

Фамильный рубль Николая I.

основаніи органическаго статута, приближавшаго ее къ нашимъ губерніямъ.

Множество поляковъ эмигрировали за границу и во Франціи и Англіи приняты были сочувственно враждебными самодержавной Россіи партіями, поднимавшими противъ насъ вопли и въ печати и въ парламентахъ. Прекрасно на нихъ отвѣчалъ Пушкинъ.

О чемъ шумите вы народные витіи?
Зачѣмъ анаѳемой грозите вы Россіи?
Что возмутило васъ? Волненія Литвы?
Оставьте: это споръ славянъ между собою,
Домашній, старый споръ, ужъ взвѣшенный судьбою;
Вопросъ, котораго не разрѣшите вы.
Уже давно между собою
Враждуютъ эти племена;
Не разъ клонилась подъ грозою
То ихъ, то наша сторона.
Кто устоитъ въ неравномъ спорѣ:
Кичливый ляхъ иль вѣрный россъ?
Славянскіе ль ручьи сольются въ русскомъ морѣ?
Оно ль изсякнетъ? — Вотъ вопросъ.
Оставьте насъ: вы не читали
Сіи кровавыя скрижали;
Вамъ не понятна, вамъ чужда
Сія семейная вражда;
Для васъ безмолвны Кремль и Прага;
Безсмысленно прельщаетъ васъ
Борьбы отчаянной отвага —
И ненавидите вы насъ...
За что жъ? отвѣтствуйте: за то ли,
Что на развалинахъ пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, подъ кѣмъ дрожали вы?
За то ль, что въ бездну повалили

Мы тяготѣющій надъ царствами кумиръ,
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и миръ?
Вы грозны на словахъ—попробуйте на дѣлѣ!
Иль старый богатырь, покойный на постелѣ,
Не въ силахъ завинтить свой измаильскій штыкъ?
Иль Русскаго царя уже безспльно слово?
Иль намъ съ Европой спорить ново?
Иль русскій отъ побѣдъ отвыкъ?
Иль мало насъ? Или отъ Перми до Тавриды,
Отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды,
Отъ потрясеннаго Кремля
До стѣнъ недвижнаго Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанетъ Русская земля?—
Такъ высылайте жъ къ намъ, витіи,
Своихъ озлобленныхъ сыновъ:
Есть мѣсто имъ въ поляхъ Россіи,
Среди нечуждыхъ имъ гробовъ.

Государь въ Москвѣ получилъ отъ Паскевича конституціонную хартію и знамена польскихъ войскъ. Онъ велѣлъ ихъ поставить въ Оружейной палатѣ, а хартію положить у подножія портрета Александра I. Онъ писалъ по этому поводу Паскевичу: „Я получилъ ковчегъ съ покойницей-конституціей, за которую благодарю весьма; она изволитъ покоиться здѣсь въ Оружейной палатѣ“.

Наступившій съ 1831 года упадокъ въ Польшѣ католическихъ давленій и самой польщизны привелъ къ тому, что здѣсь возобно-

Въ память возсоединенія уніатовъ.

Іосифъ Сѣмашко.

вилось среди русскаго населенія движеніе къ возврату изъ уніи въ православную Церковь. Много стѣсняло это движеніе въ предшествующія царствованія то, что вѣдѣніе въ Россіи католической и уніатской церкви принадлежало одной и той же римско-католической коллегіи, учрежденной въ Петербургѣ. Ревнитель православія—Николай I для управленія греко-уніатскою церковью учредилъ особую коллегію, которая должна была очищать уніатскую церковь отъ введенныхъ въ нее латино-католическихъ обрядовъ и обычаевъ и возстановленіемъ греко-русскихъ обрядовъ приготовлять ее къ возсоединенію съ православною Церковію, къ чему дѣятельно стремилось и само уніатское духовенство. Одновременно съ этимъ для образованія уніатскаго духовенства внѣ латино-польскихъ вліяній были основаны въ нашемъ Западномъ краѣ особыя семинаріи и училища. Все это ускоривало возсоединеніе уніатовъ. Когда это движеніе назрѣло, уніатскіе епископы и священники, собравшись въ 1839 году въ Полоцкѣ на соборъ, постановили просить государя о дозволеніи уніатамъ присоединиться къ прародительской православной Всероссійской Церкви. На всеподданнѣйшемъ о томъ прошеніи государь написалъ: „Благодарю Бога и принимаю“. Главнымъ вождемъ этого возсоединенія былъ епископъ Іосифъ Сѣмашко, впослѣдствіи возведенный въ митрополиты виленскіе. Въ предѣлахъ имперіи оставалась только одна уніатская епархія—холмская, присоединившаяся къ православію въ царствованіе Александра II.

Въ память возсоединенія уніатовъ была Николаемъ I вычеканена медаль. На лицевой ея сторонѣ сдѣлано нерукотворенное изображеніе Спаса съ надписями, вверху: „Такова имамы первосвященника“, и внизу: „Отторгнутые насиліемъ (1596) возсоединены

любовію (1839)". На оборотной сторонѣ восьмиконечный крестъ и надпись: „Торжество православія". (См. выше, стр. 61).

Для огражденія крестьянъ отъ угнетенія поляками-помѣщиками и въ религіозномъ отношеніи опредѣлены повинности крестьянъ помѣщикамъ такъ называемыми инвентарными положеніями, которыя сперва были введены въ кіевскомъ генералъ-губернаторствѣ, а затѣмъ и въ остальныхъ юго-западныхъ губерніяхъ.

Передъ началомъ польскаго возстанія и во время его въ разныхъ концахъ Россіи происходили крестьянскія и холерныя волненія. Среди крестьянъ, особенно въ мѣстностяхъ, гдѣ появилась холера, неизвѣстными людьми распускались слухи и поддерживались толки объ освобожденіи крестьянъ и о передачѣ ихъ отъ помѣщиковъ въ вѣдѣніе казны. Правительству приходилось настораживаться и принимать предупредительныя противъ волненій мѣры.

Холера, начавшаяся еще въ предшествующее царствованіе, стала въ концѣ двадцатыхъ годовъ распространяться по Россіи и въ 1830 г., несмотря на принимаемыя санитарныя мѣры, начала сильно свирѣпствовать въ Москвѣ, вызывая громадную смертность и сильнѣйшую тревогу въ жителяхъ. Государь писалъ московскому генералъ-губернатору князю Д. В. Голицыну: „Увѣдомляйте меня эстафетою о ходѣ болѣзни. Отъ вашихъ извѣстій будетъ зависѣть мой отъѣздъ.

Николай I въ Москвѣ въ холеру въ 1831 году.

Я пріѣду дѣлить съ вами опасности и труды“. Неописанны были удивленіе и радость москвичей, когда они внезапно узнали, что „царь въ Москвѣ“. Громадныя толпы народа повалили къ Кремлю. Дѣйствительно, рано утромъ 29 сентября государь прямо прибылъ къ Иверской часовнѣ и приложился къ иконѣ Божіей Матери и былъ окруженъ несчетною толпою. Трогательны были возгласы народа: „Ты—нашъ отецъ, мы знали, что ты къ намъ будешь... Гдѣ бѣда, тамъ и ты, нашъ родной“. Переполненъ былъ и Кремль народомъ. При входѣ царя въ Успенскій соборъ митрополитъ Филаретъ говорилъ: „Съ крестомъ срѣтаемъ тебя, государь. Да идетъ съ тобою воскресеніе и жизнь“...

Семидневное пребываніе въ Москвѣ государя, безстрашно посѣщавшаго больныхъ, ободрило упавшій духъ москвичей. Отчаяніе уступило въ нихъ мѣсто соревнованію въ пожертвованіяхъ и помощи больнымъ. Въ короткое время возникли новыя больницы и пріюты для бѣдняковъ. Народъ сталъ охотно подчиняться санитарнымъ мѣрамъ.

Успокоивъ Москву, Николай Павловичъ уѣхалъ назадъ въ Петербургъ, но на пути, чтобы показать примѣръ исполненія законовъ, выдержалъ въ Твери установленный карантинный срокъ.

Несмотря на охранительныя мѣры, холера въ іюнѣ 1831 года появилась и въ Петербургѣ. Въ двѣ недѣли зараза до того усилилась, что умирало ежедневно отъ 400 до 500 человѣкъ. Простой народъ, подстрекаемый какими-то людьми, распускавшими слухи, будто доктора и польскіе мятежники сыплютъ ядъ въ хлѣбъ и воду, не хотѣлъ исполнять правилъ предосторожности и, собираясь толпами на улицахъ, останавливалъ подозрительныхъ ему людей и обыскивалъ ихъ, нѣтъ ли де у нихъ яду. Толпы врывались въ больницы и убивали докторовъ и освобождали оттуда больныхъ, въ той мысли, что ихъ зря мучаютъ. Однажды огромныя толпы изъ разныхъ частей Петербурга стали зловѣще собираться на Сѣнной площади. Извѣщенный объ этомъ государь, въ сопровожденіи князя Меншикова, быстро прискакалъ сюда изъ Петергофа въ колескѣ. Вставъ въ экипажѣ, государь, какъ говоритъ въ своемъ дневникѣ названный князь, обратившись къ толпѣ, сказалъ:

„Вчера учинены были злодѣйства, общій порядокъ былъ нарушенъ. Стыдно народу русскому, забывъ вѣру отцовъ своихъ, подражать буйству французовъ и поляковъ; они васъ подучаютъ, ловите ихъ, представляйте подозрительныхъ начальству. Но здѣсь учи-

Императоръ Николай I на Сѣнной площади.

нено было злодѣйство, прогнѣвали вы Бога. На колѣни! Просите у Всемогущаго прощенія!“

Вся площадь стала на колѣни и съ умиленіемъ крестилась, и государь — тоже; были слышны восклицанія: „Согрѣшили, окаянные!“ Затѣмъ снова заговорилъ государь:

„Клявшись передъ Богомъ охранять благоденствіе ввѣреннаго мнѣ Промысломъ народа, я отвѣчаю передъ Богомъ и за безпорядки, а потому не попущу ихъ. Повторяю еще: самъ лягу, но не попущу, и горе ослушникамъ“.

Въ это время нѣсколько человѣкъ возвысили голосъ. Государь воскликнулъ:

„До кого вы добираетесь, кого хотите, меня ли? Я никого не страшусь. Вотъ я (показываетъ на грудь)“.

До слезъ растроганный народъ кричалъ въ отвѣтъ царю *ура* и мирно разошелся по домамъ.

Смятенія и безпорядковъ больше не было. Государь призвалъ городского голову и велѣлъ немедля строить новую больницу для холерныхъ и приказалъ отпустить 130 тысячъ рублей изъ государственнаго казначейства на борьбу съ эпидеміей. Холера стала ослабѣвать и къ концу августа совсѣмъ прекратилась. Къ этому времени пришла вѣсть о взятіи мятежной Варшавы.

III.

Дѣла внутренняго управленія. — Отношеніе Николая I къ внутренней политикѣ предшествующаго царствованія. — Законодательство Николая I. — Собраніе узаконеній и Сводъ законовъ. — Организація Собственной Его Величества Канцеляріи. — Сословныя реформы и крестьянство. — Финансы. — Мѣры относительно просвѣщенія. — Расцвѣтъ литературы и искусства. — Отношеніе къ Турціи. — Походъ противъ хивинцевъ. — Военныя дѣйствія на Кавказѣ. — Усмиреніе венгерскаго возстанія.

Въ манифестѣ своемъ, при восшествіи на престолъ, императоръ Николай I говорилъ, что онъ будетъ „жить единственно для любезнаго отечества, царствовать, какъ царствовалъ Александръ Благословенный, чтобы совершить все, что онъ желалъ для счастія Россіи“. Само собою, что въ этихъ словахъ разумѣлись не тѣ планы его предшественника, которыхъ тотъ держался въ первую половину своего царствованія, и отъ которыхъ самъ отказался во вторую, носившую охранительный характеръ. Впрочемъ, безусловно добросовѣстный и точный, новый государь приказалъ собрать въ учрежденной имъ „Собственной Его Величества Канцеляріи“ всѣ бумаги, оставшіяся послѣ его царственнаго брата и, по приведеніи ихъ въ особомъ секретномъ комитетѣ въ порядокъ, лично изучалъ тщательно всѣ законодательныя предположенія его, дополняя ихъ справками у своего брата Константина Павловича, благоговѣвшаго передъ покойнымъ государемъ, какіе виды и мысли имѣлъ онъ относительно того или другого государственнаго вопроса. Мало того: онъ приказалъ составить себѣ подробный и обстоятельный сводъ мнѣній декабристовъ о преобразованіяхъ, какія, по ихъ мнѣніямъ, необходимы были для Россіи, и при обсужденіи законодательныхъ предположеній обращался къ этому своду, находившемуся въ его кабинетѣ.

Съ современной гравюры.

Въ виду этого было бы ошибочно думать, что характеръ законодательной и правительственной дѣятельности Николая I опредѣляется субъективными впечатлѣніями его отъ декабрьскаго бунта и революціонныхъ движеній на западѣ, или нашептываніями реакціонеровъ разнаго рода. Императоръ Николай I былъ въ высшей степени самостоятеленъ въ своихъ взглядахъ и въ этомъ отношеніи напоминалъ Петра I и Екатерину II; у него не было людей, вліянію которыхъ онъ бы поддавался. Охранительный характеръ его царствованія былъ результатомъ его собственныхъ убѣжденій. Они же носили на себѣ ярко-русскую національную окраску и сводились къ получившей такое большое значеніе въ эту эпоху тріединой формулѣ: „самодержавіе, православіе и народность“.

Царствованіе это не было бѣдно законодательствомъ, но государь иниціативу и направленіе законодательныхъ работъ старался какъ можно ближе поставить къ себѣ. Разработку законопроектовъ, иногда широко захватывавшихъ государственную жизнь, онъ поручалъ не высшимъ правительственнымъ учрежденіямъ, а особымъ негласнымъ или секретнымъ комитетамъ, въ составъ которыхъ онъ самъ назначалъ членовъ изъ высшихъ сановниковъ, и прилежно слѣдилъ, за ихъ работами, самъ принимая въ нихъ личное участіе. Для законодательныхъ работъ онъ, впрочемъ, ставилъ то ограниченіе, что они должны имѣть въ виду не полное переустройство существующаго управленія, но лишь его усовершенствованіе путемъ частныхъ реформъ. Онъ не любилъ чиновничьяго, бюрократическаго управленія, съ его волокитой въ дѣлахъ и различными злоупотребленіями, за которыя строго каралъ чиновниковъ, и желалъ, чтобы Россія управлялась „не столоначальниками“, а на основаніи законовъ, волею государя, при помощи облеченныхъ его довѣріемъ лицъ.

Весьма важное значеніе пріобрѣла при немъ Собственная Его Императорскаго Величества Канцелярія или точнѣе близкіе къ государю начальники ея отдѣленій.

Первое ея отдѣленіе вѣдало дѣла, подлежавшія личному разсмотрѣнію государя, а также наблюденіе за исполненіемъ Высочайшихъ повелѣній. Второе отдѣленіе занималось разработкой законопроектовъ и кодификаціей существующихъ законовъ. Во главѣ его стоялъ графъ М. М. Сперанскій, а потомъ графъ Д. Н. Блудовъ. Оно замѣнило учрежденную при Государственномъ Совѣтѣ Александромъ I комиссію для составленія законовъ. Третье отдѣленіе вело, по личнымъ указаніямъ государя, надзоръ за всѣмъ въ государствѣ для немедленнаго прекращенія злоупотребленій и завѣды-

вало высшей полиціей, органомъ которой былъ корпусъ жандармовъ. Начальникъ третьяго отдѣленія былъ шефомъ этого корпуса. Говорятъ, что первый начальникъ третьяго отдѣленія и вмѣстѣ командующій императорскою квартирой графъ Бенкендорфъ при своемъ назначеніи просилъ дать ему инструкціи. Государь далъ ему свой чистый платокъ и сказалъ: „Вотъ моя инструкція. Чѣмъ больше утрешь слезъ, проливаемыхъ въ Россіи отъ разныхъ неустройствъ, тѣмъ лучше будетъ достигнута благая цѣль новаго учрежденія“. И начальникъ этого отдѣленія въ первыхъ же инструкціяхъ давалъ своимъ агентамъ указанія самаго гуманнаго свойства. Среди нихъ мы встрѣчаемъ заботу о томъ, чтобы голосъ безщитныхъ и безгласныхъ людей, беззаконно угнетаемыхъ сильными и властными, быстро доходилъ до престола царскаго, и чтобы они могли стать подъ защиту самого государя императора. Четвертое отдѣленіе канцеляріи завѣдывало учебными и благотворительными учрежденіями, находившимися подъ покровительствомъ императрицы Маріи.

Чрезвычайно важными въ исторіи Россіи памятниками законодательной дѣятельности императора Николая I являются изданные въ его царствованіе „Полное собраніе узаконеній“ и „Сводъ законовъ Россійской Имперіи“.

Печальное положеніе нашего правосудія было однимъ изъ первыхъ предметовъ, обратившихъ на себя всю заботливость императора Николая тотчасъ по его воцареніи. „Я желаю,—говорилъ онъ,—положить въ основу государственнаго строя и управленія всю силу и строгость законовъ“.

Новый государь пораженъ былъ уже одной медлительностью судопроизводства: справки дали ему свѣдѣнія, что къ концу царствованія Александра I въ разныхъ судахъ накопилось болѣе 3 милліоновъ нерѣшенныхъ дѣлъ, и 127 тысячъ подсудимыхъ въ тюрьмахъ ожидали рѣшенія своей участи. Но ему было также извѣстно, какъ много было тогда „неправды черной“ въ самомъ рѣшеніи судебныхъ дѣлъ. И онъ одной изъ первыхъ задачъ своего царствованія поставилъ искорененіе судебныхъ неустройствъ.

Одною изъ главныхъ причинъ этого было печальное состояніе самого русскаго законодательства. Прошло 176 лѣтъ съ изданія царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ (въ 1649 году) „Соборнаго Уло-

Д. Н. Блудовъ.

женія“, которое, особенно со времени преобразованій Петра I не соотвѣтствовало государственному положенію и его нуждамъ. Вслѣдствіе этого, появлялось очень много все новыхъ и новыхъ законоположеній, противорѣчившихъ „Уложенію“ и нерѣдко между собою несогласованныхъ. Уже Петръ I учредилъ особую комиссію изъ бояръ и думныхъ людей для приведенія въ согласіе постановленій Уложенія съ новоуказными статьями и Высочайшими повелѣніями. Въ 14 лѣтъ комиссія успѣла разсмотрѣть только три статьи. Недовольный такою медленною работой Петръ закрылъ комиссію и поручилъ это дѣло Сенату, но и здѣсь дѣло шло также неуспѣшно. Преобразователь рѣшилъ было ввести въ Россіи даже шведское уложеніе въ качествѣ свода законовъ, но не осуществилъ этого намѣренія. Всѣ девять его преемниковъ принимались за ту же работу и для вящаго ея успѣха призывали выборныхъ представителей отъ сословій. Такъ, при Петрѣ II были призваны депутаты отъ дворянства; при Елизаветѣ Петровнѣ уже отъ дворянства, духовенства и купечества. Екатерина же II созвала огромную комиссію (свыше 500 членовъ), съ выборными отъ всѣхъ сословій, званій и учрежденій, отъ всѣхъ племенъ и народовъ, живших въ Россіи, „для сочиненія новаго уложенія“. По повелѣнію свыше выборные явились, по французскому примѣру, съ наказами отъ избирателей и слушали наказъ отъ самой императрицы о началахъ для ихъ законодательной дѣятельности. Но и эта попытка осталась, какъ извѣстно, безъ результата.

Безконечное множество узаконеній, которыя приходилось отыскивать въ архивахъ, и ихъ взаимная противорѣчивость создавали выгодныя условія не только для добросовѣстныхъ судебныхъ ошибокъ, но и для недобросовѣстныхъ затяжекъ и злоупотребленій.

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ по вступленіи на престолъ (31 марта 1826 года) Николай Павловичъ объявилъ: „При первоначальномъ обозрѣніи разныхъ частей государственнаго управленія, обративъ особенное вниманіе на уложеніе отечественныхъ законовъ, усмотрѣлъ я, что труды, съ давнихъ лѣтъ по сей части предпринятые, были многократно прерываемы и потому доселѣ не достигли цѣли“. Въ виду этого онъ „принялъ это дѣло въ свое непосредственное вѣдѣніе“ и приказалъ учредить въ собственной своей канцеляріи особое для него отдѣленіе.

Государь совершенно правильно усмотрѣлъ главную причину неуспѣшности работъ по этому предмету въ предшествующее время въ томъ, что цѣлью ихъ ставилось „сочиненіе новыхъ законовъ“.

Получившій въ свое завѣдываніе это дѣло Сперанскій, ознакомившись съ дѣятельностью предшествующихъ девяти комиссій, предложилъ государю двѣ системы работъ: или прямо приступить къ составленію новаго уложенія, сообразнаго съ духомъ и потребностями времени (какъ при Александрѣ I), или составить сводъ существующихъ и дѣйствующихъ узаконеній и по указаніямъ опыта ихъ исправлять и дополнять [1]). Государь выбралъ вторую и пору-

Фамильный рубль Николая I.

---

1) Сперанскій разсказалъ объ этомъ умиравшему въ ту пору Карамзину, который сказалъ: «Вотъ это совершенно согласно съ моими убѣжденіями. Какъ составлять законы, не зная всѣхъ тѣхъ, какіе у насъ были? Надобно прежде знать свое прошлое, собрать все безъ исключенія, а потомъ отдѣлить, что̀ имѣетъ обязательную силу. Такъ составится вѣрный сводъ, по крайней мѣрѣ, того, что существуетъ».

чилъ Сперанскому сперва собрать всѣ наши законы, начиная съ Соборнаго Уложенія. Въ четыре года эта огромная работа была окончена во второмъ отдѣленіи Канцеляріи, и въ 1830 году было напечатано „Полное собраніе законовъ Россійской Имперіи“, заключающее въ своихъ 45 томахъ 30 тысячъ актовъ. Это изданіе сдѣлало цѣлую эпоху въ областяхъ двухъ наукъ: въ Русской исторіи, которая подвинулась быстро впередъ отъ обнародованія мало доступныхъ архивныхъ документовъ, и Русское право, которое теперь иначе могло поставить исторію свою.

Затѣмъ началась кипучая работа по составленію изъ дѣйствующихъ узаконеній систематическаго Свода законовъ. Чрезъ три года въ 1833 году Высочайшій манифестъ возвѣстилъ, что желанія всѣхъ русскихъ государей, начиная съ Петра I до Александра I, исполнены: всѣ законы, начиная съ 1649 до 1 января 1832 года, сохранившіе донынѣ силу, были разобраны по родамъ, сведены въ единообразный составъ, соединены въ одно цѣлое, распредѣлены въ книги (15 томовъ), по главнымъ предметамъ дѣлъ правительственныхъ и судебныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, возвѣщено было и продолженіе Свода законовъ въ ежегодныхъ приложеніяхъ къ нему, по примѣру продолженія и „Собранія законовъ“. Такъ безъ участія выборныхъ депутатовъ осуществлено было это огромное дѣло, веденное по образцу Свода Римскаго права (Corpus juris) византійскаго императора Юстиніана Великаго.

Затѣмъ было приступлено къ систематическому пересмотру отдѣльныхъ частей Свода Законовъ, и это дѣло, по указанію государя, начато было не съ основныхъ, а съ уголовныхъ законовъ. Но при началѣ этого труда (въ 1839 году) Сперанскій скончался и его велъ Д. И. Блудовъ. Въ 1845 году государь утвердилъ Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, послѣдовалъ и цѣлый рядъ законодательныхъ измѣненій въ отдѣльныхъ сторонахъ государственной жизни. Изъ нихъ въ учебномъ курсѣ слѣдуетъ отмѣтить перемѣны въ положеніи сословій.

Въ жалованной грамотѣ дворянству (1785 года) произведено было видоизмѣненіе въ томъ смыслѣ, что теперь уже не каждый дворянинъ пользовался правомъ голоса на дворянскихъ собраніяхъ. Это вызвано было тѣмъ, что мелкопомѣстные дворяне становились въ полную зависимость отъ богатыхъ и на выборахъ подавали свои голоса по указанію послѣднихъ, вслѣдствіе чего всѣ выборныя должности по мѣстному управленію замѣщались людьми назначаемыми

Николай Павловичъ.
Съ портрета 30-хъ годовъ.

ими. Вслѣдствіе этого изданъ былъ указъ, оставившій право голоса на выборахъ лишь за тѣми дворянами, которые имѣли въ своемъ владѣніи не менѣе трехъ тысячъ десятинъ земли; исключеніе дѣлалось только для большихъ чиновъ. Въ ограждeніе дворянскаго сословія отъ чрезмѣрнаго наплыва въ него служилыхъ людей послѣдовалъ Высочайшій указъ, по которому въ потомственное дворянство возводились только лица, достигшія штабъ-офицерскаго чина въ военной службѣ и гражданскіе чиновники V класса; чиновники же младшихъ (до IX-го) классовъ выдѣлялись въ сословіе *личныхъ дворянъ*; остальнымъ же были предоставлены права почетнаго гражданства, т.-е. освобожденіе отъ подушной подати, рекрутства и тѣлеснаго наказанія. Для служилаго класса учреждена была государственная пенсія за 35-лѣтнюю службу.

Императоръ Николай I много заботъ своихъ посвящалъ русскому крестьянству и искренно желалъ раскрѣпощенія крестьянъ и надѣленія ихъ землею. Предъ началомъ Севастопольской войны онъ говорилъ графу П. Д. Киселеву: „Три раза начиналъ я это дѣло, и три раза не могъ продолжать его; видно, это перстъ Божій“. Осуществить же эту наслѣдственную идею русскихъ самодержцевъ суждено было его сыну, императору Александру II. Но нѣтъ никакого сомнѣнія, для подготовки этой важнѣйшей реформы много было сдѣлано въ царствованіе Николая I. Больше ему удалось сдѣлать для благосостоянія такъ называемыхъ государственныхъ крестьянъ, но не мало было внесено новаго и въ бытъ крѣпостныхъ крестьянъ, въ смыслѣ ограниченія надъ ними крѣпостного права.

Изъ указовъ Николая Павловича относительно крѣпостныхъ крестьянъ должно отмѣтить слѣдующіе. Онъ запрещалъ продавать крестьянъ отдѣльно отъ ихъ семействъ, позволилъ помѣщикамъ отдавать земли въ пользованіе своимъ крестьянамъ за условленныя повинности; такіе крестьяне составляли особый классъ „обязанныхъ“; разрѣшилъ крестьянамъ пріобрѣтать съ дозволенія помѣщиковъ недвижимую собственность и заниматься торговлею и промыслами и, наконецъ, выкупаться на волю при продажѣ помѣщичьихъ земель съ аукціона.

Но еще болѣе подготовляли отмѣну крѣпостного права улучшенія въ быту государственныхъ крестьянъ, гдѣ не задѣвались частно-владѣльческія права.

Все количество государственныхъ крестьянъ въ 1838 году исчислялось въ 9 милліоновъ. Оно составилось изъ крестьянъ, отобранныхъ отъ монастырей въ комиссію государственной экономіи, изъ

однодворцевъ, обложенныхъ подушною податью, изъ черносошныхъ сѣверной Россіи, изъ крестьянъ, жившихъ на государственныхъ земляхъ Польши, и, наконецъ, изъ разныхъ инородцевъ. Распредѣленіе между ними земельныхъ надѣловъ, отъ $^1/_2$ десятины до 20 десятинъ на душу, было крайне неравномѣрно. Административное управленіе этими крестьянами было не выработано. Для завѣдыванія ими и государственными имуществами императоръ Николай I учредилъ въ 1837 году Министерство Государственныхъ Имуществъ, во главѣ котораго былъ поставленъ П. Д. Киселевъ, много поработавшій для улучшенія быта государственныхъ крестьянъ.

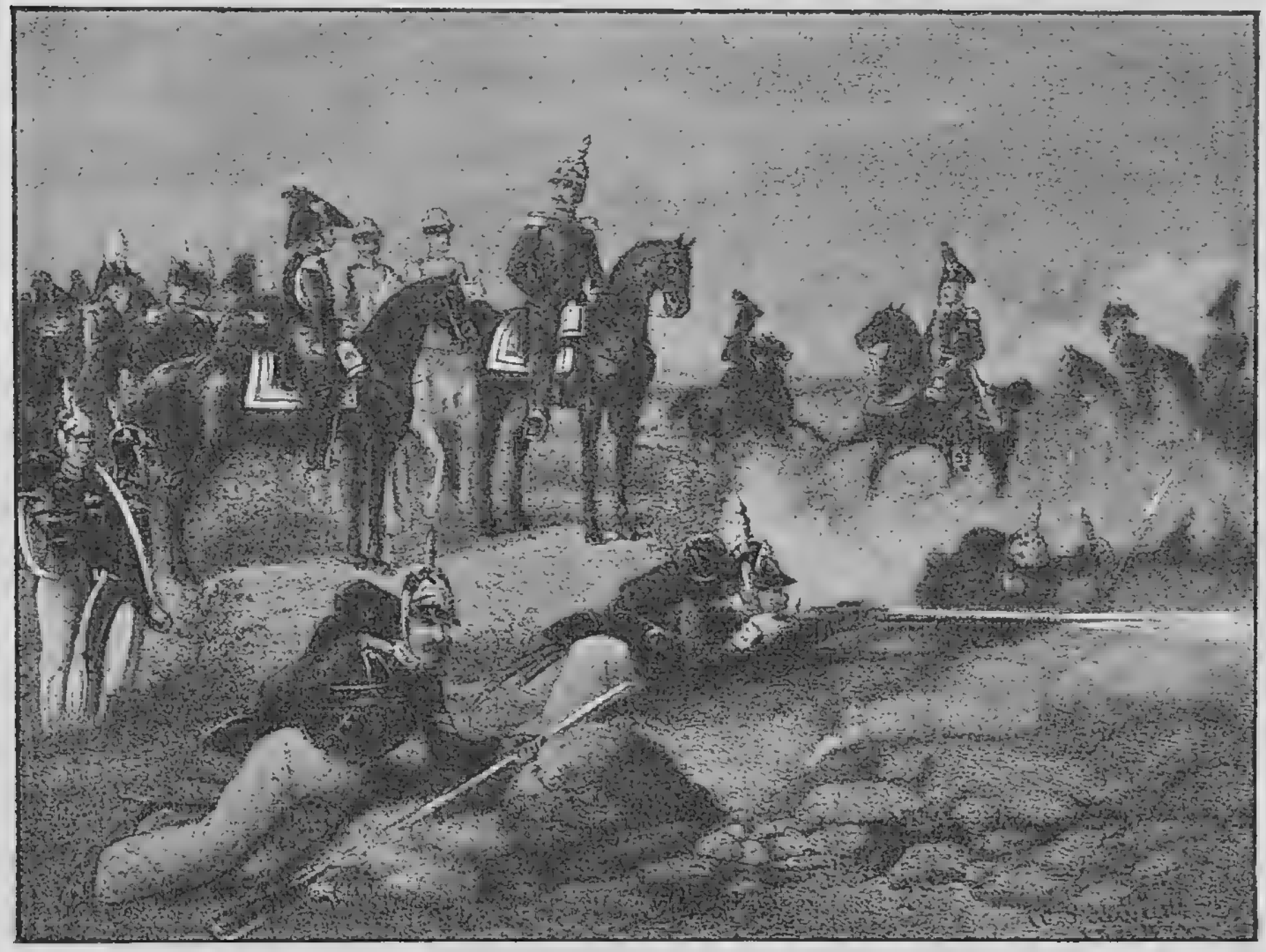
Для управленія ими были учреждены въ губернскихъ городахъ палаты государственныхъ имуществъ, вѣдавшія разную государственную собственность и управлявшее государственными крестьянами. Губерніи были подраздѣлены на округи, подчиненные начальнику и его помощникамъ, округи подраздѣлялись на волости (въ 6000 крестьянъ), состоявшія изъ сельскихъ обществъ (въ 1500 человѣкъ). Крестьянству здѣсь дано было самоуправленіе. Волостной сходъ избиралъ изъ своей среды волостное правленіе съ волостнымъ головой и двумя засѣдателями и волостной судъ изъ нѣсколькихъ членовъ. Волостному правленію принадлежала административно-полицейская власть въ своемъ районѣ, съ производствомъ денежныхъ сборовъ, съ хлѣбными запасными магазинами и проч. Сельскій сходъ избиралъ сельскаго старшину съ его помощниками, старостами, сотскими и десятскими и сборщиками податей и сельскими судьями, разбиравшими маловажныя тяжбы и спорныя дѣла. Такая организація государственныхъ крестьянъ много способствовала подъему ихъ благосостоянія въ разныхъ отношеніяхъ и перенесена была при Александрѣ II и на крестьянъ, освобожденныхъ отъ крѣпостной зависимости.

Въ это царствованіе были приведены въ порядокъ государственные финансы, порученные, въ качествѣ министра финансовъ, графу Канкрину. Чрезмѣрный и возраставшій выпускъ ассигнацій приводилъ къ паденію курса ассигнаціоннаго рубля. При Екатеринѣ II, когда количество выпущенныхъ ассигнацій превышало 150 милліоновъ, цѣнность этого рубля понизилась до 68 копеекъ серебромъ; при Павлѣ I, при 200 милліонахъ ассигнацій, до 62 коп., а при Александрѣ I, послѣ Наполеоновскихъ войнъ, при 800 милліонахъ, цѣнность ассигнацій дошла до 25 копеекъ, что вело къ большимъ убыткамъ во внутренней и внѣшней торговлѣ и ко множеству финансовыхъ затрудненій для государства. Названный министръ финансовъ предложилъ цѣлый рядъ реформъ для возстановленія въ

Канкринъ.

Россіи денежнаго металлическаго обращенія. Въ 1839 году высочайшимъ манифестомъ установленъ былъ *неизмѣнной платежной единицей серебряный рубль;* при чемъ опредѣлена была (фиксирована) цѣнность ассигнаціоннаго рубля въ $27^1/_2$ коп., т.-е. $3^1/_2$ ассигнаціонныхъ рубля равнялись по цѣнности одному серебряному. Въ 1840 году для упроченія металлическаго обращенія и для сокращенія въ оборотѣ ассигнацій, учреждена была при государственномъ банкѣ сохранная или депозитная касса, принимавшая на сохраненіе серебро и выдававшая вкладчикамъ депозитные билеты, безпрепятственно размѣниваемые на звонкую монету. Депозитки имѣли большой успѣхъ въ обращеніи и привлекли въ банкъ значительное количество звонкой монеты. Подъ обезпеченіе этого металлическаго фонда были выпущены „государственные кредитные билеты“, которые во всякое время по предъявленіи въ размѣнную кассу государственнаго банка размѣнивались на звонкую серебряную и золотую монету, рубль за рубль; выкупъ же кредитныхъ билетовъ обезпечивался всѣмъ государственнымъ достояніемъ. Эта реформа привлекла въ обращеніе большое количество звонкой монеты, а кредитные билеты ходили по нарицательной цѣнѣ. Такое упорядоченіе денежнаго обращенія хорошо подѣйствовало на торговлю и промышленность. Государственные доходы увеличились вслѣдствіе возвышенія таможенныхъ пошлинъ на заграничные товары, введенія винныхъ откуповъ и установленія акциза съ табаку. Стало подниматься и экономическое положеніе страны; умножились фабрики и заводы; впервые у насъ были заведены свекло-сахарные заводы. Положено было и начало постройкѣ у насъ желѣзныхъ дорогъ Такъ, въ 1838 году открыта была Царскосельская дорога. Чрезъ десять лѣтъ Варшавско-Вѣнская, а въ 1851 году Николаевская, соединившая Петербургъ съ Москвою.

Въ царствованіе Николая I замѣтенъ дальнѣйшій подъемъ русскаго образованія, которому государь старался придать національный характеръ. Въ это время изданъ былъ уставъ для высшихъ, среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній. Профессорамъ и учителямъ было удвоено содержаніе. Иностранцы гувернеры, и гувернантки, должны были экзаменоваться въ университетахъ для полученія правъ на обученіе дѣтей, что сократило приливъ къ намъ иноземныхъ „просвѣтителей“. Число учебныхъ заведеній разныхъ ступеней размножилось. Такъ, кромѣ Кіевскаго университета Св. Владиміра, были основаны въ Петербургѣ для приготовленія преподавателей высшихъ учебныхъ заведеній Профессорскій институтъ, а среднихъ—Главный Педагогическій институтъ. Учреждены были въ Петербургѣ Училище правовѣдѣнія и Николаевская Военная академія, Технологическій институтъ и Инженерное училище. Умножилось число семинарій, кадетскихъ корпусовъ, женскихъ институтовъ и низшихъ училищъ. Государь любилъ посѣщать учебныя заведенія и, ласково обращаясь съ воспитанниками, требовалъ, чтобы ихъ пріучали къ хорошей дисциплинѣ. При Министерствѣ Народ-



Императоръ Николай I на маневрахъ.

наго Просвѣщенія учреждена была Археографическая комиссія для собиранія и печатанія первоисточниковъ Русской исторіи.

Хотя при императорѣ Николаѣ I изданъ былъ довольно строгій Цензурный Уставъ (1829 года), но самъ государь покровительствовалъ выдающимся писателямъ своего времени, какъ Карамзину, Жуковскому, Крылову и Пушкину, и расцвѣтъ при немъ русской литературы былъ выдающимся.

Больной и уже доживавшій свой вѣкъ творецъ „Исторіи Государства Россійскаго“ Н. М. Карамзинъ получилъ отъ государя очень милостивый рескриптъ и ежегодную пенсію въ 50 тысячъ рублей, которая послѣ его смерти была сохранена за его семьею. Пользовался вниманіемъ и милостями государя И. А. Крыловъ, а Жуковскій имѣлъ большое вліяніе при царскомъ дворѣ, такъ какъ сдѣланъ былъ воспитателемъ цесаревича Александра Николаевича.

Необыкновенно тепло относился государь къ нашему великому Пушкину. По его просьбѣ онъ возвратилъ его изъ ссылки въ родовую деревню (село Михайловское, Новгородской губерніи), вызвалъ его въ Москву во время коронаціонныхъ празднествъ (въ 1826 году), милостиво бесѣдовалъ съ нимъ и самъ сдѣлался добрымъ и справедливымъ цензоромъ его произведеній лучшей поры его творчества. И Пушкинъ глубоко понялъ и полюбилъ государя. Подвергаясь за это либеральнымъ укорамъ, онъ отвѣчалъ на нихъ слѣдующими стихами:

Нѣтъ, я не льстецъ, когда царю
Хвалу свободную слагаю:
Я смѣло чувства выражаю,
Языкомъ сердца говорю—
Его я просто полюбилъ;
Онъ бодро, честно править нами;
Россію вдругъ онъ оживилъ
Войной, надеждами, трудами
О нѣтъ, хоть юность въ немъ кипитъ,
Но не жестокъ въ немъ духъ державный;
Тому, кого караетъ явно,
Онъ втайнѣ милости творитъ.
Текла въ изгнаньѣ жизнь моя,
Влачилъ я съ милыми разлуку,
Но онъ лишь царственную руку
Простеръ—и съ вами снова я.
Во мнѣ почтилъ онъ вдохновенье,
Освободилъ онъ мысль мою,
И я ль въ сердечномъ упоеньѣ
Ему хвалы не воспою?..

Митрополитъ Филаретъ.

Трогательно заботился царь объ умиравшемъ поэтѣ, желая, чтобы онъ умеръ христіаниномъ...

И Н. В. Гоголь не увидалъ бы на сценѣ своего „Ревизора“, если бы самъ царь не разрѣшилъ этой комедіи къ представленію. Послѣ перваго спектакля онъ благодушно сказалъ о выставленныхъ Гоголемъ отрицательныхъ явленіяхъ русской жизни: „Ну всѣмъ здѣсь досталось, а больше всего мнѣ самому“. Императоръ поощрялъ театръ и артистовъ. При немъ создалъ свою „Жизнь за царя“ Глинка, а Львовъ положилъ на музыку народный гимнъ Жуковскаго. Въ его же царствованіе работали такіе богатыри русской

живописи, какъ Брюлловъ („Послѣдній день Помпеи“) и Ивановъ („Явленіе Христа народу“).

Но и другіе представители русской образованности: ученые, писатели, художники, музыканты и артисты, проявившіе вполнѣ свои таланты въ слѣдующее царствованіе, какъ „люди сороковыхъ годовъ“, свое дѣтство и юность провели въ Николаевское царствованіе и въ его эпоху получили воспитаніе и образованіе. Культурная работа на Руси М. Н. Каткова, И. С. Аксакова, А. С. Хомякова, Ю. Ѳ. Самарина, С. М. Соловьева, Н. И. Костомарова, Тургенева, Достоевскаго, Гончарова, Л. Н. Толстого, А. Н. Майкова, Ѳ. И. Тютчева, Даргомыжскаго, Мочалова, Мартынова, Щепкина и очень многихъ другихъ корифеевъ науки, литературы и искусства свидѣтельствуетъ, что не правду говорятъ тѣ, кто увѣряетъ, будто эпоха Николая Павловича была временемъ „мрачной реакціи, казарменности и фасадовъ...“ Нѣтъ, строгій царь „не угашалъ духа“ народнаго, если при немъ созрѣли названныя представленія русской образованности.

Изъ церковныхъ ученыхъ, ораторовъ и писателей въ эту эпоху выдвинулись: выступившій уже въ предшествующее царствованіе московскій митрополитъ Филаретъ, архіепископы херсонскій Иннокентій, харьковскій Филаретъ Гумилевскій, Димитрій херсонскій, Ѳ. А. Голубинскій, Я. К. Амфитеатровъ и многіе другіе.

Съ 1831 года въ царствованіе императора Николая I наступила пора нѣкотораго успокоенія, давшаго ему возможность болѣе сосредоточиваться на дѣлахъ внутренняго управленія. Но эта пора окончилась съ началомъ февральской революціи во Франціи въ 1848 году, всколыхнувшей всю Западную Европу. Впрочемъ, и въ эту относительно болѣе покойную пору государю приходилось обращать вниманіе на военныя дѣйствія.

Послѣ Адріанопольскаго мира Турція была поставлена въ крайне тяжелое положеніе Мехметъ-Али пашой, управлявшимъ Египтомъ. Въ началѣ тридцатыхъ годовъ онъ оправился отъ Наваринскаго пораженія и снова завелъ у себя флотъ и регулярное войско. Съ намѣреніемъ образовать изъ Египта независимое наслѣдственное владѣніе, онъ возсталъ противъ султана и послалъ своего сына Ибрагима-пашу съ войсками въ Сирію. Завоевавъ эту область и разбивъ нѣсколько разъ султанскія войска, онъ чрезъ Малую Азію двинулся къ Константинополю. Порта просила помощи у державъ, принявшихъ на себя защиту цѣлости Турціи. Но Англія и Франція, занятыя революціей въ Бельгіи, ограничились только изъявленіемъ своей дружбы „больному человѣку“, какъ называлъ Турцію Николай I, а онъ двинулъ въ Босфоръ Русскую эскадру подъ начальствомъ адмирала

Лазарева, а въ Малой Азіи высадилъ отрядъ сухопутнаго войска подъ начальствомъ Муравьева. Ибрагимъ-паша пріостановилъ свои движенія, а встревоженныя Англія и Франція грозили султану Махмуду II разрывомъ, если русскіе корабли не удалятся изъ Босфора. Но тотъ отдался подъ покровительство Россіи, а Николай I объявилъ западнымъ державамъ, что „его флотъ и войска не покинутъ занятыхъ позицій, доколѣ египетская армія не уйдетъ обратно“. Англія и Франція послали свои эскадры въ турецкія воды и понудили Мехмета-Али отозвать свои войска въ Египетъ и примириться съ султаномъ. Въ благодарность за помощь султанъ заключилъ въ Ункіаръ-Скелесси въ 1833 году съ Николаемъ Павловичемъ оборонительный договоръ, по которому Турція обязалась закрыть Дарданельскій проливъ для военныхъ кораблей всѣхъ другихъ державъ. При новой попыткѣ въ сороковыхъ годахъ Мехмета-Али подняться противъ послѣдующаго султана Абдулъ-Меджида, державы уже не допустили одну Россію дѣйствовать въ пользу Турціи, и сами стали дѣйствовать въ пользу нея. Англія желала не столько помочь Турціи, сколько помѣшать Россіи увеличить на нее свое вліяніе и отомстить за тѣ препятствія, какія создавала благородная русская политика („Бѣлаго царя“) въ Азіи распространенію эксплуатаціонаго владычества англичанъ. Отсюда шли инсинуаціи, будто Россія хочетъ одна проглотить и Турцію и Персію и раздвинуть среднеазіатскія владѣнія свои до границъ Индіи. Судорожно вмѣшивалась Англія въ дѣла Герата и Афганистана и возбуждала противъ Россіи народы Востока и племена Кавказа.

Адмиралъ М. П. Лазаревъ.

Такъ, въ 1839 и 1840 годахъ, пришлось снарядить походъ въ глубь тогда совершенно невѣдомыхъ пустынь Средней Азіи, съ цѣлью наказать хивинцевъ, постоянно подстрекавшихъ подвластныхъ намъ киргизовъ къ неповиновенію и грабежамъ; заставить ихъ воз-

Тифлисъ.

вратить нашихъ плѣнныхъ, содержавшихся въ рабствѣ; принудить ихъ также допускать нашихъ купцовъ на ихъ рынки; и, наконецъ, узнать, текла ли прежде рѣка Аму-Дарья въ Каспійское море. Въ виду этого, и была снаряжена экспедиція изъ Оренбурга, подъ начальствомъ генерала Перовскаго, которому были ассигнованы 2 милліона рублей и данъ былъ отрядъ въ 4.500 человѣкъ, съ 20 пушками и 11 тысячами верблюдовъ. Предстояло пройти по пустынѣ 1200 верстъ. Походъ начавшійся въ ноябрѣ 1839 года продолжался до февраля слѣдующаго 1840 года. Съ громадными трудностями, въ сильные морозы и вьюги, пройдена была отрядомъ пустыня въ 600 верстъ до Акъ-Булакскаго укрѣпленія, гдѣ наши войска отразили нападеніе трехтысячнаго отряда хивинцевъ. Но такъ какъ въ войскахъ началась большая смертность, зависѣвшая, главнымъ образомъ, отъ недостаточности средствъ передвиженія и скудости провіанта, то пришлось, не достигнувъ Хивы, возвратиться назадъ. Самый же походъ произвелъ сильное впечатлѣніе на хивинцевъ и заставилъ ихъ искать примиренія съ нами и возобновленія торговыхъ сношеній, при чемъ нѣкоторое количество плѣнныхъ было возвращено намъ.

Но болѣе тяжелыя заботы доставлялъ Николаю Павловичу Кавказъ. Начало ихъ относится къ предшествующему царствованію, когда православная Грузія, безсильная защититься отъ магометанъ Турціи и Персіи, приняла русское подданство. Еще Александръ I долженъ былъ изъ-за этого вести войну съ Персіей, оконченную

Гюлистанскимъ миромъ, расширившимъ наши владѣнія за Кавказомъ до рѣки Аракса. Уже тогда Россія была поставлена въ необходимость держать въ этомъ краѣ постоянное войско, чтобы защищать свои новыя земли и новыхъ подданныхъ отъ сосѣдей и отъ нападеній независимыхъ магометанскихъ племенъ, населяющихъ Кавказъ. А. П. Ермаковъ, поставленный во главѣ его управленія, съ 1816 года по 1826 годъ, своими походами противъ горцевъ Кавказа навелъ на нихъ такой страхъ, что ихъ жены пугали его именемъ своихъ дѣтей, называя его Ермолаемъ. Но этого мало, для упроченія нашего господства отъ проложилъ здѣсь дороги, какъ Военно-грузинскую и другія, и началъ устраивать здѣсь русскія поселенія и укрѣпленія.

Войны Николая I съ Персіей, по Туркманчайскому миру, и съ Турціей по Адріанопольскому, какъ извѣстно, расширили наши владѣнія за Кавказомъ, и преемнику Александра I пришлось продолжать борьбу съ воинственными горцами Кавказа, которая заняла цѣлыхъ шесть десятилѣтій XIX столѣтія и окончилась только въ шестидесятыхъ его годахъ, при Александрѣ II. Тайно поддерживаемые то турками, то персами, то англичанами и даже поляками, горцы заставили насъ вести съ ними почти непрерывную войну. Горные аулы, расположенные на огромныхъ высотахъ представляли

Казбекъ.

Дарьяльское ущелье.

природныя неприступныя крѣпости, до которыхъ чрезвычайно трудно было добираться, по горному бездорожью, чрезъ ущелья, по краямъ пропастей, чрезъ стремительныя горныя рѣчки, чрезъ лѣсныя чащи, гдѣ сторожили насъ горцы. Горсть ихъ, защищенная самою природой, могла отстаивать аулъ отъ цѣлаго нашего отряда.

Всѣ изумляются горнымъ походамъ чрезъ Швейцарію Аннибала, Наполеона и нашего Суворова, но наша борьба на Кавказѣ можетъ быть названа продолжительнѣйшимъ изъ горныхъ походовъ, непрерывною горною войною.

Нельзя описать всѣхъ ея трудностей и той храбрости и изобрѣтательности, которыя проявляли наши войска, чтобы проникнуть въ горы. Съ каждаго утеса на нашихъ храбрецовъ сыпались пули и огромныя глыбы каменьевъ; приходилось съ боя брать каждый аршинъ земли; втаскивать пушки на крутизны, покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ.

Аулы, вооруженные даже пушками, приходилось брать не осадою, а ужасными штурмами, при чемъ нашимъ солдатамъ нужно было посредствомъ веревокъ и воткнутыхъ штыковъ, карабкаться на отвѣсныя скалы и послѣ кроваваго взятія аула, биться въ рукопашную среди пылающихъ жилищъ и штурмовать отдѣльныя сакли,

Николай I на Кавказѣ.

Сколько здѣсь пролито русской крови, сколько сложено здѣсь русскихъ костей нашихъ дѣдовъ и прадѣдовъ—измѣрить и счесть нельзя. Снѣговыя вершины Кавказа, его грозныя ущелья и глубокія долины были безмолвными свидѣтелями тысячъ доблестныхъ подвиговъ, многіе изъ которыхъ не попали ни въ какія лѣтописныя записи и сошли въ могилу забвенія съ ихъ сподвижниками.

Исторія хранитъ за время Николая I память немалаго числа героевъ Кавказа—князей Бебутова, Андроникова, Чавчавадзе, генераловъ Бакланова, Радецкаго, Пассека, Тергукасова и другихъ.

Чеченецъ.

Въ царствованіе императора Николая I пришлось утроить и даже удесятерить напряженіе въ нашей борьбѣ съ горцами на Кавказѣ, потому что тамъ, послѣ отозванія Ермолова, появилась совсѣмъ новая опасная религіозно-военная секта мюридовъ.

Основные тезисы или правила мюридизма заключались въ слѣдующемъ: 1) мусульмане не могутъ быть подъ властью невѣрныхъ,—ихъ рабами и отнюдь не должны платить имъ податей. 2) Для всякаго, считающаго себя мусульманиномъ—первѣйшее и безусловно необходимое дѣло газаватъ, т.-е. священная война съ невѣрными подъ зеленымъ знаменемъ Магомета. Безъ газавата—нѣтъ спасенія. Кто исполняетъ шаріатъ, т.-е. законы Корана, обязанъ немедленно вооружиться для газавата, даже бросить домъ и семью и не щадить своей жизни. Кто исполнитъ это, того Аллахъ съ избыткомъ вознаградитъ въ будущей жизни. Будучи же подъ властью невѣрныхъ мусульмане *напрасно* творятъ молитвы, соблюдаютъ посты, читаютъ Коранъ, посѣщаютъ Мекку. Безъ газавата все это ничего не значитъ. Безъ него даже узы брака, связующіе магометанъ, теряютъ свою законность. Мюриды не закрывали своихъ мечетей и непрерывно проповѣдывали объ этомъ горцамъ, и, обходя аулы, обращались лицомъ къ сѣверу, т.-е. къ Россіи, и оглашали ихъ кличемъ: „мусульмане, газаватъ, газаватъ!“ Какъ эхо разносился этотъ кличъ по горамъ Кавказа и объединялъ горцевъ въ энтузіазмѣ къ кровавой борьбѣ съ русскими.

Шамиль.

Особенно силенъ сталъ мюридизмъ, когда во главѣ его сталъ талантливый и энергичный мулла Шамиль, соединившій въ рукахъ своихъ духовную и военную власть. Проникнутый суровою религіозностью и неукротимою воинственностью, онъ считался святымъ и даже пророкомъ, и его слово, быстро разносимое мюридами, слѣпо исполнялось горцами всего Кавказа, всѣми его магометанскими племенами. Владѣя въ ихъ безпрекословномъ повиновеніи большою силою, онъ опирался еще на враждебное намъ въ ту пору англійское золото и турецкое оружіе, мстившее намъ за наши походы за Балканы.

Трудности въ борьбѣ съ горцами, ополчившимися противъ насъ на священную войну, стали неимовѣрными. Съ пѣніемъ религіозныхъ пѣсенъ, подъ зеленымъ знаменемъ пророка, они теперь бросаются съ кинжалами и шашками на наши войска. И вотъ самъ императоръ Николай I ѣдетъ на Кавказъ Черномъ моремъ и изъ Анапы, верхомъ и въ колескѣ, объѣзжаетъ его, чрезъ Кутаисъ, Ахалцыхъ, Эривань и Тифлисъ. Онъ ободрилъ войска и сдѣлалъ много новыхъ указаній по части веденія экспедицій противъ горцевъ; велѣлъ со-

Мюридъ.

кратить мало приносившіе пользы походы въ горы, систематически запирать враговъ въ узкихъ пространствахъ занятіемъ равнинъ и устройствомъ передовыхъ вооруженныхъ линій, занятыхъ такъ называемыми линейными войсками, и прорубкой лѣсовъ, служившихъ отличнымъ убѣжищемъ для хищниковъ и озаботился устройствомъ постоянныхъ помѣщеній для войскъ въ крѣпостяхъ. Николай I окончилъ бы покореніе Кавказа, если бы западные враги наши не вызвали насъ на огромную войну 1853—1856 годовъ.

Въ началѣ тридцатыхъ годовъ военныя дѣйствія противъ мюридовъ заставили горцевъ восточнаго Кавказа значительно смириться, и мы обратились на западный Кавказъ, чтобы здѣсь закрѣпить за собою морской берегъ и лишить возможности турокъ и англичанъ снабжать горцевъ оружіемъ и военными припасами. Пока шесть лѣтъ кипѣла здѣсь кровавая борьба, Шамиль и его мюриды опять взяли большую силу въ восточныхъ частяхъ Кавказа въ Дагестанѣ, а потомъ въ Чечнѣ. Но разгромъ мюридовъ въ аулѣ Ахульго Дарго и Гергебилѣ, въ концѣ тридцатыхъ годовъ и въ теченіе сороковыхъ, въ связи съ проложеніемъ новыхъ дорогъ и устройствомъ новыхъ укрѣпленій, уже приближалъ насъ къ покоренію всего Кавказа въ началѣ пятидесятыхъ годовъ. Но оно было отсрочено вышеупомянутою восточною войною.

Раньше ея привлекли къ себѣ вниманіе Николая I революціонныя движенія на Западѣ въ 1848 и 1849 годахъ.

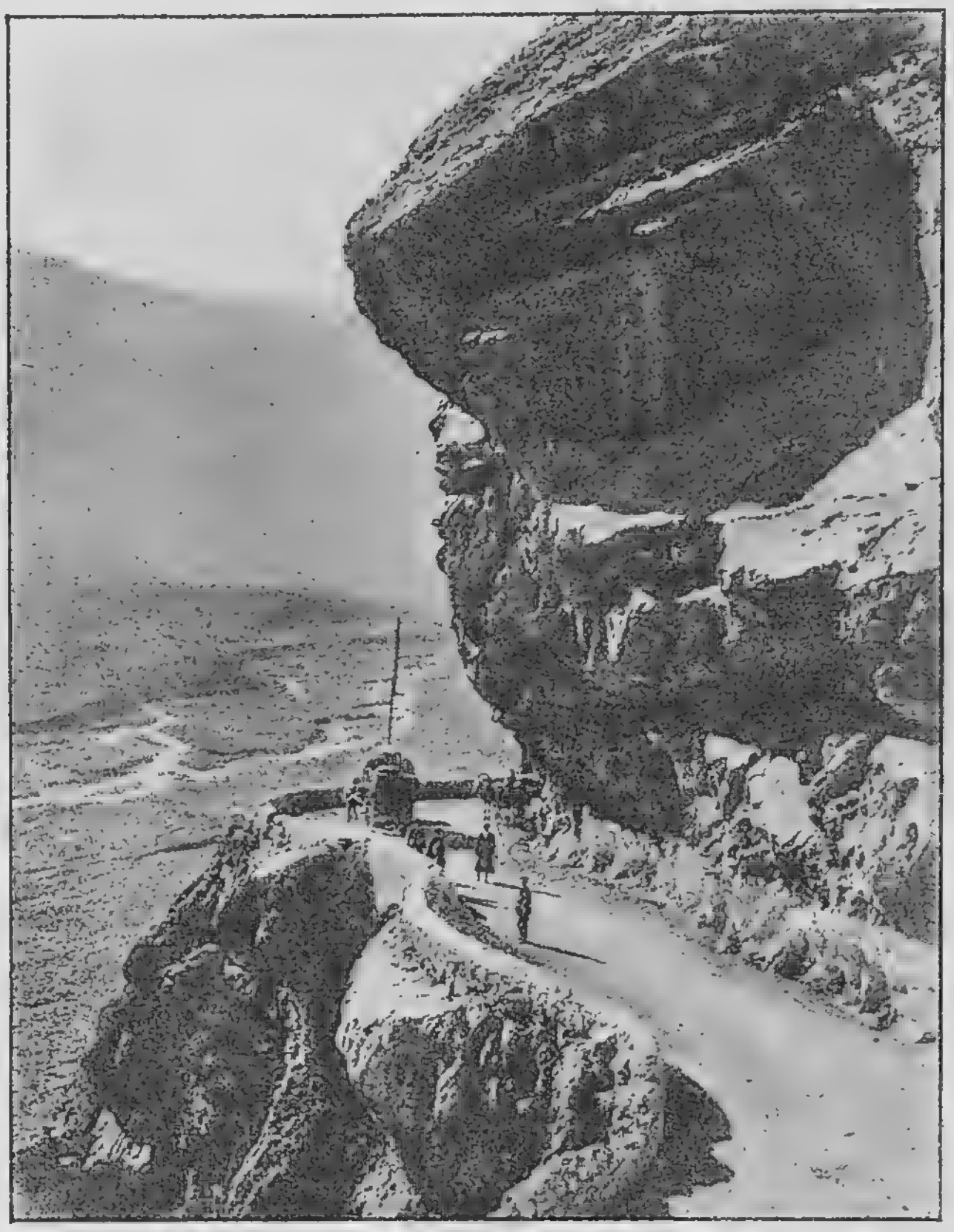
Революціонное движеніе этой поры, взволновавшее всю Германію, особенно глубоко потрясло разноплеменную Австрію, гдѣ почти всѣ ея народы готовы были отложиться отъ Габсбурговъ. Нѣмцы поднялись въ Вѣнѣ, чехи въ Богеміи, итальянцы въ Ломбардіи и Венеціи, венгры въ Транслейтаніи. Казалось, Австрія погибаетъ, и императоръ Фердинандъ I отрекся отъ престола, передавъ его

Францу-Іосифу. Но молодому императору было не подъ силу справиться съ бурнымъ возстаніемъ венгровъ, если бы не простеръ ему руку помощи императоръ Николай. Сеймъ венгерскій не только не призналъ перемѣны царствованія, но и объявилъ Габсбургскій домъ лишеннымъ венгерской короны. Вождь венгровъ Кошутъ провозгласилъ Венгрію республикой, а себя диктаторомъ и былъ сильно поддержанъ поляками, которые своими добровольцами укомплектовали войска и дали имъ своихъ генераловъ въ лицѣ Бема и Дембинскаго. Францъ-Іосифъ явился въ Варшаву лично просить нашего государя о помощи. Въ виду того, что на сторонѣ новаго австрійскаго императора противъ венгровъ и поляковъ стали всѣ другія славянскія племена, Николай I благосклонно отнесся къ этой просьбѣ и двинулъ свои войска на венгровъ: а) 35 тысячъ подъ начальствомъ Лидерса въ Валахію и Трансильванію, б) 130 тысячъ подъ начальствомъ Паскевича въ Венгрію и в) корпусъ Панютина къ самой Вѣнѣ. Русскія и австрійскія войска скоро овладѣли обоими берегами Дуная, Паскевичъ взялъ Дебречинъ и заставилъ Кошута

Походъ въ горахъ.

Штурмъ аула.

и венгерскій сеймъ бѣжать отсюда. Къ началу августа 1849 года, потерявъ надежду на счастливый исходъ предпріятія, Кошутъ сложилъ съ себя диктатуру, передавъ ее Гергею, а самъ бѣжалъ въ Трансильванію къ войскамъ Бема, который былъ скоро разбитъ Лидерсомъ. Новый диктаторъ при первой встрѣчѣ съ русскими войсками

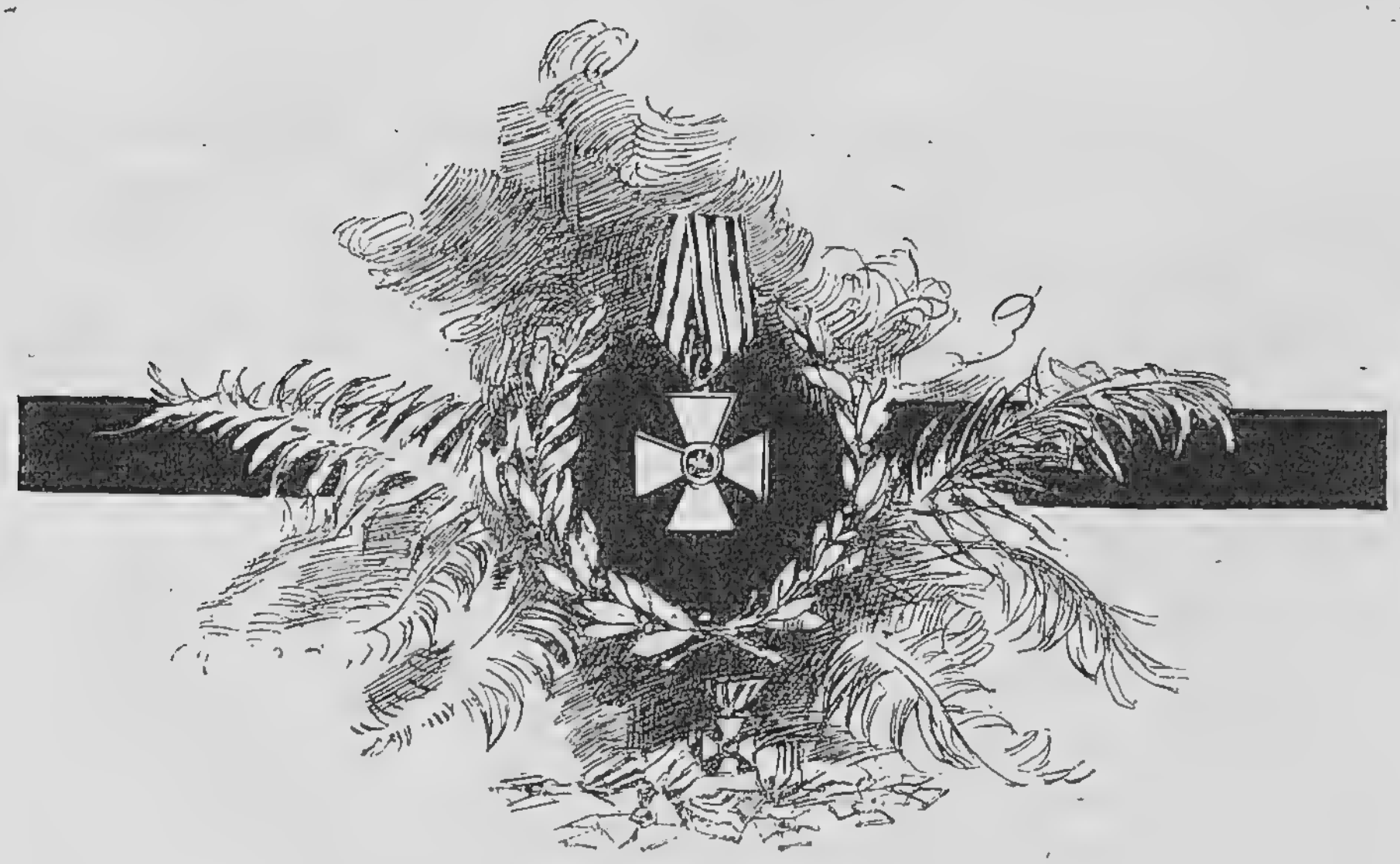


Военно-Грузинская дорога, у скалы „Пронеси, Господи“.

(подъ начальствомъ Ридигера) 13 августа сложилъ оружіе при Вилагошѣ, и вся его армія капитулировала, чего бы она, какъ говорили венгры, не сдѣлала предъ австрійскими знаменами. Бемъ бѣжалъ въ Турцію, гдѣ съ другими поляками принялъ магометанство; Кошутъ удалился въ Англію, а Гергей, по заступничеству Россіи, получилъ позволеніе поселиться въ Грацѣ. Венгрія дорого

поплатилась за свое возстаніе. Конституція и другія привилегіи ея были уничтожены, и она должна была подчиняться общеавстрійскому положенію и слиться съ австрійскою имперіей, которая была спасена Россіей и скоро отплатила ей черною неблагодарностью, во время войны 1853—1855 годовъ, „удививъ міръ, какъ говорили сами австрійцы, своею неблагодарностью“.

Арарать.



IV.

Восточная война 1853—1856 года.—Причины этой войны: вліяніе на Турцію Англіи и Франціи.—Вопросъ о святыхъ мѣстахъ въ Палестинѣ и передача ключей отъ храма Воскресенія въ Іерусалимѣ въ католическія руки.—Строптивые отвѣты Турціи на русскія требованія.—Вступленіе нашихъ войскъ въ Дунайскія княжества.—Синопская битва.—Англія и Франція вступаются за Турцію и устраиваютъ западно-европейскую коалицію противъ Россіи.—Дѣйствія союзниковъ сосредоточиваются въ Крыму у Севастополя.—Главнѣйшіе моменты его 11-мѣсячной обороны.—Смерть Николая I и окончаніе войны.

Выдающіеся успѣхи политики императора Николая I, особенно на востокѣ, и неуязвимость Россіи при немъ со стороны революціонныхъ движеній и даже опасность для нихъ съ Русской стороны, какъ доказало это усмиреніе возстаній въ Польшѣ (въ 1831 году) и въ Венгріи (въ 1849 году), были причинами завистливаго отношенія къ нашему могуществу почти во всѣхъ державахъ Запада, даже и въ тѣхъ, которыя были обязаны благодарностью Русскому царю. Но особенно эти успѣхи огорчали Англію, которой казалось, что Николай I, безъ участія державъ, порѣшитъ судьбы Турціи и Константинополя, своимъ Черноморскимъ флотомъ вытѣснитъ Англію изъ Средиземнаго моря и пріобрѣтетъ еще болѣе могущественный престижъ въ Азіи, особенно опасный для англійскаго владычества въ Индіи. Все это подготовляло борьбу съ Россіей, для которой нашлись благопріятныя условія, послѣ переворота во Франціи, совершеннаго Наполеономъ III.

Пользовавшійся гостепріимствомъ Англіи въ пору своихъ авантюръ во Франціи, онъ, достигнувъ въ ней власти, сперва въ качествѣ президента второй республики, а потомъ императора, былъ склоненъ, при вліяніи на него лордовъ Пальмерстона и Кларендона, отъявленныхъ руссофобовъ, поддерживать враждебную Россіи политику на востокѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ желалъ войны, которая бы доставила ему лавры, могшіе укрѣпить его новое, далеко не твердое положеніе во Франціи.

Не будь этого, Англіи едва ли удалось бы поставить Турцію во враждебныя отношенія къ Россіи, прямодушію которой со времени Ункіаръ-Скелесійскаго договора она довѣряла, а великодушный Николай I совсѣмъ не былъ склоненъ требовать отъ нея чего-либо вызывающаго или неисполнимаго.

Завидуя тому, что Порта уступила Россіи защиту своихъ православныхъ единовѣрцевъ въ Турціи, другія державы стали добиваться такой же защиты для своихъ единовѣрцевъ. Такъ, Англія въ 1843 году угрозами добилась защиты правъ въ Турціи своего англійскаго вѣроисповѣданія; Австрія достигла того же для католиковъ Босніи и Герцеговины въ 1851 году. Франція же добилась того же для католиковъ во всѣхъ другихъ областяхъ, а Людовикъ-Наполеонъ истребовалъ у султана фирманъ, въ силу котораго она получила особыя преимущества, въ ущербъ православнымъ и въ противность прежнимъ договорамъ. Такъ, католикамъ отданы были ключи отъ храма Воскресенія въ Іерусалимѣ, находившіеся прежде въ рукахъ православнаго греческаго духовенства; вмѣстѣ съ тѣмъ Порта иначе стала относиться къ православнымъ населеніямъ и отказывалась удалить изъ своихъ предѣловъ польскихъ и венгерскихъ бѣглецовъ. Николай I, какъ защитникъ православія на всемъ Востокѣ, не могъ остаться равнодушнымъ къ угнетеніямъ нашихъ единовѣрцевъ и чрезъ своего чрезвычайнаго посланника князя А. С. Меншикова потребовалъ отъ султана возстановленія правъ православія, до тѣхъ размѣровъ, какіе были обезпечены другимъ христіанскимъ исповѣданіямъ. Кромѣ того, русскій уполномоченный ходатайствовалъ о разрѣшеніи возобновить куполъ надъ храмомъ гроба Господня и построить въ Іерусалимѣ церковь, больницу и богадѣльню для русскихъ паломниковъ. Но подстрекаемая Англіей и Франціей Порта отвергла эти умѣренныя требованія. Англійскій и французскій флотъ вступили въ Безикскую бухту. Въ отвѣтъ на это императоръ Николай далъ приказаніе русскимъ войскамъ, подъ начальствомъ князя Горчакова,

занять Молдавію и Валахію, при чемъ, однако, было объявлено, что это занятіе будетъ лишь залогомъ возстановленія по прежнимъ договорамъ русскихъ правъ. Но Порта, придвинувъ войска къ Дунаю, потребовала отъ Россіи очищенія Дунайскихъ княжествъ въ 15 дней. Англія и Франція, вопреки трактату 1841 года, двинули свои флоты въ самыя Дарданеллы, а турки до истеченія срока начали военныя дѣйствія въ Азіи противъ Россіи. 20 октября 1853 года Николай I обнародовалъ манифестъ о войнѣ съ Турціей. Пруссія и Австрія отказались отъ союза съ нами и объявили свой нейтралитетъ, но и то съ условіемъ, чтобы наши войска не переходили Дуная. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ уже открылись военныя дѣйствія: 12 ноября князь Андрониковъ разбилъ турокъ при Ахалцыхѣ, а 19-го—князь Бебутовъ одержалъ надъ ними побѣду у Башъ-Кадыкъ - Лара. Въ Черномъ морѣ появился турецкій военный флотъ, подъ начальствомъ Османа-паши, съ транспортами оружія и съѣстныхъ припасовъ для турецкихъ войскъ и для враждебныхъ намъ горцевъ Кавказа и укрылся отъ бурной погоды въ Синопской гавани.

Сюда двинулся съ своей черноморской эскадрой вице-адмиралъ Нахимовъ; на помощь къ нему подошла другая эскадра контръ-адмирала Новосильскаго. 17 ноября Нахимовъ отдалъ подробныя приказанія для битвы на слѣдующій день. Ночь была мрачная, бурная, дождливая. Уныло и медленно пробивалась 18 ноября блѣдная утренняя заря сквозь сплошныя, покрывавшія небо тучи. Надъ флотомъ ревѣлъ порывистый вѣтеръ съ частымъ холоднымъ дождемъ. Только къ девяти часамъ стало совсѣмъ свѣтло. Черезъ полчаса на флагманскомъ кораблѣ „Императрица Марія“ былъ поднятъ сигналъ: „приготовиться къ бою и итти на Синопскій рейдъ“. Корабли построились въ двѣ колонны. Во главѣ ихъ стали флагманскія суда вышеупомянутый корабль—Нахимова и „Парижъ“ контръ-адмирала Новосильскаго (командиръ Истомпнъ), „Великій князь Константинъ“, „Чесма“, „Три святителя“, „Ростиславъ“ и другъ. Несясь на всѣхъ парусахъ, суда вступили въ двѣнадцатомъ часу на рейдъ, занятый непріятельскимъ флотомъ. Турки встрѣтили наши корабли огнемъ съ судовъ и береговыхъ батарей. Но, несмотря на превосходство ихъ силъ и самаго положенія, турецкій флотъ былъ истребленъ весь: здѣсь погибли семь фрегатовъ, два корвета, пароходъ и нѣсколько транспортовъ. Только одно судно спаслось бѣгствомъ и доставило вѣсть о пораженіи въ Константинополь. Остальныя же или были потоплены или выбросились на берегъ и были сожжены. Турокъ въ этотъ день погибло до 4000

человѣкъ. Адмиралъ Османъ-паша былъ взятъ въ плѣнъ и отправленъ въ Севастополь. Прибывшіе чрезъ нѣсколько дней въ Синопъ англо-французскіе пароходы нашли здѣсь 200 тяжело раненыхъ турокъ. Но и въ нашемъ флотѣ потери были не малы: нѣсколько сотъ матросовъ и нѣсколько офицеровъ выбыли изъ строя. Наши суда были сильно изранены непріятельскими выстрѣлами и съ трудомъ могли возвратиться въ Севастополь ведя сильно пострадавшія корабли на буксирѣ. Велико было наше торжество. Императоръ Николай писалъ въ своемъ рескриптѣ: „Побѣда при Синопѣ являетъ вновь, что черноморскій флотъ нашъ достойно выполняетъ свое назначеніе. Съ искреннею радостью поручаю сказать храбрымъ морякамъ нашимъ, что я благодарю ихъ за подвиги, совершонные для славы и для чести русскаго флота. Я съ удовольствіемъ вижу, что Чесма не забывается въ нашемъ флотѣ и что правнуки достойны своихъ прадѣдовъ“. Государь писалъ Нахимову: „Истребленіемъ турецкой эскадры при Синопѣ вы украсили лѣтопись русскаго флота новой побѣдою, которая навсегда останется памятною въ морской исторіи. Статутъ военнаго ордена св. великомученика и побѣдоносца Георгія указываетъ награду за вашъ подвигъ. Исполняя съ истинною радостью постановленіе статута, жалуемъ васъ кавалеромъ св. Георгія второй степени большого креста“. Скромно встрѣчая несшіяся отвсюду поздравленія, Нахимовъ говорилъ: „Михаилъ Петровичъ Лазаревъ—вотъ кто сдѣлалъ все-съ“, разумѣя подъ этимъ блестящее состояніе черноморскаго флота, до котораго довелъ его этотъ высокоталантливый адмиралъ.

Синопская побѣда еще болѣе растравила враждебное по отношенію къ намъ чувство западныхъ державъ. Англійскій парламентъ и газеты заговорили, что Россію слѣдуетъ отбросить за Уралъ. 22 декабря англо-французскій флотъ, безъ объявленія намъ войны, вступилъ въ Черное море, а на нашъ запросъ о побужденіяхъ къ этому дипломатія Англіи и Франціи отвѣчала, что союзныя эскадры вступили въ Черное море, чтобы прикрывать турецкія суда и прекратить свободное плаваніе русскаго флота. Императоръ Николай отозвалъ своихъ пословъ изъ Лондона и Парижа, а Наполеонъ III послалъ дерзкое письмо нашему государю и имѣлъ безстыдство напечатать его въ газетахъ раньше, чѣмъ оно дошло по адресу. Въ немъ онъ требовалъ очищенія отъ нашихъ войскъ Дунайскихъ княжествъ и предлагалъ возобновить дипломатическіе по турецкимъ дѣламъ переговоры, заключая свое обращеніе обвиненіемъ и угрозой за пораженіе турецкаго флота. Николай Павловичъ отвѣчалъ на это исполнен-

Синопскій бой.

Послѣ Синопа у Севастополя.

нымъ достоинства письмомъ, въ коемъ говорилось: „Когда ваше величество, не довольствуясь быть зрителемъ или даже посредникомъ, пожелали быть вооруженнымъ пособникомъ враговъ моихъ, тогда было бы прямѣе и достойнѣе васъ предварить меня о томъ, откровенно объявивъ мнѣ войну... Я не отступаю ни передъ какою угрозою. Довѣряю Богу и моему праву, и Россія, ручаюсь въ томъ, явится въ 1854 году такою же, какою была въ 1812 году“...

Иннокентій, архіепископъ херсонскій.

9 февраля 1854 года послѣдовалъ манифестъ, объявлявшій войну Россіи съ Англіей и Франціей; позже этого, 28 марта, послѣдовало объявленіе и этихъ державъ, какъ будто инициатива и вызовъ не принадлежали имъ.

Англійское войско подъ начальствомъ лорда Раглана и французское подъ начальствомъ маршала Сэнтъ-Арно высадились у Галлиполи; а флотъ союзниковъ вступилъ изъ Босфора въ Черное море и 10 апрѣля въ Страстную субботу уже бомбардировалъ, хотя и безуспѣшно, Одессу. Жителей города своими проповѣдями ободрялъ Иннокентій, знаменитый архіепископъ херсонскій.

Императоръ Николай приказалъ Паскевичу, принявшему главное начальство надъ нашею южною арміей, перейти Дунай и осадить Силистрію. Но Австрія оставила обѣщанный благопріятствующій намъ нейтралитетъ и, послѣ переговоровъ съ Портою, сдѣлала уже вызывающее выступленіе, потребовавъ 2 іюня вывода русскихъ войскъ изъ Дунайскихъ княжествъ; но, не довольствуясь этимъ, двинула свою армію въ тылъ нашимъ войскамъ, расположивъ ее на границѣ названныхъ княжествъ. Такое вмѣшательство Австріи въ войну привело къ тому, что наши войска, угрожаемыя съ тылу, принуждены были оставить осаду Силистріи и отойти за рѣку Прутъ, т.-е. въ русскіе предѣлы.

Англійскія эскадры одновременно появились въ разныхъ моряхъ близъ нашихъ береговъ. Такъ, въ Балтійское море вошла флотилія лорда Непира, захватывая здѣсь наши торговыя суда, бомбардировала Аландскіе острова, финляндскій берегъ близъ Свеаборга и подходила даже къ Кронштадту; другія эскадры появлялись въ Бѣломъ морѣ, у Соловецкаго монастыря, и даже въ Охотскомъ—у береговъ Камчатки. Но все это имѣло скорѣе значеніе демонстрацій.

Послѣ вступленія австрійскихъ войскъ въ Дунайскія княжества въ Варнѣ собранъ былъ военный совѣтъ союзниковъ для рѣшенія вопроса, гдѣ именно на югѣ Россіи начать военныя дѣйствія: со стороны ли Закавказья или же въ Крыму. Рѣшено было главный ударъ направить на Севастополь, какъ важную крѣпость и военный портъ для черноморскаго флота, который былъ бѣльмомъ на глазу для англичанъ.

В. И. Истоминъ отлично формулировалъ эту ненависть Великобританіи: „Англичане неутѣшны существованіемъ Севастополя; отъ злости они стали до того откровенны, что и въ парламентѣ говорятъ и во всѣхъ газетахъ пишутъ, что если бы не Севастополь и его флотъ, то этой войны никогда бы не было..."

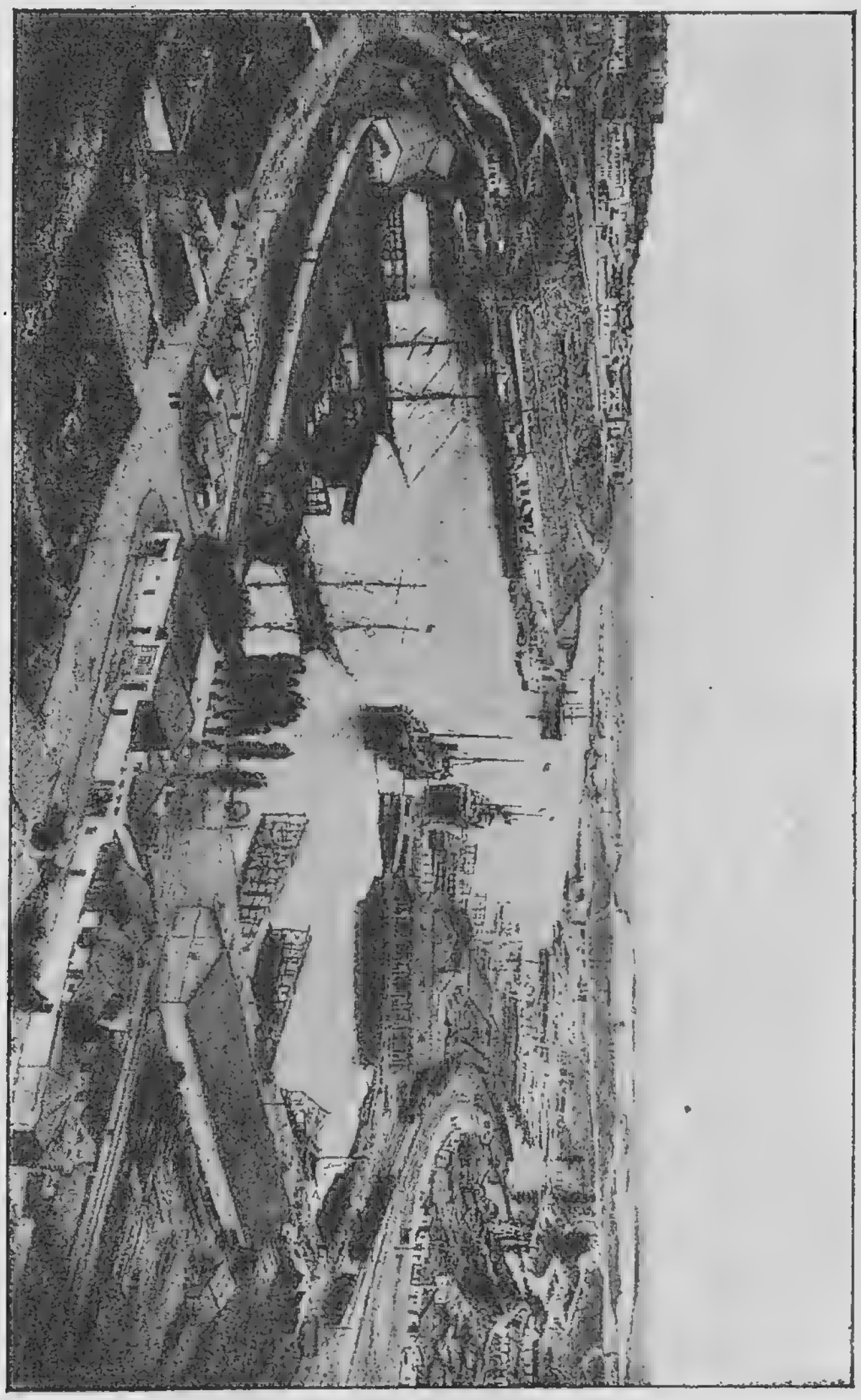
Обыкновенно разсуждаютъ о томъ, что будто Россія въ эту пору показала свою внутреннюю несостоятельность въ томъ, что она заранѣе не подготовила всѣхъ необходимыхъ средствъ для защиты этого важнаго пункта: Севастополь де къ моменту нападенія не имѣлъ у себя ни достаточныхъ укрѣпленій, ни необходимаго количества войска; здѣсь было мало новаго нарѣзного оружія, мало паровыхъ судовъ и т. д. Но разсуждающіе такъ не принимаютъ въ расчетъ того, что Россія этой эпохи ждала нападенія отъ коалиціи державъ на западной своей границѣ и скапливала свои оборонительныя силы здѣсь, начиная отъ Свеаборга, Кронштадта, Новогеоргіевска до Прута, а никакъ не на южныхъ границахъ своихъ съ Турціей и Персіей, съ которыми нечего было думать о войнѣ оборонительной и съ которыми обыкновенно велись войны наступательныя. Напротивъ того, Россія продолжительной защитой Севастополя съ меньшими, чѣмъ у враговъ силами проявила ту внутреннюю свою мощь, которую нельзя было безъ самыхъ тяжелыхъ потерь и огромныхъ напряженій ослабить грозной коалиціи, въ коей приняли участіе Англія, Франція, Италія (Сардинія), Турція и Австрія (тайно). Россія, безъ желѣзныхъ дорогъ, лишь только начавшая перевооружаться нарѣзнымъ оружіемъ, на 11 мѣсяцевъ приковала военныя силы названныхъ державъ къ одному пункту и послѣ цѣлаго ряда

ихъ чрезмѣрныхъ усилій уступила имъ только одну часть Севастополя, — его южныя укрѣпленія. Это обстоятельство и склонило коалицію къ скорому заключенію мира, потому что по опыту

СЕВАСТОПОЛЬ.

борьбы за Севастополь нечего было союзникамъ ласкать себя надеждами на громкія побѣды въ дальнѣйшей войнѣ, если бы она затянулась. И Наполеону III уже не было охоты разрабаты-

вать свой первоначальный планъ о прибытіи въ Россію. Героизмъ 11-мѣсячной защиты Севастополя могъ отлично напомнить ему о



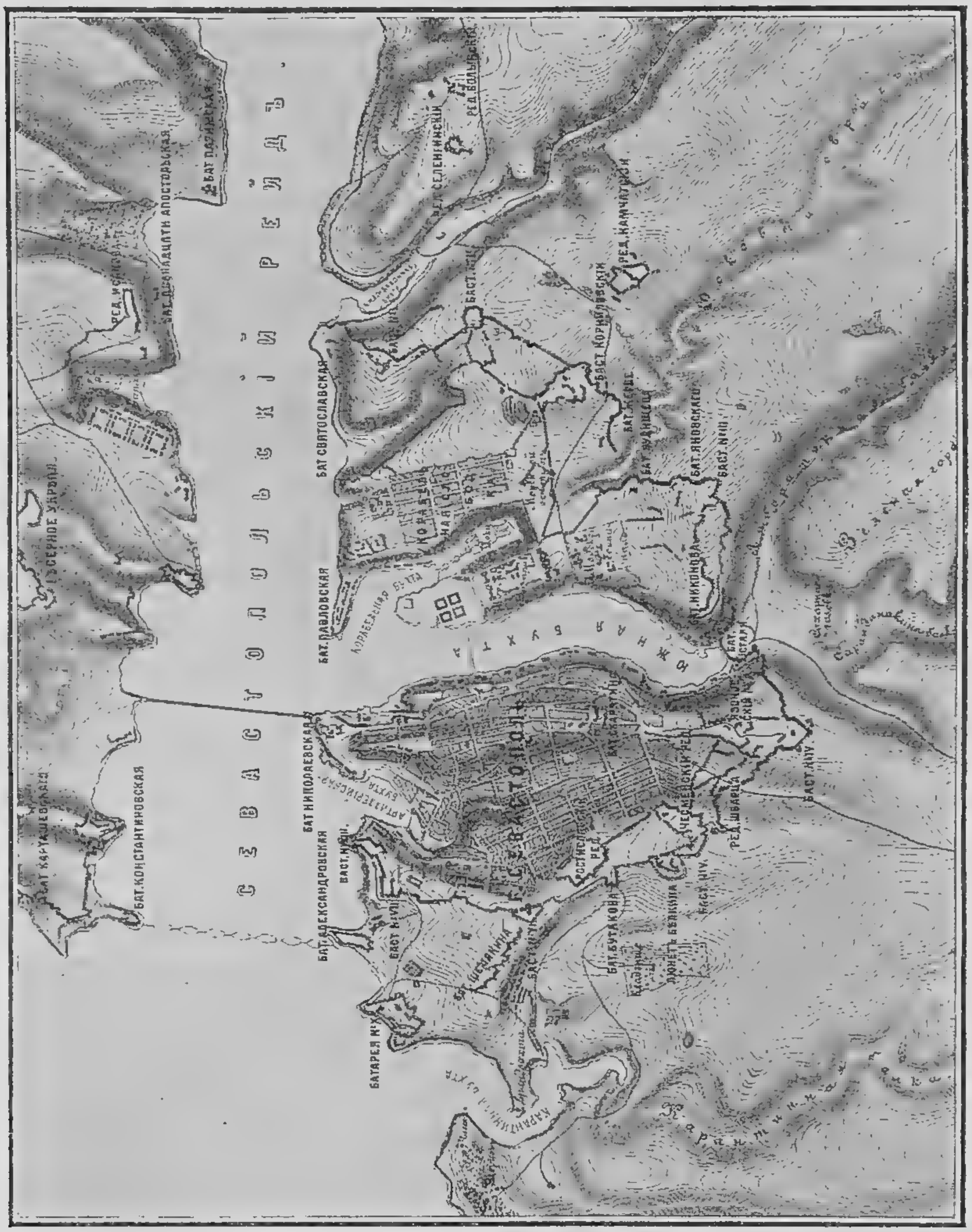
Севастополь.

безплодной 7-мѣсячной борьбѣ въ Россіи его дяди Наполеона I въ 1812 году.

Но будемъ по порядку возстанавливать моменты Крымской войны.

Севастополь былъ порядочно укрѣпленъ фортами лишь только съ приморской стороны, съ которой могъ защищать его и нашъ парусный черноморскій флотъ; но съ суши, какъ на сѣверной сторонѣ, такъ и на южной, онъ былъ почти совсѣмъ беззащитенъ.

План Севастополя. Сѣверныя укрѣпленія.



Городъ и южныя укрѣпленія.

Въ расчетѣ на это, и на свое количественное превосходство, а также и на превосходство своего вооруженія и оборудованіе своего флота, союзники и сдѣлали свою высадку сѣвернѣе Севастополя.

Сильная и поновому вооруженная союзная армія въ 60 тысячъ человѣкъ, подъ начальствомъ Сэнтъ-Арно и Раглана, высадилась

2 сентября 1854 года, близъ Евпаторіи, въ 45 верстахъ сѣвернѣе Севастополя. Начальствовавшій войсками въ Крыму князь Меншиковъ встрѣтилъ непріятеля на позиціи на рѣкѣ Альмѣ, имѣя только 35 тысячъ войска. 8 сентября здѣсь произошла битва, но наши войска, подавленныя числомъ непріятелей и ихъ новымъ вооруженіемъ, отступили къ югу по морскому берегу до Севастополя. Князь Меншиковъ 12 сентября рѣшилъ предоставить защиту Севастополя небольшому его гарнизону и морякамъ черноморской эскадры, а самъ съ своими войсками отправился къ Бахчисараю, чтобы стать на пути къ Перекопу и ждать здѣсь подкрѣпленій. Въ тотъ же день союзники стали подходить къ Севастополю, защита котораго поручена была вице-адмираламъ Корнилову, Нахимову и полковнику-инженеру Тотлебену. Начальникомъ севастопольскаго гарнизона былъ графъ Д. Е. Остенъ-Сакенъ. Сначала ожидалось нападеніе непріятеля на сѣверную сторону Севастополя, которая первоначально имѣла всего одно укрѣпленіе. Тотлебенъ въ 10 дней возвелъ вокругъ него цѣлый рядъ укрѣпленій, которыя были наскоро снабжены пушками, и здѣсь расположенъ былъ гарнизонъ въ 11 тысячъ человѣкъ. Нетрудно было впятеро сильнѣйшей арміи союзниковъ, поддерживаемой сильнымъ флотомъ, взять штурмомъ сѣверную сторону Севастополя, что привело бы къ неминуемому взятію и южной стороны города, расположенной за Большимъ рейдомъ (см. планъ). Но для того, чтобы преградить союзному флоту входъ въ этотъ рейдъ Меншиковъ приказалъ при входѣ въ него затопить черноморскую эскадру, что было исполнено 10 сентября (мѣсто затопленія обозначено на планѣ цѣпью).

Корниловъ энергично возражалъ противъ этого, предлагая выйти съ эскадрой въ открытое море и дать битву союзному флоту. Но это мнѣніе не было поддержано военнымъ совѣтомъ, и Корниловъ отдалъ приказъ о затопленіи судовъ, въ которомъ говорилъ: „Товарищи! Вы пробовали пароходы непріятеля и видѣли корабли его, не нуждающіеся въ парусахъ. Онъ привелъ двойное число такихъ, чтобы наступить на насъ съ моря. Намъ надо отказаться отъ любимой мысли—разразить врага на водѣ. Къ тому же мы нужны для защиты города... Грустно уничтожить свой трудъ, но надо покориться необходимости. Москва горѣла, и Русь отъ этого не погибла“...

Трагическую картину представляло затопленіе русскими моряками своихъ покрытыхъ славой черноморскихъ кораблей. Многіе изъ нихъ долго не покорялись ужасному приговору. Особенно упорно держался на водѣ герой Синопа, 120-пушечный корабль

„Три Святителя“. Нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ въ подводную часть его положили конецъ этой агоніи, на которую полными слезъ глазами смотрѣли наши моряки. Пушки были заранѣе свезены съ кораблей на возникшія укрѣпленія Севастополя. Всѣ моряки вступили въ составъ его гарнизона и, имѣя во главѣ своихъ доблестныхъ адмираловъ, честно и грозно отстаивали родной Севастополь.

Генералъ-адъютантъ Корниловъ.

Союзники, увидавши наши приготовленія на сѣверной сторонѣ, не рѣшились атаковать ея укрѣпленія. 13 сентября они отошли отсюда и двинулись по горамъ на востокъ и далѣе на югъ: англичане—къ Балаклавѣ, а французы—къ Камышевой бухтѣ, куда прибыли и ихъ флоты. Пока они выгружали съ нихъ артиллерію и военные запасы, строили лагери и намѣчали батареи, и на южной сторонѣ закипѣла денно-нощная работа для возведенія новыхъ и усиленія старыхъ укрѣпленій, что было крайне нобходимо въ виду полной возможности для непріятелей овладѣть и этой стороной, какъ и сѣверной.

15 сентября духовенство совершило крестный ходъ по оборонительной линіи. Корниловъ объѣзжая войска, одушевлялъ ихъ на отчаянную оборону. „Ребята,—говорилъ онъ,—царь надѣется, что мы отстоимъ Севастополь; да и некуда намъ отступать: позади насъ море, впереди—непріятель... Помните же—не вѣрьте отступленію. Тотъ измѣнникъ, кто протрубитъ отступленіе. И если я самъ прикажу отступать,—коли меня“.

Англичане начали готовиться начать нападеніе на нашъ 3-й бастіонъ, а французы на 4-й и 5-й (см. планъ) и энергически начали строить свои батареи. Къ 5 октября все готово было къ бомбардировкѣ, послѣ которой долженъ былъ начаться штурмъ.

„Завтра будетъ жаркій день, многіе изъ насъ лягутъ“, сказалъ наканунѣ вечеромъ Корниловъ. И дѣйствительно, съ 6 часовъ началась страшная бомбардировка Севастополя и съ суши и съ моря.

Памятникъ Корнилову.

59 тысячъ снарядовъ выпустили союзники на Севастополь. На Малаховомъ курганѣ была разбита каменная башня. На 4-мъ бастіонѣ градъ французскихъ снарядовъ перекрещивался съ англійскими. Корниловъ спокойно переходилъ отъ одной батареи къ другой, дѣлая указанія, какъ наводить орудія. Переговоривъ съ адмираломъ Новосильскимъ, онъ сѣлъ на лошадь и поѣхалъ къ 5-му бастіону. Сквозь тучу дыма безпрерывно блистали молніи непріятельскихъ выстрѣловъ. Проѣзжая мимо Тарутинскаго полка, Корниловъ услышалъ, какъ смотрѣвшіе на него солдаты проговорили: „*вотъ этотъ такъ молодецъ*“. На 5-мъ бастіонѣ онъ засталъ Нахимова, который „здѣсь распоряжался какъ будто на кораблѣ“. Моряки стали совѣщаться, а ядра около нихъ бороздили землю, били въ лафеты, въ орудія, въ людей; не только земля, камни, осколки, но даже кровь пораженныхъ солдатъ попадала въ адмираловъ. Переговоривъ, что было нужно, Корниловъ быстро поѣхалъ на Малаховъ курганъ и долго смотрѣлъ въ разныя стороны на дѣйствія непріятеля. Потомъ онъ сказалъ: „Ну, теперь довольно. Поѣдемъ домой“, и сталъ спускаться съ кургана. Было половина двѣнадцатаго; раздался ударъ. Герой упалъ облитый кровью. Ядро раздробило ему лѣвую ногу у самаго живота. Умирающаго положили подъ брустверъ (см. планъ, гдѣ находится названный государемъ „Корниловскимъ“ бастіонъ). „Отстаивайте же Севастополь“, сказалъ онъ окружающимъ. На перевязочномъ пунктѣ его причастили Святыхъ Тайнъ и отнесли въ госпиталь. „Скажите всѣмъ, какъ пріятно умирать, когда совѣсть покойна... Благослови, Господи, Россію и государя и спаси Севастополь“. Его стали успокаивать, говоря, что рана не смертельна. „Нѣтъ, туда, туда, къ Михаилу Петровичу (Лазареву)“, отвѣчалъ умирающій и задремалъ. Но, услышавъ шумъ, страдалецъ спросилъ: „Что такое тамъ?“ Ему отвѣчали, что привезли извѣстіе, что наши сбили нѣсколько англійскихъ батарей.

Тотлебенъ на Малаховомъ курганѣ.

„Ура, ура“, проговорилъ онъ замирающимъ голосомъ и скончался. Его тѣло покрыли адмиральскимъ флагомъ.

Наша артиллерія дала энергическій отпоръ союзникамъ, и ихъ первая бомбардировка оказалась неудачной. Подошедшій съ полевыми войсками къ сѣверной сторонѣ Севастополя, Меншиковъ для поддержки его сдѣлалъ первый опытъ наступательнаго движенія на непріятелей и далъ битву англичанамъ у Балаклавы, гдѣ мы уничтожили нѣсколько англійскихъ редутовъ на Семякиныхъ и Ѳедюхиныхъ высотахъ Чрезъ нѣсколько дней мы дали и другую битву союзникамъ на Инкерманскихъ высотахъ 24 октября. Правда, мы должны были отступить. Но энергія обороны и самыя наступленія заставили союзниковъ отказаться отъ штурма Севастополя и принять планъ взять его постепенно усиливаемой осадой. Благодаря поразительной энергіи защитниковъ, она затянулась на 11 мѣсяцевъ, несмотря на прибытіе все новыхъ подкрѣпленій. Проявляя высокій героизмъ, защитники Севастополя своимъ военнымъ искусствомъ уравновѣшивали нашу численную слабость въ сравненіи съ союзниками, восполняли отсутствіе у насъ усовершенствованныхъ орудій и разныхъ механическихъ приспособленій. Созданіе подъ выстрѣлами непріятелей движущихся укрѣпленій знаменитымъ Тотлебеномъ, его подземная война посредствомъ минъ и траншей, распорядительность военачальниковъ, мѣткость выстрѣловъ нашей артиллеріи, тратившей вдвое меньше нашихъ враговъ снарядовъ, удивительныя развѣдки пластуновъ (кубанскихъ казаковъ) и матросовъ, всѣ эти— примѣчательныя обнаруженія русскаго военнаго таланта на годъ почти задержали огромную армію союзниковъ подъ укрѣпленіями, которыя всякая другая армія, при данныхъ условіяхъ, сдала бы въ мѣсяцъ или въ два.

Съ ноября мѣсяца началось зимнее затишье. Императоръ Николай I энергически поддерживалъ защитниковъ Севастополя новыми подкрѣпленіями, созвалъ народное ополченіе и послалъ въ Крымъ двоихъ своихъ сыновей—великихъ князей Михаила и Николая Николаевичей, которые царскимъ и своимъ привѣтомъ подбодрили духъ войскъ.

Въ февралѣ мѣсяцѣ, по приказанію императора Николая, Меншиковъ долженъ былъ снова перейти въ наступленіе, которое начато было отъ Малахова кургана и вызвало цѣлый рядъ жестокихъ боевъ отъ 10 до 15 февраля. Наши войска сбили союзниковъ съ ряда холмовъ впереди этого кургана и, по плану неутомимаго Тотлебена, возвели три укрѣпленія, названныя по именамъ заняв-

Матросъ Кошка на развѣдкѣ[1]).

шихъ ихъ доблестныхъ полковъ — Волынскимъ и Селенгинскимъ редутами и Камчатскимъ люнетомъ. Они имѣли большое значеніе въ оборонѣ Севастополя и были почти постоянно въ артиллерійскомъ и ружейномъ огнѣ, почему и были прозваны „тремя отроками въ пещи огненной“ (см. планъ).

Но въ то время, какъ устраивались эти важныя укрѣпленія, рухнула мощная скала, поддерживавшая не одинъ многострадальный Севастополь: 18 февраля, лежа на своей желѣзной кровати, покрытый шинелью, которую носилъ еще въ Турецкую войну 1828—9 годовъ, скончался Николай I. Горько оплакивали его севастопольцы, и горячо молились войска на всѣхъ оборонительныхъ пунктахъ объ упокоеніи его великой души. Но, чтобы не оставлять безъ конца эту трагедію, мы доскажемъ о судьбѣ Севастопольской обороны и всей Восточной войны въ царствованіе императора Александра II.

---

[1]) Матросъ Кошка—одинъ изъ самыхъ неустрашимыхъ и ловкихъ развѣдчиковъ, пробиравшійся по ночамъ въ траншеи и на батареи непріятелей и приносившій оттуда ихъ оружіе.

Вслѣдъ за государемъ разстались съ жизнью два его севастопольскихъ богатыря: сперва Истоминъ, а за нимъ скоро и Нахимовъ. Поставленный начальникомъ обороны Малахова кургана, первый адмиралъ, несмотря на рану руки и контузію головы, не разставался съ своимъ бастіономъ и говорилъ, что онъ уже выписалъ себя въ расходъ и живетъ на счетъ англичанъ и французовъ. Онъ беззавѣтно сроднился съ своимъ гарнизономъ и не находилъ для него похвалъ. Вотъ что онъ писалъ своему брату Константину: „Просто не могу надивиться на нашихъ матросовъ, солдатъ и офицеровъ. Такого самоотверженія, такой героической стойкости пусть ищутъ въ другихъ націяхъ со свѣчей. То, что сыпалось на нашихъ матросовъ, составляющихъ прислугу на батареяхъ, этого не видѣли люди отъ вѣка. Бывали несчастные для насъ выстрѣлы, которые сразу снимали полприслуги, *и до приказанія* уже стояли на ихъ мѣстахъ охотники. Въ продолженіе пушечной работы изъ 18 орудій, дѣйствовавшихъ противъ англійскихъ батарей, у меня разбито 36 станковъ и расколочено 54. Зато одну пятипушечную батарею я уничтожалъ сряду три дня, пока враги совсѣмъ ея не бросили. Что также за молодцы наши солдаты. У меня подъ командой Бутырскій полкъ, къ сожалѣнію, въ настоящее время рѣденькій. Его штуцер-

Кошка и охотники.

Адмиралъ Истоминъ.

ные занимаютъ обыкновенно дневную цѣпь противъ англійскихъ штуцерныхъ, которые съ перваго дня ихъ прихода уже не приблизились къ моей дистанціи ни на шагъ. И замѣчательно, что гдѣ ни придется солдату нашему сойтись съ англичаниномъ лицомъ къ лицу, онъ его тащитъ за шиворотъ въ плѣнъ, чѣмъ видимо обличается превосходство нашей славянской расы предъ этими краснокафтанниками“... 7 марта 1855 года на вновь воздвигнутомъ Камчатскомъ люнетѣ французское ядро поразило героя въ лицо, оторвало ему голову и разбило Георгіевскій крестъ. „Всѣ считали Малаховъ курганъ неприступнымъ,— говорилось въ донесеніи объ его смерти, — потому что съ Истоминымъ шагъ назадъ былъ невозможенъ“. Обезглавленное тѣло адмирала, покрытое флагомъ корабля „Парижъ“, отнесено было въ склепъ, гдѣ уже покоились Лазаревъ и Корниловъ, и въ которомъ Нахимовъ уступилъ Истомину приготовленное для себя мѣсто.

До конца марта, обѣ стороны дѣятельно продолжали осадныя и оборонительныя работы. 27 марта севастопольцы радостно встрѣтили праздникъ Свѣтлаго Христова Воскресенія. Къ этому торжественному дню всѣ бастіоны были приведены по возможности въ праздничный видъ; они были выметены, орудія, станки и лафеты вымыты, люди пріодѣлись и почистились. Для слушанія пасхальной литургіи, въ тѣсномъ соборѣ Св. Екатерины въ старомъ адмиралтействѣ, собрались начальствующія лица; вокругъ храма, густою толпой, съ зажженными свѣчами въ рукахъ, стояли солдаты, матросы и женщины. По окончаніи обѣдни въ церквахъ города духовенство отправилось на укрѣпленія и служило тамъ молебны передъ батарейными образами. „Женщины и дѣти, презирая опасности, шли на бастіоны христосоваться со своими мужьями и отцами, неся имъ освященной пасхи“ („Обор. Севаст.“ Тетлебена). „Послѣ обѣда на бастіонахъ составились веселые кружки, явились музыканты и пѣсенники, пошли пляски и другія забавы. Каза-

лось, всѣ забыли объ опасности, — Осаждающій не прекращалъ, однако, огня и изрѣдка продолжалъ бросать бомбы въ наши укрѣпленія; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ весь день 27-го марта не прекращалъ и ружейнаго огня".

Чтобы ускорить дѣло осады, союзники съ 28-го марта предприняли съ суши усиленное бомбардированіе, начавъ его въ пять часовъ утра; къ вечеру 5-й бастіонъ долженъ былъ прекратить огонь, а редуты Селенгинскій и Волынскій и люнетъ Камчатскій обращены въ груды развалинъ. 29-го, 30-го, 31-го марта

Солдатики гасятъ бомбы пескомъ.

и 1-го апрѣля бомбардированіе непрерывно продолжалось, но наши батареи успѣшно боролись съ противникомъ.

Въ первые два дня бомбардированія союзники бросали въ Севастополь по 30.000 снарядовъ, наши же отвѣчали значительно меньшимъ числомъ, всего отъ 10 до 11.000 снарядовъ въ день. Положеніе гарнизона становилось очень тяжелымъ; продолжительное бодрствованіе до чрезвычайности утомляло войска, но нравственный духъ ихъ нисколько не былъ подорванъ: всѣ готовы были пасть до послѣдняго на развалинахъ укрѣпленій. Только 7-го апрѣля прекратилось это безпримѣрное бомбардированіе. Союзники выпустили 160.000 артиллерійскихъ снарядовъ, а мы 80.600. Быстро

наши войска возобновили защитные редуты и пополнили шеститысячную убыль людей.

Императоръ Александръ II, несмотря на все свое миролюбіе, продолжалъ, для поддержанія народной чести, войну съ большимъ напряженіемъ силъ Россіи. На мѣсто князя Меншикова главнокомандующимъ въ Крыму назначенъ былъ князь Горчаковъ, а на мѣсто Реада, командовавшаго въ Закавказьи, послѣ выхода въ отставку князя Воронцова, поставленъ былъ Муравьевъ (впослѣдствіи Амурскій). Оборона Севастополя продолжалась съ увеличенными силами. Отказавшись взять 4-й и 5-й бастіоны, союзники стали направлять свои главные удары на подступы къ Малахову кургану, командовавшему надъ всѣми укрѣпленіями южной стороны. Недовольный медлительностью маршала Канробера, замѣнившаго Сэнтъ-Арно, Наполеонъ назначилъ главнокомандующимъ генерала Пелисье, который, понимая, что Малаховъ курганъ, господствуя надъ Севастополемъ, составляетъ его ключъ, направилъ всѣ свои силы на его защитныя укрѣпленія: Камчатскій люнетъ и Волынскій и Селенгинскій редуты. Ужасающей бомбардировкой 25 мая онъ разрушилъ эти укрѣпленія, а на другой день штурмовалъ ихъ 40 тысячами штыковъ и заставилъ насъ покинуть эту линію, при чемъ обѣ стороны потеряли по 5 тысячъ убитыми. Теперь оставалось взять Малаховъ курганъ.

П. С. Нахимовъ на Корниловской батареѣ.

Наполеонъ желалъ ускорить окончательное торжество своего оружія и для большаго эффекта назначилъ штурмъ Севастополя на 6 іюня, въ годовщину сраженія при Ватерлоо. Уже съ первыхъ чиселъ іюня наши пластуны начали каждую ночь доносить о подвозѣ орудій и снарядовъ къ осаднымъ батареямъ, а перебѣжчики стали показывать, что штурмъ начнется съ Кинель-балки (см. планъ).

Памятникъ Нахимову.

5 іюня съ разсвѣтомъ непріятель открылъ бомбардированіе Корабельной стороны, не уступавшее предшествовавшимъ. Обстрѣливаніе шло съ суши и съ моря, продолжалось 5 часовъ и произвело множество сильныхъ поврежденій въ нашихъ укрѣпленіяхъ, особенно на Малаховомъ курганѣ. Бомбардировка возобновилась ночью. И въ эту грозную ночь, превосходившую ужасами всѣ прежнія, наши дружно исправляли разрушенныя укрѣпленія и встрѣтили двинувшіяся на штурмъ колонны картечью и ружейнымъ огнемъ. Скоро начались рукопашныя схватки въ штыки и сабли. Особенно отличался здѣсь доблестный генералъ Хрулевъ, переѣзжавшій отъ одного укрѣпленія къ другому на бѣломъ конѣ въ сопровожденіи боцмана. Онъ сталъ во главѣ сѣвцевъ и сбилъ штыками взобравшихся на Корниловскій бастіонъ французовъ. Къ 7 часамъ утра штурмъ былъ отбитъ на всѣхъ пунктахъ. Уронъ союзниковъ за оба дня дошелъ до 7 тысячъ человѣкъ, нашъ же не превышалъ 6 тысячъ. Непріятели выпустили 72 тысячи снарядовъ, а мы только 19 тысячъ. Союзники выкинули бѣлые флаги для уборки раненыхъ и погребенія мертвыхъ. Отбитый штурмъ былъ жестокимъ ударомъ для союзниковъ и приковалъ ихъ къ Севастополю еще на 3 мѣсяца. Но 8 іюня былъ раненъ Тотлебенъ, а 27 іюня на Малаховомъ курганѣ смертельно пораженъ въ високъ Нахимовъ, скончавшійся 30 числа.

Несмотря на ежедневныя битвы и огромную убыль въ войскахъ, по причинѣ распространявшейся холеры, союзники путемъ подземной войны все ближе подвигались къ Малахову кургану, и наши контръ-мины и контръ-траншеи почти сходились съ непріятельскими до того, что можно было слышать разговоры враговъ. Чтобы отсрочить новый штурмъ, князь Горчаковъ повелъ 4 августа атаку на позицію союзниковъ на Черной рѣчкѣ, подъ начальствомъ Реада и Липранди. Смерть перваго генерала, пораженнаго пулей, произвела разстройство въ нашемъ войскѣ и помѣшала успѣху битвы, въ началѣ которой перевѣсъ былъ на нашей сторонѣ.

На другой день, послѣ сраженія на Черной рѣчкѣ, 6 августа, Пелисье снова открылъ бомбардированіе нашихъ укрѣпленій. Съ этого момента, въ теченіе 20 дней, уже не прекращался непріятельскій огонь; цѣлыя тучи бомбъ, гранатъ и ядеръ летѣли въ городъ и на наши укрѣпленія и причинили крѣпости столько вреда, что Горчаковъ убѣдился въ невозможности удержать городъ въ случаѣ новаго приступа. Стали подводить мины подъ всѣ укрѣпленія, чтобы ничего не оставлять непріятелямъ. Для перехода войскъ на сѣверную сторону Севастополя наскоро построили пловучій мостъ чрезъ рейдъ. И дѣйствительно, 27 августа, въ 12 часовъ дня, союзники, прекративъ канонаду, пошли на приступъ, который, главнымъ образомъ, направленъ былъ на Малаховъ курганъ. Здѣсь они встрѣтили жестокое послѣднее сопротивленіе, но овладѣли этой господствующей надъ Севастополемъ высотой; генералъ Хрулевъ былъ раненъ и едва не былъ взятъ въ плѣнъ, съ другихъ пунктовъ непріятели были отбиты. Горчаковъ отдалъ приказъ войскамъ переходить по наведенному мосту на сѣверную сторону Севастополя. Оставшіеся корабли были затоплены. Начались взрывы, и одно укрѣпленіе за другимъ взлетали на воздухъ [1]).

Хрулевъ.

[1]) Вотъ какъ описываетъ участникъ Севастопольской войны, служившій въ то время офицеромъ, графъ Л. Н. Толстой, въ своихъ «Разсказахъ о Севастопольской оборонѣ» настроеніе войска и его отношеніе къ непріятелю:

— ... Обидно! (говорилъ одинъ солдатъ другому).

— Да что обидно-то? Развѣ онъ тутъ разгуляется? Какъ же!.. Гляди, наши опять отберутъ. Ужъ сколько бы нашего брата ни пропало, а, какъ Богъ святъ, велитъ императоръ—и отберутъ. Развѣ наши такъ оставятъ ему? Какъ же!.. На вотъ тебѣ голыя стѣны, а шанцы-то всѣ повзорвали... Небось, свой значокъ на курганѣ поставилъ, а въ городъ не суется. (Три дня непріятели боялись вступить въ опустѣвшій Севастополь).

— Погоди, еще расчетъ будетъ съ тобой настоящій... Дай срокъ,—заключилъ онъ, обращаясь къ французамъ.

— Извѣстно, будетъ!—сказалъ другой съ убѣжденіемъ.

Памятникъ Хрулеву.

Памятникъ Тотлебену.

„Грустно и тяжело, — писалъ новый главнокомандующій, князь Горчаковъ, въ своемъ приказѣ по Крымской арміи, отъ 31 августа 1855 года,—грустно и тяжело оставить врагамъ нашимъ Севасто-

---

По всей линіи севастопольскихъ бастіоновъ уже нигдѣ никого не было. Все было мертво, дико, ужасно, но не тихо, — все еще разрушалось. По изрытой свѣжими взрывами и обсыпавшейся землѣ вездѣ валялись исковерканные лафеты, придавившіе человѣческіе, русскіе и вражескіе трупы, тяжелыя чугунныя пушки, страшною силою сброшенныя въ ямы и до половины засыпанныя землей, бомбы, ядра, опять трупы, ямы, осколки бревенъ, блиндажей, и опять молчаливые трупы въ сѣрыхъ и синихъ шинеляхъ. Все это часто содрогалось еще и освѣщалось багровымъ пламенемъ взрывовъ, продолжавшихъ потрясать воздухъ.

Враги видѣли, что что-то непонятное творилось въ грозномъ Севастополѣ. Взрывы эти и мертвое молчаніе на бастіонахъ заставляли ихъ содрогаться; но они не смѣли вѣрить еще, чтобы исчезъ ихъ непоколебимый врагъ, и, молча, не шевелясь, съ трепетомъ ожидали конца мрачной ночи.

Севастопольское войско медленно двигалось, въ непроницаемой темнотѣ, прочь отъ мѣста, на которомъ оно оставило столько храбрыхъ братьевъ, отъ мѣста, всего облитаго его кровью,—отъ мѣста, 11 мѣсяцевъ отстаиваемаго отъ вдвое сильнѣйшаго врага и которое теперь велѣно было оставить безъ боя.

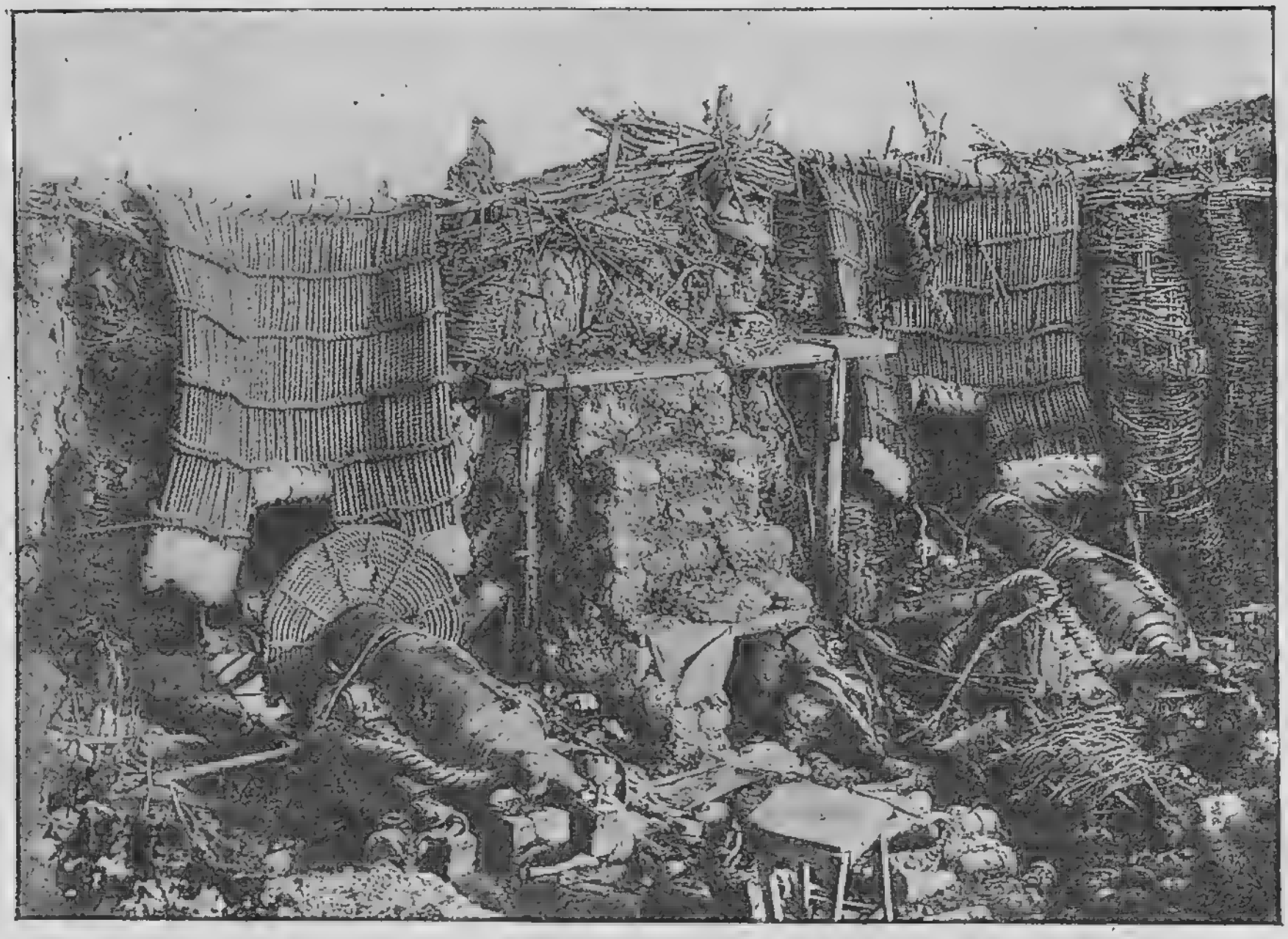
Непонятно, тяжело было для каждаго русскаго первое впечатлѣніе этого приказанія. Люди тревожно толпились во мракѣ у входа на мостъ, который качалъ сильный вѣтеръ. Сталкиваясь штыками и толпясь полками, экипажами и ополченіями, жалась пѣхота, проталкивались конные офицеры съ приказаніями, плакали и умоляли жители и денщики съ клажею, которую не пропускали; шумя колесами, пробиралась артиллерія. Всѣ желали выбраться какъ можно скорѣе изъ этого страш-

поль; но вспомните, какую жертву мы принесли на алтарь отечества въ 1812 году. Москва стоитъ Севастополя! Мы ее оставили послѣ безсмертной битвы подъ Бородинымъ. 349-дневная оборона Севастополя превосходитъ Бородино! Но не Москва, а груда каменьевъ и пепла досталась непріятелю въ роковой 1812 годъ. Такъ точно и не Севастополь оставили мы нашимъ врагамъ, а однѣ пылающія развалины города, собственною рукою зажженнаго, удержавъ за нами честь обороны, которую дѣти и внучата наши съ гордостью передадутъ потомству!“

Пластуны насторожѣ.

наго мѣста. Это чувство было и у смертельно раненаго солдата, и у ополченца, и у генерала, и у матроса, и у раненаго офицера, котораго на носилкахъ несли четыре солдата и, остановленные спершимся народомъ, положили наземь у Николаевской батареи, и у артиллериста, 16 лѣтъ служившаго при своемъ орудіи и, по приказанію начальства, сталкивающаго орудіе, съ помощью товарищей, съ крутого берега въ бухту, и у флотскихъ, только что выбившихъ закладки въ корабляхъ и бойко гребя на баркасахъ, отплывающихъ отъ нихъ. Выходя на ту сторону моста, почти каждый солдатъ снималъ шапку и крестился. Но за этимъ чувствомъ было другое, тяжелое, сосущее чувство: это было чувство какъ будто похожее на раскаяніе, стыдъ и злобу. Почти каждый солдатъ, взглянувъ съ сѣверной стороны на оставленный Севастополь, съ невыразимою горечью въ сердцѣ вздыхалъ и грозился врагамъ».

Башня Малахова кургана послѣ оставленія нашими войсками.



Покинутая Малаховская батарея.

Воздавая заслуженную благодарность оставшимся въ живыхъ, достойнымъ начальникамъ Севастопольскаго гарнизона, князь Горчаковъ говоритъ: „Почтимъ, товарищи, память тѣхъ изъ насъ, кои пали съ честью за вѣру, царя и отечество при оборонѣ Севастополя. Вспомнимъ, въ особенности, незабвенныя имена адмираловъ Корнилова, Нахимова и Истомина, и вознесемъ мольбы наши ко Всевышнему, да ниспошлетъ Онъ миръ и успокоеніе ихъ праху и увѣковѣчитъ память о нихъ, въ примѣръ грядущимъ поколѣніямъ россіянъ“.

Императоръ Александръ II, въ приказѣ по арміямъ, такъ почтилъ подвиги севастопольцевъ: „Долговременная, едва ли не безпримѣрная въ военныхъ лѣтописяхъ оборона Севастополя обратила на себя вниманіе не только Россіи, но и всей Европы. Она съ самаго почти начала поставила его защитниковъ на ряду съ героями, наиболѣе прославившими наше отечество. Въ теченіе одиннадцати мѣсяцевъ гарнизонъ севастопольскій оспаривалъ у сильныхъ непріятелей каждый шагъ родной, окружавшей городъ, земли, и каждое изъ дѣйствій его было ознаменовано подвигами блистательнѣйшей храбрости. Многократно возобновляемое жестокое

Малаховъ курганъ и непріятельскія батареи послѣ ухода нашихъ войскъ на сѣверную сторону.

бомбардированіе, коего огонь былъ справедливо именуемъ адскимъ, колебало стѣны нашихъ твердынь, но не могло потрясти и умалить постояннаго героизма защитниковъ ихъ. Съ неодолимымъ мужествомъ, съ самоотверженіемъ, достойнымъ воиновъ-христіанъ, они поражали враговъ или гибли, не помышляя о сдачѣ. *Но есть невозможное и для героевъ*. 27 числа сего мѣсяца, послѣ отбитія шести отчаянныхъ приступовъ, непріятель успѣлъ овладѣть важнымъ Корниловскимъ бастіономъ, и главнокомандующій Крымскою арміей, щадя драгоцѣнную своихъ сподвижниковъ кровь, которая въ семъ положеніи была бы уже безъ пользы проливаема, рѣшился перейти на сѣверную сторону города, оставивъ осаждающему непріятелю однѣ окровавленныя развалины.

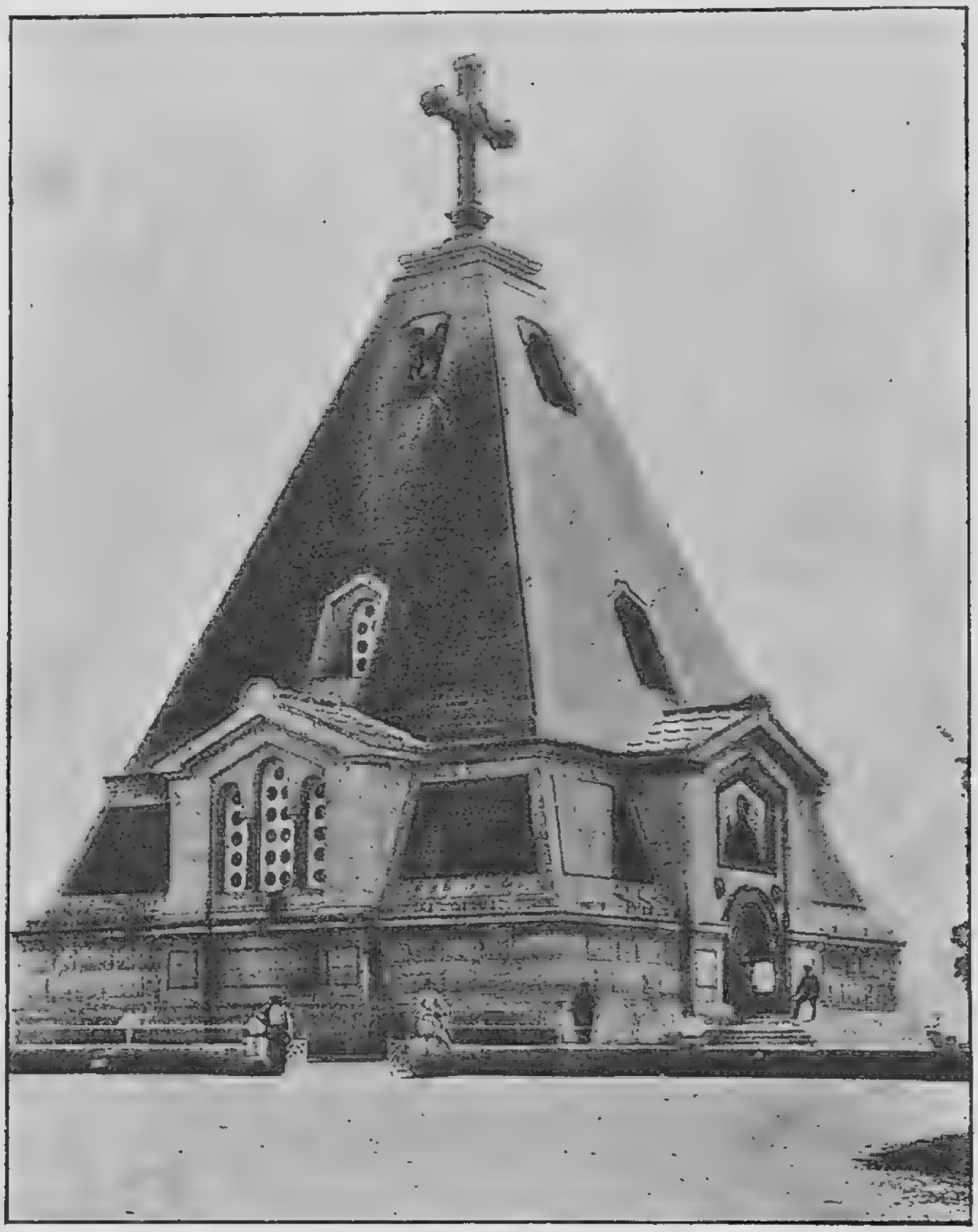
„Скорбя душою о потерѣ столь многихъ доблестныхъ воиновъ, принесшихъ жизнь свою въ жертву отечеству, и съ благоговѣніемъ покоряясь судьбамъ Всевышняго, Коему неугодно было увѣнчать ихъ подвиги полнымъ успѣхомъ,—я признаю святою для себя обязанностію изъявить въ семъ случаѣ, отъ имени моего и всей Россіи, живѣйшую признательность храброму гарнизону севастопольскому за неутомимые труды его, за кровь, пролитую имъ въ сей почти цѣлый годъ продолжавшейся защитѣ сооруженныхъ имъ же въ немногіе дни укрѣпленій. Нынѣ, войдя снова въ ряды арміи, сіи испытанные герои, служа предметомъ общаго уваженія своихъ товарищей, явятъ, безъ сомнѣнія, новые примѣры тѣхъ же воинскихъ доблестей. Вмѣстѣ съ ними, и подобно имъ, всѣ наши войска, съ тою же безпредѣльною вѣрою въ Провидѣніе, съ тою же пламенною любовью ко мнѣ и родному нашему краю, вездѣ и всегда твердо будутъ встрѣчать враговъ, посягающихъ на святыни наши, на честь и цѣлость отечества, а имя Севастополя, столь многими страданіями купившаго себѣ безсмертную славу, и имена защитниковъ его пребудутъ вѣчно въ памяти и сердцахъ всѣхъ русскихъ, совокупно съ именами героевъ, прославившихся на поляхъ Полтавскихъ и Бородинскихъ“.

По занятіи южныхъ укрѣпленій Севастополя, наступилъ перерывъ въ военныхъ дѣйствіяхъ, потому что союзники, хотя и располагали арміей въ 150.000, не могли предпринять наступленія въ глубь Россіи, не имѣя у себя обозовъ. Въ теченіе сентября они дѣлали нѣсколько безуспѣшныхъ попытокъ выманить изъ крѣпкой оборонительной позиціи армію князя Горчакова, но тотъ, сознавая всю выгоду своего оборонительнаго положенія оставался недвижимъ. 28 октября порадовалъ севастопольцевъ своимъ посѣщеніемъ импе-

раторъ Александръ II, прибывшій благодарить свою армію. Наступившая затѣмъ зима совершенно прекратила военныя дѣйствія въ Крыму, а союзники, снова терпя тяжелыя лишенія, гибли отъ болѣзней и холода.

Еще съ началомъ 1855 года въ Балтійское море вторично явилась сильная англо-французская эскадра. Въ половинѣ мая она подходила къ Кронштадту, но, простоявъ здѣсь нѣсколько времени, ушла назадъ. Вся дѣятельность ея ограничилась, кромѣ бомбардированія Свеаборга и другихъ пунктовъ Балтійскаго побережья, рядомъ грабежей въ прибрежныхъ селеніяхъ.

На азіатскомъ театрѣ наши войска въ 1855 году взяли безъ сопротивленія Ардаганъ и осадили Карсъ; взять эту сильнѣйшую

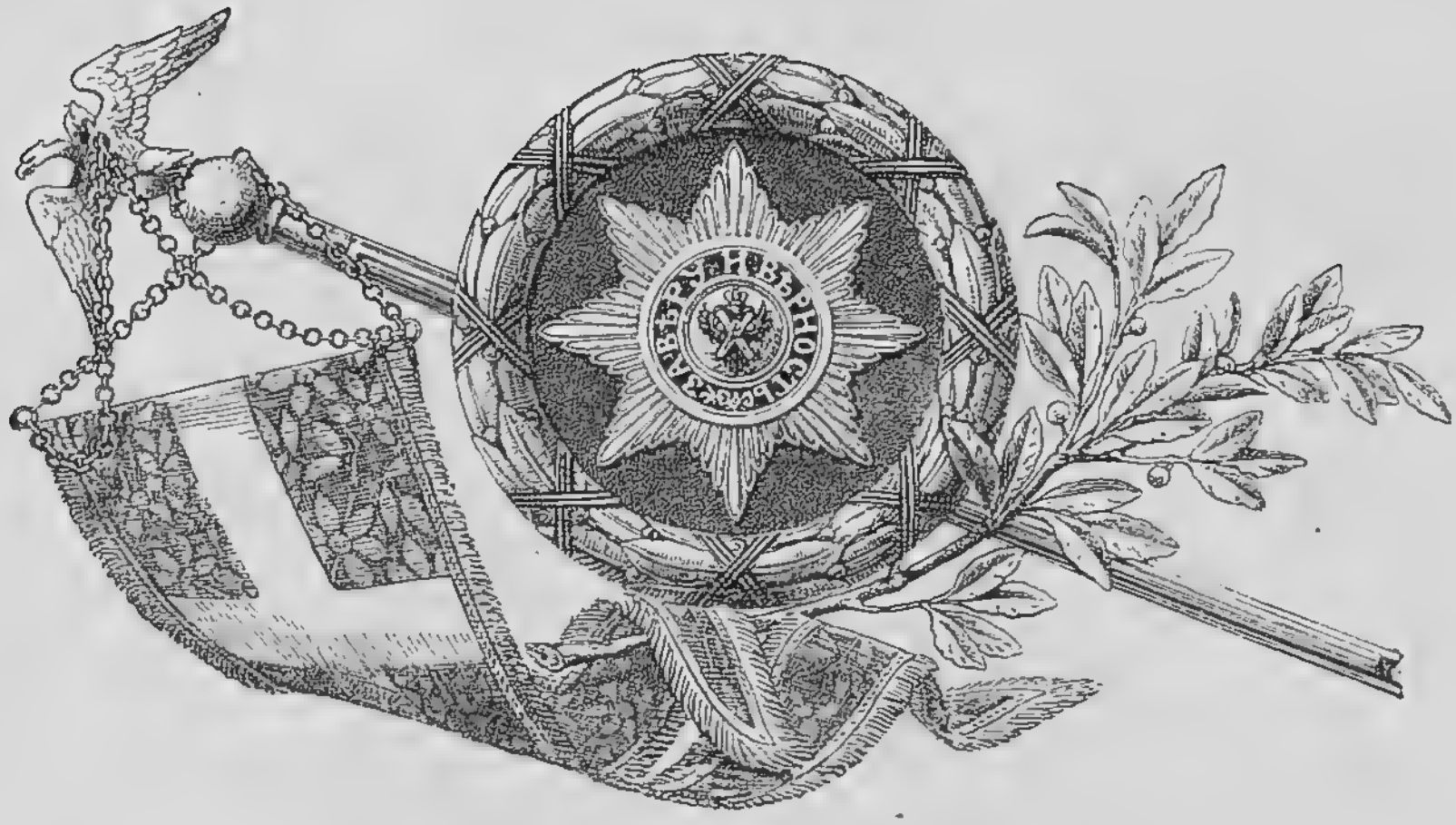


Храмъ на Братской могилѣ въ Севастополѣ.

крѣпость штурмомъ не удалось. Но осада привела къ тому, что Карсъ 16 ноября сдался Муравьеву на капитуляцію.

Воюющія стороны склонились къ миру, который заключенъ былъ 18 марта 1856 года въ Парижѣ. Союзники возвратили намъ Севастополь, а мы отказались отъ Карса. Отъ Россіи отошелъ участокъ земли по берегу Дуная; мы обязались держать на Черномъ морѣ ограниченное число мелкихъ военныхъ судовъ и не имѣть укрѣпленій на этомъ морѣ. Оно было объявлено нейтральнымъ. Дунайскія княжества и христіане на Востокѣ, бывшіе до сего времени подъ покровительствомъ Россіи, должны были впредь состоять подъ общимъ протекторатомъ великихъ державъ.

Митрополитъ Филаретъ, встрѣчая въ дверяхъ Успенскаго собора императора Александра II, сказалъ ему: „Не побѣдили Россіи враги: ты побѣдилъ вражду“, при чемъ указалъ, что не велико торжество четырехъ державъ, что они заняли часть Севастополя.



V.

Личность и характеръ императора Николая I.—Его воззрѣніе на царское призваніе въ Россіи.—Православная религіозность государя.—Его добросердечіе къ бѣднымъ и нуждающимся.—Выдающіяся проявленія его отзывчивости.—Заботы о войскахъ.—Прощальный смотръ отряду, отправлявшемуся въ Севастополь.—Смерть Николая Павловича.

Въ императорѣ Николаѣ I мы видимъ одну изъ наиболѣе мощныхъ личностей всего XIX вѣка.

Государь этотъ, какъ и Петръ I, былъ очень высокъ ростомъ, строенъ и красивъ. Царственная, нѣсколько суровая осанка его производила на всѣхъ сильное впечатлѣніе. Воля его была тверда, какъ сталь. Рыцарская его честность признана даже его врагами.

По своимъ воззрѣніямъ, онъ былъ убѣжденнымъ носителемъ русскихъ національно-историческихъ началъ: православія, самодержавія и народности.

Прежде всего, онъ былъ глубоко и по-православному набоженъ. Вотъ какъ начался первый день его царствованія. 14 декабря 1825 года, собираясь отправиться на занятую мятежниками Сенатскую площадь, государь взялъ лежавшее всегда въ кабинетѣ на его письменномъ столѣ Евангеліе и, раскрывъ его, прочелъ изъ него первый же отрывокъ, на который упалъ его взоръ. Затѣмъ, передавая книгу стоявшему здѣсь графу Кутузову, сказалъ: „Посмотри, Павелъ Васильевичъ, какой стихъ мнѣ вышелъ: „Азъ єсмь пастырь добрый; пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы,

За Севастополь.

а наемникъ, иже нѣсть пастырь, бѣжитъ". Осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, государь вышелъ изъ кабинета...

Такому началу царствованія вполнѣ соотвѣтствовалъ конецъ его. Передъ смертью, когда пришли изъ Севастополя письма отъ его сыновей, великихъ князей Николая и Михаила Николаевичей, онъ коротко спросилъ: „Здоровы ли они?", а затѣмъ прибавилъ: „Все прочее теперь меня не касается", и, указывая на своего наслѣдника, заключилъ: „Я весь въ Богѣ". Въ духовномъ завѣщаніи своемъ онъ говорилъ: „Я умираю съ благодарнымъ сердцемъ за все благо, которымъ Богу угодно было въ семъ переходящемъ мірѣ меня наградить". Прощаясь съ семьею и обнимая старшаго сына, умирающій сказалъ: „Теперь иду молиться за Россію и за васъ"... И скончался при чтеніи отходной.

И вся жизнь императора Николая I была проникнута православно-религіознымъ духомъ. Онъ съ одушевленіемъ говѣлъ два раза въ великомъ посту: на первой и Страстной недѣляхъ, и почти каждый день свой начиналъ слушаніемъ литургіи въ дворцовой церкви.

Одна современница, уже послѣ его кончины, пишетъ: „Теперь его нѣтъ съ нами, и при этой мысли отъ слезъ едва вижу, что пишу. Но сколько вспоминаю его дорогихъ рѣчей! Онъ говаривалъ, что когда стоитъ у обѣдни, онъ стоитъ предъ Богомъ и рѣшительно ни о чемъ земномъ не думаетъ. Надо было видѣть его у обѣдни, чтобы увѣриться въ этихъ словахъ. Какое глубокое почтеніе онъ чувствовалъ къ святынѣ, какъ требовалъ, чтобы дѣти

Николай I съ Михаиломъ Павловичемъ и Цесаревичемъ.

и внуки его съ благоговѣйной сосредоточенностью слушали обѣдню. Онъ очень любилъ церковное пѣніе, особенно Херувимскую Бортнянскаго, „Отче нашъ“ Львова и хоровыя произведенія Турчанинова и самъ пріятнымъ басомъ подпѣвалъ въ церкви. Во время одного изъ путешествій въ Поволжьѣ, недалеко отъ города Чембара, коляска государя на крутомъ спускѣ раскатилась, и онъ упалъ изъ экипажа и переломилъ себѣ ключицу и долженъ былъ двѣ недѣли пролежать здѣсь въ постели. Оправившись, предъ отъѣздомъ онъ вызвалъ къ себѣ служить благодарственный и напутственный молебенъ приходскаго священника съ однимъ дьячкомъ. Лишь только священникъ началъ молебенъ обычнымъ возгласомъ, какъ въ отвѣтъ на него, вмѣстѣ съ причетникомъ, запѣлъ чистымъ и пріятнымъ басомъ самъ царь. Батюшка невольно оглянулся, смутился и, оробѣвъ, остановился, а Николай Павловичъ, подсказывая службу, помогъ ему оправиться отъ робости и благополучно кончить молебенъ. Проѣзжая мимо церкви, онъ каждый разъ снималъ съ головы свою бѣлую кавалегардскую фуражку и набожно крестился, а иногда, остановивъ лошадей и сойдя съ экипажа, нѣсколько мгновеній молился предъ храмомъ.

Такимъ былъ императоръ Николай I, какъ сынъ своей православной Церкви. Какъ царь русскій, онъ былъ глубоко проникнутъ идеей самоотверженнаго самодержавнаго служенія отечеству. И о немъ можно сказать словами нашего поэта А. Н. Майкова:

Большой Кремлевскій дворецъ (оконченъ въ 1849 году).

Въ томъ царская его заслуга предъ Россіей,
Что—царь — онъ вѣрилъ самъ въ устои вѣковые,
На коихъ зиждется Россійская земля.

Любившій „Исторію Государства Россійскаго“ Карамзина и озарившій своими милостями, своей щедростью, предсмертный годъ его жизни, Николай Павловичъ былъ убѣжденъ, что только самодержавіе могло удержать Русь въ государственномъ единствѣ, создать изъ нея мощную державу и единый народъ.

При самомъ вступленіи на престолъ онъ встрѣтилъ бунтъ, устроенный заговорщиками тайныхъ обществъ, замышлявшихъ обратить Россію или въ конституціонную монархію, или даже въ республику. Но онъ ни минуты не поколебался защитить честно и грозно царское самодержавіе. Спокойною и твердою рукою онъ усмирилъ мятежъ, справедливымъ, но и милостивымъ судомъ и энергическимъ управленіемъ онъ искоренилъ крамолу въ Россіи и былъ опорою монархій и на Западѣ, въ пору тамошнихъ революціонныхъ происковъ и движеній.

На свое царствованіе онъ смотрѣлъ, какъ на требующую огромнаго труда службу отечеству, на свою мощную власть, какъ на отвѣтственное бремя, которое возложено на него Провидѣніемъ на благо народа. Суровый и грозный для враговъ государства, онъ былъ милостивымъ и любвеобильнымъ для добрыхъ и вѣрныхъ подданныхъ. Въ своихъ обращеніяхъ къ народу и войскамъ, онъ часто говорилъ: „Дѣти мои“. И народъ и войско любили горячо этого своего царя-батюшку.

Въ манифестѣ своемъ, при вступленіи на престолъ, онъ далъ обѣтъ всю жизнь свою посвятить единственно на благо своего дорогого отечества. И обѣтъ этотъ онъ исполнилъ и въ своемъ духовномъ завѣщаніи въ правѣ былъ сказать: „Я умираю съ пламенной любовью къ нашей славной Россіи, которой служилъ, по крайнему моему разумѣнію, вѣрой и правдой. Жалѣю, что не могъ сдѣлать всего добра, котораго столь искренно желалъ. Сынъ мой меня замѣнитъ. Буду молить Бога, да благословитъ его на тяжкое поприще, на которое вступаетъ, и сподобитъ утвердить Россію на твердомъ основаніи страха Божія, давъ ей довершить ея внутреннее устройство и отдаляя всякую опасность извнѣ. На тя, Господи, уповахомъ, да не постыдимся во вѣки“.

Въ томъ же послѣднемъ актѣ своего царствованія онъ говорилъ: „Благодарю славную и вѣрную гвардію и равно храбрые и вѣрные армію и флотъ. Молю Бога, чтобъ сохранилъ въ нихъ тѣ же доблести,

Князь А. С. Меньшиковъ.

тотъ же духъ, коими при мнѣ отличались. Покуда духъ сей сохранится, спокойствіе государства и внѣ и внутри обезпечено, и горе врагамъ его! Я любилъ войска мои, какъ дѣтей своихъ, старался, какъ могъ, улучшить ихъ состояніе; ежели не совсѣмъ въ этомъ успѣлъ, то не отъ недостатка желанія, но отъ того, что или лучшаго не умѣлъ придумать, или не могъ болѣе сдѣлать".

Послѣдними предсмертными словами, которыя сказалъ умиравшій императоръ, были слѣдующія, обращенныя къ наслѣднику престола цесаревичу Александру Николаевичу: „Служи Россіи. Мнѣ хотѣлось принять на себя все трудное, все тяжкое, оставить тебѣ царство мирное, устроенное, счастливое. Провидѣніе судило иначе. Теперь иду молиться за Россію и за васъ. Послѣ Россіи, я васъ любилъ болѣе всего на свѣтѣ".

Въ исторической памяти его современниковъ хранится много трогательныхъ разсказовъ, характеризующихъ, что этотъ русскій царь былъ не—то, что восточный властелинъ, для котораго подданные рабы или просто вещи; не—то, что цезарь Рима—военный диктаторъ, повелитель легіоновъ и народа, то популярный, то

страшный; и не—то, что абсолютный монархъ Запада, властвующій въ странѣ наперекоръ стремленіямъ народа и его сословій. Чѣмъ-то семейнымъ, патріархальнымъ, чѣмъ-то отеческимъ вѣяло отъ императора Николая I въ его отношеніяхъ къ подданнымъ.

Его непрерывная работа въ кабинетѣ за многообразными государственными дѣлами, его заботы о строгомъ порядкѣ и дисциплинѣ во всемъ, не расхолаживали и не изсушали его сердца. Онъ всю жизнь свою былъ сердечнѣйшимъ человѣкомъ.

Поглощенный многосложными дѣлами внѣшней и внутренней политики государь съ рѣдкой чуткостью откликался на каждое горе и каждую нужду.

Въ Зимнемъ дворцѣ въ Петербургѣ случился пожаръ, и царскія палаты пришлось отстраивать. Государь пріѣхалъ посмотрѣть на работы и увидалъ, что для скорѣйшей просушки стѣнъ были поставлены громадныя печи. Рабочіе, изнемогая отъ страшной жары, сильно болѣли на работѣ. Возмущенный этимъ государь сказалъ: „Жизнь каждаго изъ моихъ подданныхъ мнѣ дорога, потому что я считаю себя отцомъ всѣхъ; я прпказываю побольше заботиться о здоровьѣ рабочихъ; лучше десять лѣтъ дожидаться возобновленія дворца, чѣмъ знать, что оно куплено цѣною жизни этихъ молодцовъ“.

Однажды государь гулялъ въ морозную погоду по Петербургу и увидалъ, что передъ нимъ идетъ въ припрыжку человѣкъ въ одномъ сюртукѣ, то пряча рукп въ карманы, то согрѣвая ихъ дыханіемъ. Ускоривъ шаги, государь нагналъ его и спросилъ: „Неужели у васъ одинъ сюртукъ“?—„Шинель отдалъ въ починку“, отвѣчалъ бѣдняга. Николай Павловичъ велѣлъ ему поскорѣе итти на гауптвахту—отогрѣться и, скорымъ шагомъ идя вмѣстѣ съ нимъ, узналъ по дорогѣ, что онъ 18 лѣтъ учительствуетъ въ кадетскомъ корпусѣ и приказалъ ему не выходить, пока не пришлетъ ему теплую одежду. Чрезъ часъ бѣднякъ получилъ изъ дворца отъ государя теплую шинель. Чрезъ нѣсколько дней государь, узнавъ, что учитель хорошо ведетъ свое дѣло, сильно журилъ директора за то, что у него добрый работникъ ходитъ въ морозъ въ сюртукѣ, и приказалъ удвоить ему жалованье.

Въ другой разъ, проходя по Невскому проспекту, встрѣтилъ дроги съ гробомъ, на которомъ лежали шпага и трехугольная шляпа; очевидно, хоронили чиновника; за гробомъ шелъ одинъ бѣдный старикъ. Узнавъ отъ него, что у покойника нѣтъ въ Петербургѣ родныхъ, а занятые службой товарищи не могли его проводить, государь самъ пошелъ за гробомъ. Генералы, офицеры и многіе

изъ народа, случайно встрѣчавшіе гробъ, стали присоединяться къ царю и составили огромную процессію. Дойдя до Казанскаго собора Николай Павловичъ остановился и сказалъ: „Я узналъ, что покойникъ работалъ двадцать пять лѣтъ на государственной службѣ и провожалъ его, пока могъ; теперь меня призываютъ дѣла, а васъ прошу проводить его до послѣдняго жилища. Богъ за то вознаградитъ васъ, а я позабочусь о памятникѣ," который чрезъ нѣсколько дней и былъ поставленъ на могилѣ съ надписью: „Въ награду за вѣрную и честную двадцатипятилѣтнюю службу".

Особенно онъ любилъ дѣтей и часто посѣщалъ учебныя заведенія, поощряя всѣхъ къ прилежному ученью и доброму поведенію. Чуткія сердцемъ дѣти горячо откликались на любовь государя. Чаще всего онъ бывалъ въ кадетскихъ корпусахъ и являлся здѣсь, то во время утренней молитвы и самъ молился съ кадетами, то во время обѣда и садился съ ними обѣдать и ласково шутилъ съ ними. Онъ отдалъ на время на житье въ одинъ изъ кадетскихъ корпусовъ своего первенца—наслѣдника престола, цесаревича Александра Николаевича. Однажды, сидя за обѣдомъ, государь шутливо спросилъ, какое кушанье любятъ кадеты, и съ удивленіемъ узналъ, что тюрю, и тутъ же велѣлъ сыну изготовить себѣ это блюдо изъ хлѣба и квасу съ масломъ. Покушавъ, царь сказалъ: „Недурно, велю и себѣ во дворцѣ дѣлать ваше кушанье". Кадеты были въ неописуемомъ восторгѣ. Развеселившись, онъ игралъ въ лошадки съ младшимъ возрастомъ, а обезумѣвшіе отъ радостнаго восторга маленькіе кадеты отрѣзали съ царскаго мундира на память всѣ до единой пуговицы. „Какъ же я, ребятишки, поѣду по городу?"—„Ничего, ваше величество, завернитесь получше въ шинель". Свидѣтели всего этого до могилы своей со слезами вспоминали о царственной простотѣ и добротѣ къ дѣтямъ.

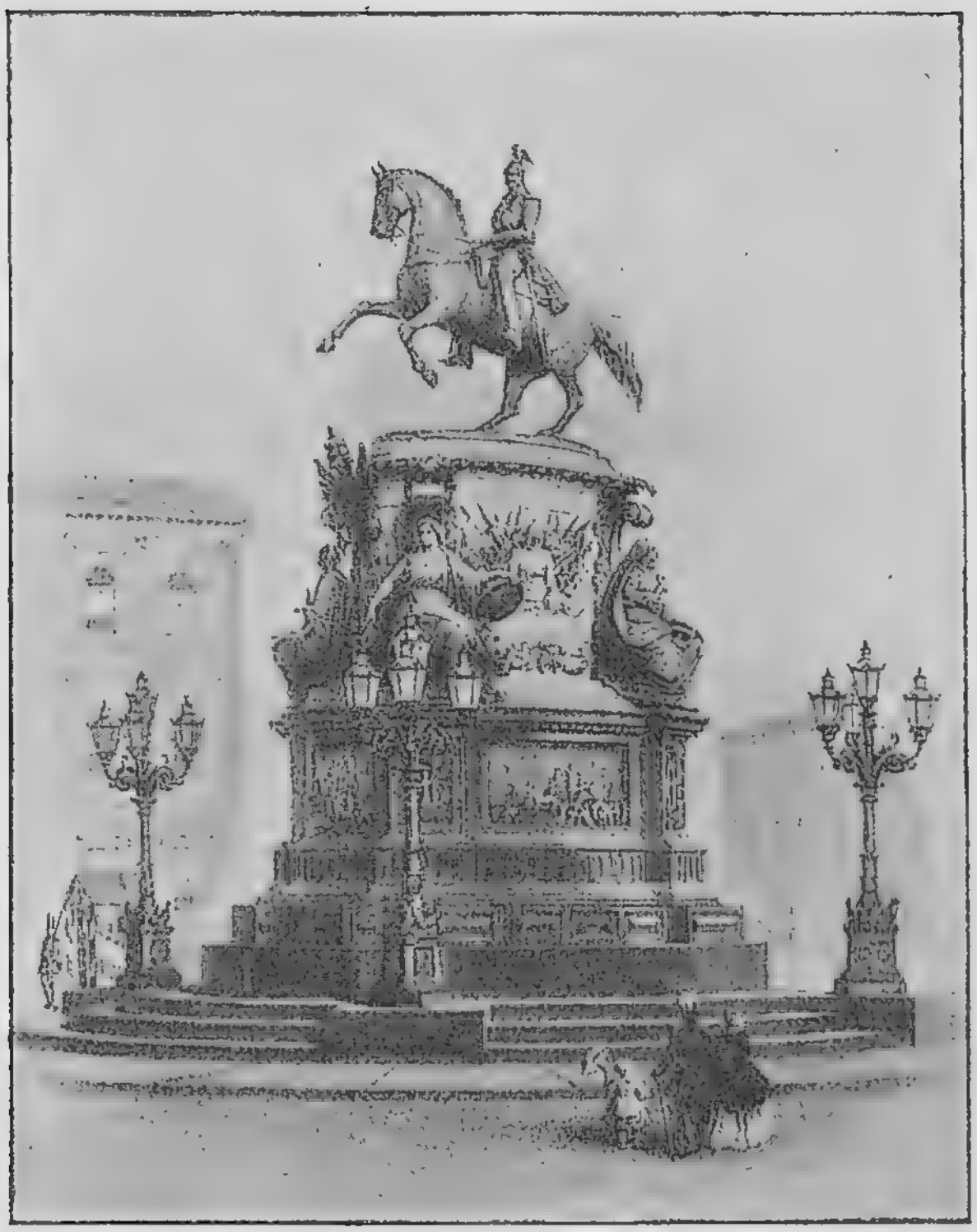
Не нарушая дисциплины военной, государь заботливо относился къ солдатамъ, называя ихъ „ребята мои и братцы", и въ гвардейскихъ полкахъ всѣхъ выдающихся служакъ зналъ по фамиліямъ.

Суровый государь обнаружилъ въ первую турецкую войну нѣжную отеческую заботливость о войскѣ, въ особенности о солдатѣ.

Участвуя при переправѣ войскъ подъ выстрѣлами турокъ черезъ Дунай, при осадѣ крѣпостей, въ особенности Варны, онъ въ военномъ совѣтѣ и во время самыхъ битвъ требовалъ, чтобы его полководцы всячески берегли жизнь солдатъ. Онъ энергически возсталъ противъ взятія Варны штурмомъ и добился-таки осадой ея сдачи

Николай I въ Севастопольскую войну.

Севастополь 30 августа 1855 года.



Памятникъ Николаю I въ Петербургѣ.

самими турками. Самъ принималъ и укладывалъ раненыхъ и отвертывался и скрывалъ свое лицо, чтобы никто не увидалъ текшихъ изъ его суровыхъ очей слезъ. Приводилъ въ ужасъ врачей, безстрашно посѣщая не холерныхъ и тифозныхъ только больныхъ, но и пораженныхъ чумою. Цѣловалъ отличившихся въ битвахъ солдатъ и своею рукою надѣвалъ на ихъ грудь георгіевскіе кресты. Особенно трогателенъ слѣдующій разсказъ: при взятіи крѣпости Калафата, одинъ нашъ солдатъ завладѣлъ турецкимъ знаменемъ, выставленнымъ на валу. Смертельно раненый въ грудь, онъ закричалъ своимъ товарищамъ: „Прощайте, братцы, я умираю; знамя взято, — теперь берите городъ“. Когда объ этомъ было доложено государю, онъ приказалъ разыскать семью солдатика и по-царски щедро наградилъ ее, а матери храбреца пожаловалъ золотой крестъ съ надписью: „Твой сынъ умеръ героемъ, да благословитъ его Богъ“. Государь

говаривалъ: „Я не былъ бы ни минуты спокоенъ, если бы зналъ, что одинъ изъ моихъ подданныхъ, совершившихъ подвигъ изъ преданности отечеству, былъ не награжденъ. Я долженъ знать все, что дѣлается въ государствѣ: отецъ не имѣетъ права не знать, ведутъ ли себя его дѣти хорошо или дурно“.

Поглощенный заботой о войскѣ, царь совсѣмъ забывалъ о себѣ п, подвергаясь смертельнымъ опасностямъ, приводилъ въ ужасъ своихъ приближенныхъ. И войско съ трогательною любовью относилось къ государю. Горячо любилъ его и народъ.

Однажды государь, проѣзжая по Петербургу, послѣ пожара въ Зимнемъ дворцѣ, остановилъ свою лошадь и пошелъ посмотрѣть на что-то, какъ къ санямъ его подбѣжалъ какой-то мужичокъ, и, бросивъ наскоро въ сани мѣшокъ (съ 800 руб.) денегъ и письмо, быстро скрылся въ толпѣ. Возвратившійся государь прочелъ въ этомъ письмѣ слѣдующія трогательныя строки: „Въ прошломъ году сгорѣла наша деревня, ты построилъ намъ новые дома. Позволь теперь и намъ помочь тебѣ отстроиться. Мы небогаты и не можемъ дать много, но зато наша любовь къ тебѣ велика. Наше имущество, наша кровь, мы сами — все принадлежитъ тебѣ. Дай Богъ тебѣ счастья и здоровья“. Всѣ усилія разыскать въ Петербургѣ подателя письма остались напрасными.

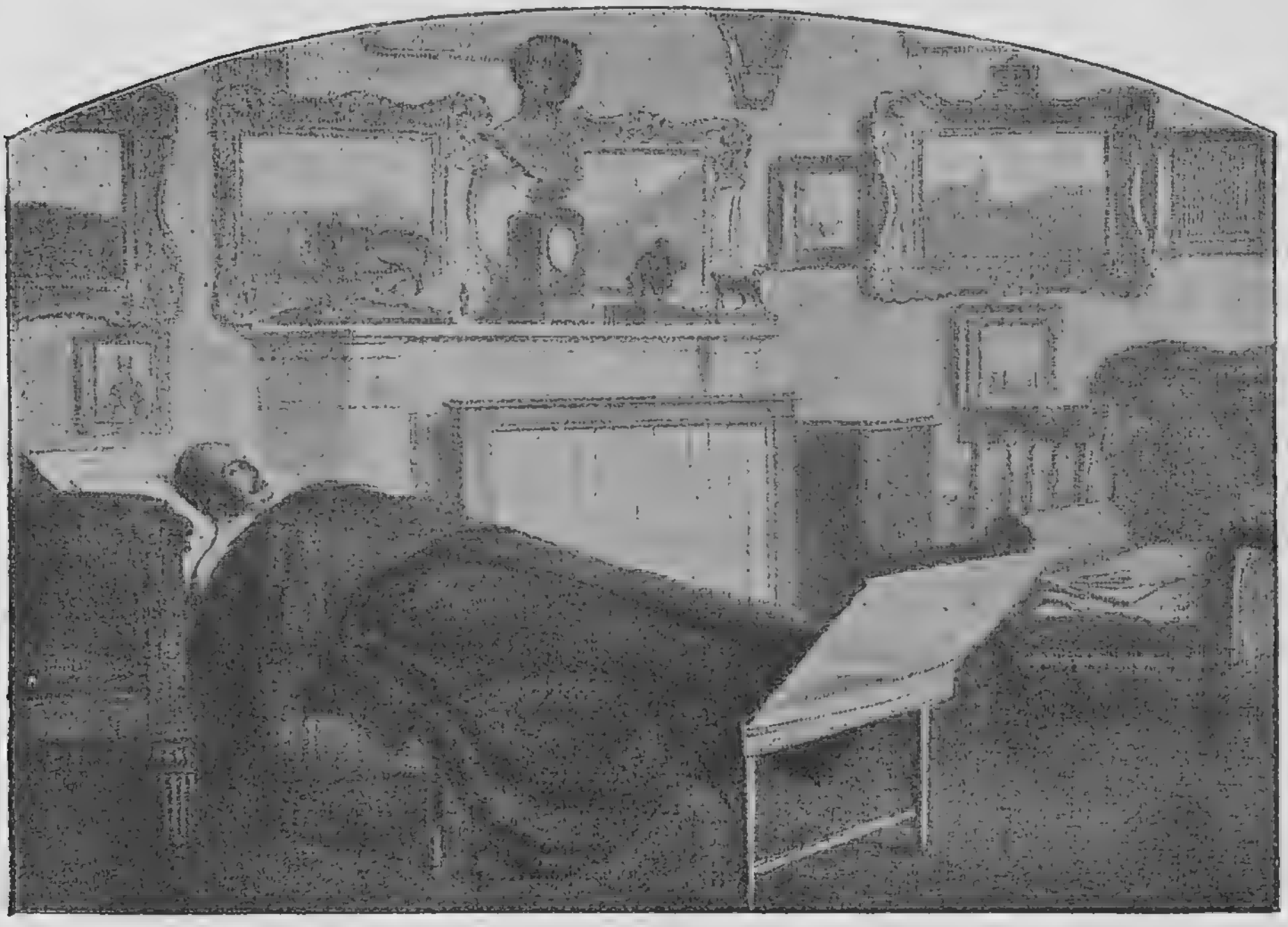
10 февраля, когда въ Севастополѣ Тотлебенъ строилъ Селенгинскій редутъ, императоръ Николай I уже больной пропзводилъ прощальный смотръ уходившимъ на войну батальонамъ Преображенскаго и Семеновскаго полковъ и сказалъ имъ:

„Идите, дѣти мои! Пусть русскіе орлы будутъ вамъ путеводителями по дорогѣ къ чести и славѣ. Мнѣ не позволяютъ итти побѣдить или умереть вмѣстѣ съ вами, но мои думы и сердечныя пожеланія всегда будутъ съ вами на тѣхъ геройскихъ преградахъ и тяжкихъ испытаніяхъ, которыя вамъ придется преодолѣвать. Когда отечество и вѣра васъ призываютъ, я не могу васъ задерживать — ступайте съ Богомъ“. Это въ послѣдній разъ императоръ видѣлся съ своими войсками и послѣ этого слегъ въ постель.

Чувствуя приближеніе смерти, государь причастился Святыхъ Таинъ и приказалъ послать въ Москву, Кіевъ и Варшаву телеграммы: „Императоръ умираетъ и прощается со всѣми“.

18 февраля въ 12 часовъ 20 минутъ, когда въ защиту Малахова кургана ставили пушки на батареи Волынскаго редута, раздался въ

Петербургѣ, у Исаакія Далматскаго, протяжный заунывный звонъ, а на Зимнемъ дворцѣ приспущенъ былъ на половину императорскій штандартъ, народъ понялъ, что надежа-государь скончался, и въ глубокой скорби сталъ собираться ко дворцу, а тамъ, въ рабочемъ кабинетѣ, покрытый старой шинелью, лежалъ онъ, смеживъ очи...



Московская Центральная Публичная Библиотека

ЦЕНТРАЛЬНОЕ КНИГОХРАНИЛИЩЕ Московск. Обл. Библиотеки

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

1. Личность и дѣятельность императора Николая I до начала его царствованія. — Трудности его положенія при вступленіи на престолъ. — 14 декабря 1825 года. — Судъ надъ декабристами и начало царствованія 5

2. Отличіе иностранной политики Николая I отъ предшествующаго царствованія. — Война съ Персіей. — Отношенія къ Турціи и война съ ней въ 1828—9 годахъ. — Польскій мятежъ и возсоединеніе уніатовъ. — Крестьянскія и холерныя волненія 30

3. Дѣла внутренняго управленія. — Отношеніе Николая I къ внутренней политикѣ предшествующаго царствованія. — Законодательство Николая I. — Собраніе узаконеній и Сводъ законовъ. — Организація Собственной Его Величества Канцеляріи. — Сословныя реформы и крестьянство. — Финансы. — Мѣры относительно просвѣщенія. — Расцвѣтъ литературы и искусства. — Отношеніе къ Турціи. — Походъ противъ хивинцевъ. — Военныя дѣйствія на Кавказѣ. — Усмиреніе венгерскаго возстанія 66

4. Восточная война 1853—1856 года. — Причины этой войны: вліяніе на Турцію Англіи и Франціи. — Вопросъ о святыхъ мѣстахъ въ Палестинѣ и передача ключей отъ храма Воскресенія въ Іерусалимѣ въ католическія руки. — Строптивые отвѣты Турціи на русскія требованія. — Вступленіе нашихъ войскъ въ Дунайскія княжества. — Синопская битва. — Англія и Франція вступаются за Турцію и устраиваютъ западно-европейскую коалицію противъ Россіи. — Дѣйствія союзниковъ сосредоточиваются въ Крыму у Севастополя. — Главнѣйшіе моменты его 11-мѣсячной обороны. — Смерть Николая I и окончаніе войны 93

5. Личность и характеръ императора Николая I. — Его воззрѣніе на царское призваніе въ Россіи. — Православная религіозность государя. — Его добросердечіе къ бѣднымъ и нуждающимся. — Выдающіяся проявленія его отзывчивости. — Заботы о войскахъ. — Прощальный смотръ отряду, отправлявшемуся въ Севастополь. — Смерть Николая Павловича 125

СВѢТОВЫЯ КАРТИНЫ

къ чтеніямъ о царствованіи императора Николая I.

1. Портретъ императора Николая I.
2. То же—въ дѣтствѣ.
3. То же—въ началѣ царствованія.
4. Императрица Александра Ѳеодоровна.
5. Аничковъ дворецъ.
6. Наваринская битва.
7. Переправа Николая I черезъ Дунай.
8. У Варны.
9. У Шумны.
10. Русскія войска въ Адріанополѣ.
11. Дибичъ-Забалканскій.
12. Паскевичъ-Эриванскій.
13. Штурмъ аула на Кавказѣ.
14. Шамиль и его мюриды.
15. Дарьяльское ущелье.
16. Военно-Грузинская дорога.
17. Николай I на Кавказѣ.
18. Тифлисъ.
19. Сперанскій.
20. Блудовъ.
21. Канкринъ.
22. Митрополитъ Филаретъ.
23. Иннокентій, архіепископъ херсонскій.
24. Планъ укрѣпленій Севастополя.
25. Видъ Малахова кургана.
26. Адмиралъ Корниловъ.
27. Нахимовъ.
28. Истоминъ.
29. Хрулевъ.
30. Меншиковъ.
31. Матросъ Кошка и другіе развѣдчики.
32. Севастополь послѣ ухода нашихъ войскъ на сѣверную сторону.
33. Медаль за Севастопольскую войну.
34. Монеты императора Николая I.
35. Николай I въ московскомъ Кремлѣ во время холеры.
36. То же—на Сѣнной площади въ Петербургѣ.
37. Николай I въ конной группѣ.
38. То же—на смертномъ одрѣ.
39. Памятникъ Николаю I въ Петербургѣ.

РУССКАЯ ИСТОРІЯ. В. В. Назаревскаго. Че
части (862—1825). *Изданіе третье.* Съ 604 рисун
картами и планами. Цѣна **3** руб. **50** коп.

Допущено въ библіотеки учебныхъ заведеній разныхъ вѣдо
а равно для обращенія въ войскахъ и народныхъ читальн

Вышла изъ печати **пятая часть РУССКОЙ И**
РІИ. Выпускъ I (1825 — 1855). Съ 92 рисун
Цѣна **50** коп.

Печатается **второй и послѣдній выпускъ**
части этого пособія къ изученію Отечественной
ріи (Царствованія Императоровъ Александра
Александра III).

Вышла изъ печати новая брошюра: **ДВУХСОТ**
ТІЄ ПОЛТАВСКОИ БИТВЫ. В. В. Назаревс
Изданіе второе. Съ 42 рисунками. Цѣна **25** ко

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просв
внесено въ каталоги низшихъ учебныхъ заведеній и народ
читаленъ.

Цѣна **50** коп.

Съ требованіями обращаться въ книжные маг
Т-ва И. Д. СЫТИНА:

Въ Москвѣ: 1) **Правленіе и главный складъ,** близъ Ильинскихъ вор., домъ Титова, . Нико
д. Законоспасскаго монастыря, 3) Никольская улица, домъ графа Орлова-Давыдова, "ве
д. № 48 Товарищества И. Д. Сытина.

Въ Петербургѣ:
1) Больш. Садовая, д. № 25;
2) Невскій, 68, уголъ Аничкова моста.
Въ Кіевѣ, Подолъ, Гостиный дворъ.
Въ Екатеринбургѣ, Покровскій проспектъ, домъ Ермолаева.
Въ Варшавѣ, Краковское предмѣстье, д. № 1.

Въ Одессѣ, Преображенская ул., д
Въ Воронежѣ, Московская улица.
Въ Харьковѣ, Торгов. пл., д. Мѣщ
Въ Ростовѣ-на-Дону, Больш. Са
домъ Аграева, № 92.
Въ Иркутскѣ, Большая ул., домъ
Въ Нижегородской ярмаркѣ,